Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 11

2018

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Октай МИР-КАСЫМ. **Синдром Самурая.** *Повесть* 3
Валентин ДЖУМАЗАДЕ. *Ностальгические истории* 112
Надир АГАСИЕВ. **Отрывок из задуманного.** 130

ПОЭЗИЯ

Ирина ЗЕЙНАЛЛЫ. **Разбивая янтарь** 56
Владимир САРИШВИЛИ. *Стихи* 82
Гюля МЕХТИЕВА. *Стихи* 110

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. **Письмо неисправимой оптимистки** 54
Вилаят ГУЛИЕВ. **Он познакомил мир с исламским искусством** 59
Натаван ФАИГ. **Памяти Чингиза Садыхова** 88

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-86-04; 493-75-81

Сдано в печать 22.10. 2018г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NPKT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NPKT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2018 г.

ОКТАЙ МИР-КАСЫМ

СИНДРОМ САМУРАЯ

Повесть

Посвящается самым неисправимым оптимистам…

... Лицо Расула, почерневшее от въевшейся в кожу копоти, было неестественно застывшим. Отсутствовали даже малейшие признаки мимических реакций – возможно, инстинкт подсказывал ему необходимость экономить даже крупицы энергии: ведь он не только двигался, но поднимался по крутому каменистому склону, неся на спине безжизненно свисающее тело товарища. Повидавшая виды униформа обоих по своему состоянию была явным свидетельством их недавнего участия в достаточно тяжелом сражении: изодрана, вся в пятнах крови и грязи…

…Он остановился на пару мгновений, закачался, видимо, под воздействием сильного головокружения. Лицо его побелело, потом окрасилось в землисто-серый цвет. Прикусив губу от сильной боли, он поднял помутневший взгляд к небу, прошептал что-то, сомкнув глаза, сделал три одинаково глубоких вдоха-выдоха. Сосредоточился, взглянул на проплывающие над ним облака…

Этого времени хватило, чтобы перед его глазами, сопровождаемые леденящими кровь скрежетом, глухими ударами и нереально замедленным треском раскалывающихся валунов, пронеслись жуткими клочьями застрявшие в сознании картины недавнего боя: взрывная волна бьет его в грудь и бросает с невероятной силой на обгорелую брусчатку окопа… Подброшенный в воздух, он падает вниз и безвольно приземляется на груду искореженного металла… Его рука нащупывает пульс на шее товарища… Сквозь густой дым на него летит пропитанный смолой кусок бревенчатой стены…

…Он выдохнул воздух и, сконцентрировавшись при помощи прежней «маски», упрямо двинулся дальше…

Зловеще-тоскливые птичьи крики не отвлекали его от необходимости преодолеть во что бы то ни стало предательский соблазн сделать пятиминутную передышку: надо было идти вверх, не останавливаясь.

Стервятники, лениво кружившие в небе, в своем ожидании опирались, очевидно, на простой стереотип жизненного опыта, подкрепленного генетической памятью, и в криках лишь некоторых – юных и суетливых – звучали нотки нетерпения: стая, видимо, привыкла к чуждым птичьей природе раскатам артиллерийских залпов и стрекоту «вертушек», время от времени заглушавших, но не прерывавших ее монотонный плотоядный хор.

…Расул достиг, наконец, вершины холма, коротко отдышался, огляделся по сторонам. Медленно присел и, бережно перехватив тело товарища, со знанием дела, неторопливо уложил его на бурую замшелую поверхность земли.

Что-то было «неправильное» в том, как судорожно сжимала подол расуловой куртки кисть раненого и как откинулась на бок его голова. Сглотнув слюну, Расул пару мгновений, нахмурившись, всматривался в лицо товарища. Прикоснулся пальцами к его шее. Дурное предчувствие не обмануло: парень не дышал.

По лицу Расула, не издавшего ни звука, проползла, медленно и мрачно, волна глубокой, молчаливой скорби, свойственной людям, испытавшим немало жизненных тягот и не слишком склонным к шумному проявлению каких бы то ни было чувств, но наполненным при этом любовью и милосердием, не нуждающимся в натужном самовнушении и далеким от всякой фальши…

* * *

Расул вез тело товарища в повидавшей виды старенькой «шестерке». Рука покойного продолжала сжимать край его куртки.

Дорога была далека от совершенства, машина изредка сильно подскакивала на ухабах.

– Потише газуй, брат, – буркнул Расул.

Шофёр кивнул, сбросил газ:

– Извини… Забылся… Мне за ребенком еще надо сле--тать… К теще…

– Ясно… Ты знаешь, где «салимовский» дом?

– Знаю. Туда и едем.

…По встречной полосе навстречу им проходили армейские грузовики и бронетехника…

* * *

Когда машина приблизилась к «салимовскому» дому, мальчик, дежуривший у калитки, помчался во двор, распахнул дверь, позвал кого-то, тут же вернулся на дорогу. Из дома один за другим выходили в скорбном молчании родственники и соседи погибшего солдата.

Дверь отворилась с жалобным протяжным скрипом. Расул вошел в комнату, где лежал на высоких подушках дед покойного.

Расул постоял молча пару секунд, потом тихо сказал:

– Пусть это последней вашей печалью будет…

Старик смотрел на Расула, не моргая и тяжело дыша, потом еле слышно прохрипел:

– Расул?.. Ты?..

– Да…

Дед отвел взгляд к стене, помолчал и, не глядя на Расула, продолжил:

– Я так сильно… ждал его… Ждал… И потому верил… Эх!..

Дед запнулся, кашлянул и мрачно добавил:

– Он тебя братом называл… А ты его не сберег…

Лицо Расула потемнело, на лбу обнаружилась вдруг глубокая морщина. Он промолчал, только сглотнул слюну.

– Значит, правильно говорят: Бог троицу любит… – продолжал дед, уставившись в одну точку. – Я не встану… Сами хороните…

Помолчав еще, он повернул голову к мальчику, который беззвучно плакал, стоя в дверном проёме:

– Эльхан, ты покажи, где надо рыть… Рядом с братьями. Слева от бабушки…

Мальчик кивнул, вытер слёзы с лица…

* * *

…Сельское кладбище располагалось на вершине холма. Погода стояла сухая, солнечная. На вершине громадного платана копошилось, трещало на разные голоса громадное птичье сообщество. Первый же оружейный залп поднял пернатых в небо, заставив их мгновенно замолкнуть. Контрастность наступившей почти нереальной тишины длилась недолго: сослуживцы погибшего солдата, выдержав положенную паузу, отсалютовали необходимое количество раз. Местный молла имел немалый опыт участия в воинских церемониалах и без задержки продолжил молитву. Солдата хоронили рядом с двумя могилами, на которых были изображены его братья в военной форме.

Во время всей процедуры здесь царило удивительно строгое, безмолвное проявление скорби, таинственным образом гармонировавшее с образцовой воинской дисциплиной. Даже мальчик, Эльхан, не плакал, держался ровно, опустив руки по швам. Все вместе – и военные, и жители посёлка – как бы на время превратились в небольшое войско, и их силуэты на фоне светлого неба были неподвижны…

* * *

Командир подвез Расула на автовокзал. Вышли из машины, постояли молча.

– Езжай, Расул… Бог в помощь… да, э-э… Вот здесь, в документах, – командир открыл папку с бумагами и выбрал среди них одну, – есть… э-э, как его… сертификат… Получишь в банке расчет и подъемные… Вот, а это – все бумаги из медсанчасти. И не морочь им голову. Они ждут. Копии я и без того отослал в центральный госпиталь, так что твои номера больше не пройдут. Или назначат лечение,.. или уж извиняйте… Как говорится, шабаш, отстрелялся... Как приедешь, отправляйся на обследование, а то они сами тебя найдут и заберут.

Расул кивнул.

Командир испытующе посмотрел на него, покачал головой:

– Не нравится мне твоё настроение… Смотри, Расул…

– Всё нормально, командир… Не беспокойтесь…

– Ты… это… Я знаю, дед тебе что-то не то сказал… Его можно понять… А ты, ясное дело, себя грызть будешь. Они, видишь ли, вас, городских, особой любовью не жалуют…

– Всё нормально… – невпопад повторил Расул.

– Что нормально?

Расул пожал плечами, усмехнулся смущенно.

– Ну, смотри…

– Я… это э-э… подъеду как-нибудь… Вы к деду зайдите, а… Присмотрите…

– Хм! Не учи ученого!.. Скажешь тоже…

– Ну, ладно…

Расул кивнул на прощание, огляделся по сторонам, как будто оставалось что-то недоделанное в этих краях. Потоптавшись на месте, добавил:

– Я… это… подъеду…

И побежал к автобусу…

* * *

…Баку встретил Расула зеркальными стеклами новеньких башен, ухоженностью своих улиц и деловито спешащими кто куда или расслабленно толкающимися на людных площадях молодыми, постарше, да и не сдающими своих позиций седовласыми жителями. Автомобили проносились в едином ритме и в полной гармонии с окружающим их блеском или, дружно, тесно и терпеливо сгрудившись, ждали того волшебного мгновения, когда горделивый полицейский перенаправит свой жезл, и всем будет позволено нажать на газ…

* * *

…В родном старинном квартале происходило шумное массовое и очень суетливое паломничество на просторный балкон родительской квартиры Расула. Соседи, родственники, друзья, заглушая голоса друг друга, сообщали все, что считали значительным и интересным для Расула, задавая, в свою очередь, кучу наивных подчас вопросов «о делах на границе», на которые он отвечал односложно, уклончиво, даже несколько смущенно. Или, скорее, раздраженно... Расул был здесь единственным, кто пошел на военную службу, нарушив бытовавшее в этом кругу правило поступать после школы в вуз… В общем месиве голосов можно было уловить лишь отрывки фраз:

– …А если с белым флагом кто-то выходит?

– …А тетя Соня снова замуж собралась, представляешь?..

– …Разорился окончательно, но не признается…

– …Конечно, противотанковые, других сейчас нет…

– …Это норвежская фирма…

– …В разведке?.. Как в разведке?… А мы думали…

– …Асфальт завтра привезут…

«Руководил» встречей близкий приятель Расула Салман, взявший на себя заботу защитить «тело» героя вечера от наиболее назойливых посягательств… Разглядеть границу между комизмом происходящего и милой трогательностью было невозможно.

Мать Расула и его тётя весь вечер ходили за ним по пятам, и слезы радости катились по их щекам, не просыхая…

Вокруг расуловского дома высился целый лес многоэтажек – недостроенных и уже заселенных… А вокруг были приготовлены котлованы для новых построек… Дом Расула, не подлежавший сносу, как сооружение, имеющее особую историческую ценность, выглядел на фоне всего остального эдаким узурпатором – несуразно застрявшим среди исполинов назойливым и давно уже отжившим свой век карликом, голова которого с комичным упорством продолжала удерживать на себе непропорционально громадную корону. На фасаде этого экзотического сооружения красовались две мемориальные доски с именами людей, здесь проживавших когда-то и прославившихся своим образцовым служением обществу. Здание было обнесено специальной оградой с надписями о его особом статусе, а вокруг хлопотали представители городских властей, журналисты, инженеры и наиболее активные старожилы…

А город, восхищаясь полнотой производимого эффекта, продолжал сверкать, кипеть и гудеть своим мягким баритоном, демонстрируя отвыкшему от столичного лоска Расулу все многообразие собственного обновленного облика и уверенность в несомненной правильности своего выбора.

* * *

– ...Скажите «а-а-а...»

– А-а-а...

Расул сидел на стуле перед склонившейся над его задранной вверх головой молодой докторшей.

– Активнее...

– Активнее...

– Да не «Активнее!» А активно скажите «а-а-а»... – покраснев от смущения и обиды, буркнула девушка.

– Извините... А-а-а...

...Потом Расула подверг тщательному и долгому обследованию очень серьезного вида врач, вооруженный суперпрогрессивной техникой общего диагностирования. Происходило это в помещении, напоминавшем космический бункер.

– ... Месяца четыре назад перелом перенес... – не отрывая взгляда от монитора, монотонным голосом «сообщал» Расулу доктор. – В левом предплечье... Без смещения...

Расул покорно кивнул:

– Было дело...

– Так... Осколок в межреберном пространстве, – продолжал доктор. – В твоем рапорте об этом ни слова, кстати, нет... Что за штучки, а?..

Доктор, оторвав взгляд от монитора, победоносно уставился на Расула.

– Штучки-дрючки... – выдержав небольшую паузу, индифферентно пробормотал Расул.

После полуминутного пристального разглядывания Расула доктор сказал:

– А... Понимаю... Редкий случай... Назад, в «гражданку», уже не можешь... Синдром Самурая...

– Хм... Ничего себе диагноз...

– Э-э... Это всего лишь цветочки. Ты подожди еще, что тебе Абдуллаев скажет... Про твои внутренности... Комиссия через неделю...

* * *

...В просторной гостиной стол был накрыт по всем правилам, укрепившимся в семье Расула еще со времен прабабушек и их сильно картавивших немецких экономок, не выходивших на прогулку в Губернаторский сад без шляпок с вуалью. Фотографии на стенах, мебель, все предметы, в том числе посуда, подсвечник и кружевная скатерть, покрывавшая стол, были будто взяты напрокат из музея театрального инвентаря. Почему-то были зажжены свечи. Мама Расула и две его тетушки пребывали в каком-то смущенно-напряженно-заторможенном ожидании чего-то особо важного, стараясь при этом – каждая на свой манер – изобразить полное безразличие и отсутствие каких-либо личных интересов. К тому же они не забывали следить за временем, то и дело поглядывая на часы. По телевизору шла научно-популярная программа, связанная с вопросами орошения бахчевых угодий, и все три дамы, время от времени отрываясь от экрана, многозначительно переглядывались и кивали друг другу: очевидно, желая продемонстрировать Расулу свою удовлетворенность качеством телепередачи. Расул же, ремонтировавший в сторонке дверцу буфета, недоуменно поглядывал на маму и тетушек, прислушиваясь также и к голосу диктора с

целью уловить секрет удивительного интереса к развитию оросительных систем, неожиданно пробудившегося в рядах городской интеллигенции.

Раздался звонок, и мама с тетушками заспешили в прихожую. Через несколько мгновений они впорхнули в комнату уже вчетвером: с ними была расположенная к пышности, но старательно это маскирующая улыбчивая девушка, немало смущенная обстановкой и оказанным ей приемом. В руках у нее была тортовая коробка, перевязанная сиреневой лентой.

– Я... собственно... Меня попросили... доставить вам вот это... Я пойду...

– Спасибо, спасибо!.. Сколько мы должны? – засуетилась мама.

– Да нет... Мне все передали... Султан ведь сам заказывал. Он мне... Собственно... И вообще... Так неудобно...

– Султан?.. А! Да-да... Проходите!.. Проходите. Расул, ну оставь ты эти свои дела... Он у нас, знаете, очень способный... Руки золотые... Проходите.

...Суета царила немыслимая. Девица вращалась, топталась на одном месте, стараясь найти решение вопроса: как побороть смущение, при этом не обидеть милых старушек, но вырваться из столь несуразной ситуации.

Расул молча смотрел на все это и, кажется, ему становилось ясно, что по крайней мере одной из жертв расставляемой ловушки является он сам.

Когда все уселись, смущение лишь усилилось.

– Вот... – вздохнула мама. – Наконец мы за столом... – Хи-хи... Вот, знакомьтесь, этой мой сын Расул. Он... офицер... В нашем роду всегда были доблестные офицеры... Я хотела бы, чтобы он пошел... э... по линии Минобороны... Расул, это Земфира... Она дочь наших хороших друзей. У них своя кондитерская фирма. Несколько филиалов и...

– У меня Синдром Самурая. Вам, наверное, говорили... – прервал маму Расул. – Это очень редкое, малоизученное явление...

...За столом воцарилась гробовая тишина. И тогда выяснилось, что телевизор никто не догадался выключить. Передача о земледелии была на подъеме своего сюжетного развития...

Не причастная к заговору Земфира молча оглядела собравшихся и, очевидно, уловив суть происходящего, поднялась и со словами «Приятно было познакомиться» направилась к выходу. Мать Расула, крайне смущенная, неуклюже вскочила, стол закачался, посуда зазвенела, альбом с семейными фотографиями с шумом соскользнул на пол...

* * *

...Тетушки шушукались на остекленной галерее, а Расул с мамой сидели, отвернувшись друг от друга в комнате. Телевизор молчал, тикали старинные часы.

– Ты... обидел ни в чем не повинную, очень приличную... и достойную девушку, – дрожащим голосом прошептала мама.

– Я не рад этому... Но это – следствие... А причина в том, что я... и ты прекрасно это знаешь, ненавижу, когда за меня что-то решают!.. Вообще-то не я ее обидел, а вы! Вы ее подставили!

Расул обернулся в сторону галереи:

– Тетя Сона, тетя Лейла!

Тетушки появились почти мгновенно.

– Я не знаю, кто из нас самый упрямый! Но говорю! И не первый же раз! Хватит! С меня довольно!.. Это сводничество!.. Смотрины... Дефиле...

Раздался звонок, и одна из тетушек побежала открывать дверь.

– Вы позволите?

В комнату заглянул аккуратно одетый молодой человек с портфелем, за спиной которого находились еще люди:

– Меня зовут Акпер Самедов, мне поручено контролировать работы по реставрации. Вы позволите нашим людям быстренько, аккуратно пофотографировать вашу квартиру? А потом уже начнем делать и замеры…

* * *

Главврач госпиталя был явно одним из тех, кто «нюхал порох». Это было написано на его огрубевшем лице, украшенном шрамами, сверкало в глазах, смотревших прямо и несентиментально, а также отражалось на обстановке его кабинета: словно каким-то фантастическим образом в эту цивильную атмосферу проник дух полевой времянки. И еще фотографии на стенах о чем-то говорили. И плащ-палатка в углу на вешалке…

Он внимательно рассматривал Расула, допивая чай из грубоватой массивной кружки.

Расул так же прямо смотрел на него.

– Мне про тебя кое-что известно… Ты хороший офицер. Хочешь служить… – сказал главврач. – Но ты ведь знаешь, у тебя есть проблемы. Здесь все написано…

Главврач показал папку с результатами исследований и продолжил:

– Пока только лечение… И очень серьезное...

– Ну… А если так, то…

– Понял тебя… В лучшем случае будет предписана аппаратная служба. Учитывая заслуги, достойные показатели… А так – до свидания… «Гражданка»… Слушай, так, между нами: я вот смотрю, ты же не дурак… Глаза горят… Найдешь себя, Бог даст…

– Я там еще не закончил… Понимаете меня?

Главврач в упор смотрел на Расула несколько мгновений, а потом «влепил» ему, как пощечину:

– Ты что, один такой?! Там еще никто не закончил! Понятно?!

Потом вздохнул глубоко и тихо добавил:

– Такие вот дела… Да, а насчет последствий контузии забудь… У тебя все в порядке. Этот психиатр – дурак: написал целую телегу чуть ли не о раздвоении личности… Я это отменил. Это все – от излишнего соприкосновения с виртуальным миром. Поменьше в Интернет залезайте…

Расул кивнул. Улыбнулся:

– Спасибо… Учту…

* * *

Расул вышел из госпиталя, прошел по двору, по которому прогуливались выздоравливающие бойцы, и оказался на улице, где его ждал сидевший за рулем своей машины Салман.

– Ну что, можно поздравить?! – спросил Салман, когда они отъехали от госпиталя.

– В каком смысле?

– Ну… Вообще… Комиссуют?

– Да… Рекомендуют сделать харакири…

– Оперировать будут? – озабоченно спросил Салман.

– Ты, давай, ехай… – рассеянно ответил Расул.

Салман недоуменно взглянул на Расула, пожал плечами. Вздохнул:

– Ну, ладно… Тогда на дачу? К Абдулле?

– Не понял. Какой Абдулла?

– Я же говорил. Ну, этот… Я с ним сотрудничаю…

Расул улыбнулся, кивнул:

– Понял… Поехали.

– А что ты улыбаешься? А? – забеспокоился Салман. – Я должен ему отвезти товар… Ты мне как раз поможешь… Познакомишься… Он богатый… Можно сотрудничать… Заработаешь на харакири…

…Они ехали вдоль берега моря. И ветерок доносил до них шум прибоя…

* * *

Приехали они на хорошо ухоженную виллу с несколькими постройками и прекрасным садом. О вкусе архитектора можно было поспорить, но других минусов Расул не обнаружил.

Они выгрузили из багажника тщательно оклеенные скотчем увесистые коробки и занесли их в кладовку в сопровождении аккуратно одетого немногословного человека, которого звали Рафик. Он был здесь как бы старшим по хозяйству…

…Хозяин виллы, Абдулла, сидел на табуретке в идеально чистом просторном курятнике, огороженном стальной сеткой, и с увлеченностью кормил потрясающе красивых петушков бойцовской породы, стараясь распределять угощение таким образом, чтобы всем досталось поровну: извлекая из небольшого ведерка достаточно мясистых дождевых червей, он скармливал их по очереди своим питомцам.

На небольшом расстоянии от курятника, в тени развесистого дерева, отдыхала на качалке пышнотелая особа по имени Рубаба, в соломенной шляпе с широкими полями, темных очках. С книжкой в руке. Она с интересом и нежностью наблюдала за действиями хозяина.

– А-а… Салман… Приехал?.. Я сейчас закончу…

Не слишком отвлекаясь от своего занятия, Абдулла краем глаза оглядел молодых людей:

– А кто это с тобой?

– Это друг мой, Расул, – ответил Салман. – Мы вместе выросли, Абдулла муаллим…

– А-а, Расул… Привет… – рассеянно проговорил Абдулла, продолжая свое общение с обитателями курятника. – Вы пока идите, я сейчас закончу… Там, в холодильнике есть хороший сок…

* * *

…Абдулла выпил весь сок, что находился в запотевшем бокале, крякнул, аккуратно вытер рот висевшим у него на шее вафельным полотенцем.

– Хороший сок… – проговорил он как бы между прочим, внимательно изучив – зрительно и по запаху – дно бокала, и, оставшись доволен, добавил: – В наше время…

надо… очень внимательно относиться… к выбору продуктов… Много опасной фальшивки…

Говоря это, он не без интереса и достаточно дружелюбно разглядывал Расула. Потом, как бы подтверждая результаты собственного анализа, покивал головой и обратился к Салману:

– Хороший у тебя друг… Да… Ну, расскажи, Салманчик, как там дела…

– Всё оказалось очень неплохо, Абдулла муаллим. У них хорошие помещения, сухие. Климат-контроль… ну, вентиляция. Всего четыре тысячи квадратов… Вот. Когда скажете, поедем. Сами посмотрите…

Абдулла покивал удовлетворенно и, почему-то обратив взгляд к Расулу, подытожил:

– Вот видишь, Расул? Климат-контроль…

– Да… – кивнул в ответ Расул, видя, что хозяин дачи ждет его встречной общительности.

Этого было достаточно, чтобы Абдулла, воодушевившись, продолжил.

– Ну, Расул, расскажи, кто ты, откуда… – Абдулла весело усмехнулся, – откуда и куда, как говорится… Шутка такая… Не обижайся, я, э-э… человек простой, иногда просто болтаю, так, без всякого смысла… Чтоб лучше отдыхалось, понимаешь?.. А мы ведь здесь просто отдыхаем или что?

…Пока они «болтали», какие-то люди подавали закуски, напитки… В некотором отдалении дымился мангал.

…– Ну, добро пожаловать! – Абдулла поднял бокал с вином, призывно глядя на Расула.

– Я не пью, Абдулла муаллим, – сказал Расул. – Спасибо.

– Правильно делаешь, брат, – похвалил его Абдулла. – Я тоже не пью… По причине своих убеждений. Так, бокал поднимаю. В знак гостеприимства. Ведь знаешь, сколько кругом любителей этого дела. Хм! Среди моих родственников тоже есть… Ну, закусывай, Расул…

* * *

…Возвращались Расул и Салман снова вдоль морского берега…

– Ну, как тебе Абдулла? – спросил Салман.

Расул словно не расслышал вопроса. Он был задумчив, держал в руке смартфон, явно поглощенный какими-то важными намерениями.

– Э-э, Расул…

Не получив ответа, Салман на этот раз не был настойчив.

Пальцы Расула набирали на телефоне цифровую комбинацию.

На дисплее появилось очертание какого-то пейзажа.

...Особые, сокровенные мгновения были посвящены звонкам командиру. Туда, где не так давно Расулу пришлось испытать не только чудовищные тяготы, но и ощущение обитавшего где-то рядом, за спиной, перед глазами, а может быть, даже проникшего в глубь организма некоего «вируса смерти», казнившего или миловавшего всего лишь в зависимости от вздорной прихоти невидимого глазу барабана фронтовой лотереи. Тот загадочно мерцающий в сумрачном пространстве Полюс Бытия не только приманивал, безраздельно подчиняя себе волю и мысли, но и оживлял в воображении с фотографической скрупулёзностью то ли воспоминания, то ли сиюми-

нутно происходящие «там» реальные события. Главным же эффектом этого магнетизма были встречи с людьми, которых Расул подсознательно считал братьями и был к ним привязан всем существом своим. Возможность воображаемых перемещений иногда обеспечивали смартфоны: Расул в такие минуты «возвращался» в атмосферу завывающего ветра, раскатов грома, грохота бомбежки, коротких и долгих перестрелок и нервозных радиосигналов, а его фронтовые друзья, погружаясь в благоговейном молчании в мир пацифистских призывов, разглядывали дом его отца, старинную мебель и семейные фотографии в причудливых рамках...

…Расул сидел у себя дома перед компьютером, а за его спиной мелькали какие-то люди, осуществлявшие здесь реставрационные работы…

Расул улыбался, вглядываясь в изображение на экране компьютера. А там, в далекой и тревожной холмистой глуши была казарма, в которой он оставил своих боевых товарищей. Сгрудившись перед своим компьютером, они так же молча улыбались, глядя на Расула…

…Расул одевался за ширмой в кабинете хирурга.

– …важно то, запомните, что лечение должно быть регулярным. Все, как я вам написал, по графику,.. – слышался голос врача.

Расул вышел из-за ширмы, дозастегивая рубашку. В зубах у него были зажаты какие-то бумаги.

– …процедуры прерывать – это значит перечеркнуть все, что сделано…

– Ы-хы... ы-хы... – кивал головой Расул.

– Послезавтра в три… Счастливо… – попрощался доктор.

– Спасибо…

…Расул спешил по коридору госпиталя, когда зазвонил телефон.

– Да… Ну?.. Какое такое предложение? Хм!.. Ты меня опять в какую-то авантюру втягиваешь? А?.. Ну?.. Ну, хорошо… через полчаса у метро…

* * *

…Расул сел в машину Салмана:

– Ну, и…

– Слушай внимательно и не прерывая. Он сказал…

– Кто он?

– Ну, Абдулла, конечно… Не прерывай…

Они ехали по городу, застревали в пробках, мчались по шоссе.

Салман пытался сосредоточиться и изложить кратко и исчерпывающе свою важную информацию:

– Он сказал, что встреча с тобой произвела на него абсолютно позитивное впечатление, и что…

– Давай по сути…

– Слушай! Дай сказать, ну! Не прерывай… Он психолог, понимаешь? Очень умный, понимаешь? А все его дурацкие шуточки – это специальный инструмент, понимаешь? Для тестирования…

– Так!.. Это невыносимо!.. Я зачем еду? А? Для тестирования?

– Да нет! Ну, дай сказать! Он работу тебе предложит, я уверен… Ты же сам говорил, что тебе сейчас работа не помешает… Пока лечение, то да се… Как все сложится… Ну…

* * *

…Абдулла отпил сок, поставил бокал на плоскую расписную деревяшку, внимательно поглядел на Расула.

– Расслабься, – сказал он. – У нас абсолютно дружеская встреча. Я почти уверен – мы можем поладить. Ты – парень честный, я – тоже. Мне нужен надежный человек… Ты подходишь. Кроме того, я очень уважаю людей благородного происхождения. И сам стараюсь исправить в родственниках некоторые генетические шероховатости, так сказать… Кое-что мне удалось сделать… Но не все получается, конечно. Я ведь простого происхождения… э-э… понимаешь…

Заметив, что Расул проявляет едва заметное нетерпение, Абдулла прервал свой монолог:

– Ты хочешь что-то сказать?

– Да, если позволите… Дело в том, что все сословия… все люди – изначально простого по сути происхождения… Кто с гор спустился, кто с равнины пришел…

– То есть все равны, так сказать?.. Не знаю… Мой друг, Самед муаллим, компаньон мой,.. так он вообще считает, что все, кто из интеллигентов,.. ну, аристократов разных, они расслабленные, хлюпики… Я так не считаю, не беспокойся. Ха-ха… Пей сок…

Расул кивнул в знак благодарности:

– И еще, Абдулла муаллим, скажите, почему вы так со мной откровенны? Ведь всего второй раз видимся…

– Э-э… Я, брат, в людях слегка разбираюсь… Ты – безопасен. От природы… Разве что какой-нибудь форс-мажор может вмешаться. А это один к тысяче…

Указав в сторону Салмана, Абдулла улыбнулся:

– Вот он тоже хороший парень, но плут.

Абдулла расхохотался:

– Видишь, Расул, я не только с тобой откровенен!

– Абдулла муаллим! Что вы такое говорите? А? И не первый раз! – встав из-за стола, заголосил Салман. – Разве я хоть раз вас обманул? А?

– Пока нет, – весело продолжил Абдулла. – Сядь, Салманчик. И не переживай, меня обмануть невозможно…

* * *

…Потом они вдвоем ходили по территории, и Абдулла показывал Расулу хозяйство.

– В чем суть работы, что я хочу тебе поручить: немного водитель, слегка охранник, переговорщик, курьер по особо ответственным заданиям... Это для начала… Автомобиль для тебя – знакомый аппарат… в разведке служил, это важно… А вон там, в мансарде, будет твоя комната…

Рубаба поливала цветы на красивой клумбе, и когда они проходили мимо, Расул вежливо поздоровался. Женщина ответила лишь едва заметным кивком, а Абдулла сразу же среагировал:

– Об этой даме не беспокойся. Ее я охраняю лично – такое распределение обязанностей…

Сказал он это серьезным, даже строгим тоном, но потом незаметно обернулся к ней и весело подмигнул. Женщина ответила ему в тон улыбкой и понимающе кивнула.

Опыт службы в разведке не прошел зря, и Расул, не подавая виду, уловил ту небольшую пантомиму, что разыграл со своей подругой Абдулла, и это его, кажется, также немного позабавило…

– Ну, что, Расул? Как ты смотришь на мое предложение?

– Я согласен… Но давайте считать, что пока я у вас на… испытательном сроке…

– Я понял. На самом деле хочешь испытать меня. Спасибо за вежливость. А про зарплату не хочешь спросить?

– Я, знаете, ведь тоже слегка разбираюсь в людях… И еще: мне нужна пара дней…

Абдулла кивнул. Он был явно доволен.

* * *

…Дача Абдуллы погрузилась в вечерний покой. На небе мерцали звезды. Над морским простором сверкала, отражаясь в прибрежной ряби, полная луна.

На просторной двуспальной кровати лежала Рубаба в ярком цветастом халатике, а рядом, положив голову ей на живот, в позе младенца примостился Абдулла. Рубаба нежно теребила его волосы, а он лежал, не шевелясь, с блаженной улыбкой на устах, и не было в нем ни тени того чувства превосходства над окружающими людьми, той масти могущественного хозяина и тех иронических штришков обращения и общения, которые отличали его в большинстве ситуаций. Он был расслаблен и свободен от необходимости держать поверх своего природного «Я» какую-то маску.

– …Тебя не было, – рассказывала Абдулле Рубаба, – приезжал этот бухгалтер ваш, Тофик…

– Приезжал… Тофик… – рассеянно повторил Абдулла.

– Да… С приятелями какими-то… Я отсюда, со второго этажа смотрела…

– Хорошо и делала… Хи… – не меняя тона и с прежней улыбкой продолжал Абдулла.

– Да… Так по-хозяйски вел себя… Выпендривался перед этими, с кем приехал… Шашлык заказал. Ребята ему сделали.

– Вкусный был шашлык? А?

– Не знаю, не пробовала… А им понравился…

– Значит, вкусный был… Хи-хи…

– Ты… Абдулла, присмотрись к этим людям… Поверь моему чутью. Все им доверил, на все «Да» говоришь… Подписываешь бумаги, не глядя…

– Над ними контроль есть. Контроль… – слегка изменившись в лице, сказал Абдулла. – Самед все контролирует…

– А Самед, что, ангел?

Абдулла приподнял голову. Строго взглянул на Рубабу:

– Ты что, спятила?! Мы с Самедом выросли вместе! Мы из одной деревни!.. Мы как братья!.. Все! Спасибо… Хватит… Каждый занимается своим делом. – Абдулла улыбнулся: – Вот ты нежно гладила мальчика по голове… Ну, вот и продолжай… Продолжай…

* * *

…Над городом вставал рассвет. Трепетали на ветру флаги. Просыпался морской порт… Мощные, с хрипотцой, гудки голосили над бухтой.

…Расул спал, облокотившись на спинку кресла, прямо перед компьютером, рядом с которым стояли чашка с недопитым чаем и целая батарея лекарственных составов в тюбиках, флаконах и баночках с таблетками. В комнату пробивались первые лучи солнца.

Автоматически включился компьютер, и засветился дисплей. Послышался звон часов, возвещавший начало дня, и полились звуки Государственного гимна, на которые наложился голос:

– Как и предполагалось, ваша дальнейшая служба в рядах Вооруженных сил по целому комплексу причин, связанных с состоянием здоровья, невозможна. Я сожалею… Примите искреннюю благодарность за боевые заслуги и достойное звания офицера отношение к воинскому долгу.

… Начавшись в воображении Расула, объявление и поздравление продолжились и закончились уже в госпитале, в кабинете главврача, который передал Расулу его документы и пожал с улыбкой ему руку… Реальность и горестное дежавю поменялись местами.

Расул сглотнул слюну, стараясь не выдать своего убитого состояния, поклонился и вышел из кабинета.

– Следующий!..

* * *

…Расул нажал кнопку звонка над калиткой, назвался в микрофон. И раздался щелчок. Он вошел на территорию дачи и пошел по аллее.

Управляющий Рафик встретил его и, как всегда, односложно приветствуя, перешел к делу:

– Это ключ от машины. Это… вон там, твоя комната, это ключ. Столовая ты знаешь, где. Вот твой сотовый, это номер. Если что, звони.

…Расул с унылым видом ел гречневую кашу, запивая ее кефиром.

Зазвонил телефон.

– Да… Понял. Иду.

* * *

Рафик встречал у ворот машину, из которой вышли две молодые женщины весьма интеллигентного вида. Расул подошел к ним и остановился. Какие-то люди помогали выгружать багаж.

– Это Медина ханым, сестра Абдуллы муаллима! Эта ханым – ее подруга… Медина ханым, этот человек… он отвезет вас, ему поручено.

Девушки пошли собираться, а Рафик вручил Расулу пластиковую карту и кратко проинструктировал его:

– Отвозишь на пляж, остаешься в машине, к девушкам не подходишь. Пусть купаются себе спокойно. Сколько захотят… Ну, а ты просто будь внимательным…

Расул кивнул, пошел к гаражу.

Когда ехали по шоссе, Медина спросила:

– Извините, можно узнать ваше имя?

– Расул.

– Я Медина… Если не ошибаюсь... я вас раньше не видела.

– Так точно.

…Пляж был особый, элитарный. Изысканные навесы, лежаки, разнообразные аттракционы. Многолюдно. Публика ухоженная, несуетливая. Расул, дождавшись очереди, вложил карту в аппарат, и хорошо отлаженный шлагбаум поднялся, приветствуя его приятной мелодией.

– Мы пойдем во-он туда, – выходя из машины, сказала Медина, указывая на небольшое возвышение вблизи кромки воды. – Когда будем собираться, я вам позвоню… Спасибо…

Расул кивнул.

– Да… еще… – улыбнулась Медина. – Вы… здесь впервые?

– Да.

– Ну… Я советую вам вон там посидеть… Можете заказать что-то…

– Спасибо… Я понял, – кивнул он в ответ.

…Высокие волны накатывались на берег, пенясь и сверкая в ярких солнечных лучах.

…Расул, усевшись под навесом бара, провожал взглядом своих «подопечных», направлявшихся к самому немноголюдному местечку на берегу.

Вокруг, заглушая друг друга, звучали абсолютно несовместимые, даже враждебные друг другу мелодии и ритмы. Там, где находился Расул, был слышен, однако, и шум прибоя.

Приблизившись к кромке, Медина огляделась, попробовала ногой воду и отбежала. Поежилась, снова огляделась в задумчивости и, поднявшись на бугор, уселась на песок. Накрыла плечи полотенцем.

Ее подруга вошла в воду, поманила Медину рукой, та, так же знаками, дала понять, что купаться не будет – холодно.

Расул, с интересом наблюдая за живостью и разнообразием происходящего, отпивал небольшими глотками чай за своим столиком. Иногда, испытывая ответственность за девушек, поглядывал в сторону берега. Бар находился на возвышении, и происходящее у кромки воды хорошо просматривалось.

В какой-то момент он заметил, что к Медине, уютно расположившейся в шезлонге, подошел молодой человек, поздоровался и присел рядом. Медина вежливо ответила, улыбнулась. Тот протянул банку с напитком. Девушка отказалась. Парень облокотился на шезлонг. Медине это явно не понравилось, но она промолчала, только сменила позу и отвернулась. Парень встал, приглашая Медину пойти с ним в море. Медина помотала головой, по всей видимости, объясняя ему, что мерзнет и купаться не будет. Было ясно, что парень этот ей хорошо знаком, хотя и не слишком приятен. Тем более, что, скорее всего, он не был абсолютно трезв, и Медина начала нервничать.

Расул пребывал в напряжении – с одной стороны, он отвечал всего лишь за транспортировку, к тому же ему было велено находиться на расстоянии от девушек, и вообще, вмешиваться в ситуацию было нелепо: людей на этом пляже явно объединяла какая-то общность, а он был здесь чужаком, местных правил не знавшим.

Но когда назойливый парень, схватив сопротивляющуюся Медину в охапку, понес ее к воде, Расул, резко поднявшись, побежал вниз. Медина, сопротивляясь накату волн, пыталась выйти на берег, падала, поднималась, снова исчезала в волнах, чуть не плача. Отяжелевший от воды сарафан прилип к телу, весь вид ее был комичен и жалок. Парень же крутился возле нее и хлопал в ладоши. Подбежав к ним, Расул отстранил парня, подал руку Медине, помог ей выйти из воды. Сняв рубаху, он накинул ее на Медину, оставшись в футболке.

– Э-э!.. Ты кто, милейший? – снисходительно и нагловато спросил «шутник».

– Отойди, – коротко ответил Расул, сбрасывая его руку со своего плеча.

Медина, чуть не плача, спешила за вещами. Подруга вышла из моря и пыталась ее успокоить. Когда Расулу пришлось, действуя локтем, избавиться от назойливого нахала, к ним уже спешили еще двое. Первый парень, воодушевившись, стал действовать смелее. Тогда Расул был вынужден применить какие-то не видимые со стороны «нежные спецсредства». На это потребовалась лишь пара секунд, и Расул, стараясь не задерживаться, поспешил к девушкам, собиравшим свои вещи.

Двое, приблизившись к Расулу с тыла, обхватили его, и изрыгавший проклятия зачинщик ссоры, воспользовавшись этим, умудрился ударить его кулаком в скулу. Откуда-то появились и молодые люди с рациями в руках…

Пляжные охранники, как обычно бывает, главным виновником избрали Расула и принялись его опрашивать, на всякий случай не выпуская его из своих цепких опытных рук. Он им пытался все спокойно объяснить, но галдеж стоял немалый, к тому же общий шум пляжа, да и звуки прибоя увеличивали звуковой хаос. Только время от времени «пробивались» угрозы и брань инициаторов конфликта. Медина носилась среди них с телефоном, пытаясь при этом вырвать Расула из рук охранников. А три нахала, как могли, старались ей помешать. Наконец она дозвонилась до Абдуллы и передала трубку охранникам.

– Да… Понятно… Просто нам сказали… Да, да! Слушаюсь, Абдулла муаллим! – докричал свою «партию» охранник, и пляжный этап конфликта был исчерпан.

* * *

Юный «плейбой» по имени Рауф, инициатор стычки, стоял перед Абдуллой, с криками демонстрируя «травмированную и несгибающуюся» руку:

– Вот!.. А-а-а!.. Видишь, дядя Абдулла?! Видишь, что он сделал, гад?! Я убью его!.. Кто он?! Кто его тебе подсунул?!

Абдулла скептически-испытующе наблюдал ужимки племянника. А вокруг собрались все участники инцидента, кроме Расула.

…Расул на своей мансарде собирал вещи в сумку, стараясь ничего не забыть. Со стороны комнаты, где проходила «разборка», доносились возбужденные голоса.

– …Она моя сестра! – кричал Рауф.

– Тетя, а не сестра! – исправила его Медина.

– Ну, молодая тетя! Мы шутили! Мы всегда шутим на пляже! Кто он вообще?! Какой-то шарамыга! Решил, что может пристроиться к нашей компании! И еще руки распускает!

Медина и Абдулла переглянулись. Медина помотала головой, и Рауф это заметил:

– Что-о?!! Я потрясен!.. Потрясен! Ты на стороне этого ничтожества?! Боже, Боже!!!

– Ты почему при мне голос повышаешь?! – громко отчеканил Абдулла с каменным выражением лица, и «плейбой» мгновенно затих.

* * *

– Садись… – Абдулла кивнул на стул, стоявший напротив него.

Расул вошел в комнату, присел, ожидая того, что собирается ему «предъявить»

хозяин. Он был спокоен, даже холоден, и явно готов к разговору с Абдуллой в любой тональности, стараясь при этом сидеть слегка отвернувшись, чтобы не бросалась в глаза ссадина на его лице.

– Это был всего лишь… небольшой… я бы сказал, микроскопический форс-мажор, – неожиданно бесстрастно, как бы индифферентно начал Абдулла. – Недоразумение… Я все понимаю. И фингал у тебя под глазом вижу… Не слепой. Будь внимателен… чтобы такое больше не повторилось… Просто будь внимателен… Здесь такой тип героизма звучит несуразно… А то, что тебе тоже слегка досталось, это хорошо…

Расул сделал едва заметное движение, и Абдулла это заметил:

– Говори, Расул.

– Вы… очень чуткий… – улыбнулся Расул. – Я вот что хотел бы сказать: э-э… наверное, я здесь… не очень кстати оказался. Не тот… формат… Несуразный…

Абдулла едва заметно напрягся. Лишь одно мгновение его взгляд был холодным, стальным…

Расул уловил это краткое послание – невольное или намеренное, понять было нельзя – но, не сбиваясь, продолжил в прежнем тоне:

– …Пока я приспособлюсь, то да сё… Давайте-ка я лучше уеду…

– Это мы еще успеем, Расул… Успеем… А пока... вот что: забудь ты это происшествие. Оно, поверь мне, старому волку, не стоит того, чтобы позволить ему поселиться в нашей памяти…

– Я уже собрался…

– Но это глупо! Из-за какого-то избалованного мальчишки… Хм… Тебе же здесь никто никакого неудобства не доставляет, правда? А мне ты нужен, понимаешь? И твой… формат нужен… Единственное, что требуется, это… Не вноси хаос, мой дорогой... – Абдулла хотел было ещё что-то добавить, но остановился. – Вот. И давайте, господа, обойдемся без сантиментов, – буркнул он и допил свой сок…

Потом он с фальшивой увлеченностью начал выстукивать на поверхности стола какой-то замысловатый восточный ритм, и его руки некоторое время с невероятной скоростью мелькали перед глазами изумленного Расула, старательно пытавшегося изобразить на лице полнейшее равнодушие. Финал своей импровизации Абдулла оформил двумя ударами тыльной стороной ладони и одним – при помощи локтя. Потом он победоносно взглянул на Расула:

– Ну? А ты так можешь?

– Нет, конечно, – не будучи в силах скрыть улыбку, пожал плечами Расул.

– Во-от! То-то и оно… – многозначительно добавил Абдулла…

* * *

…Бакинская бухта сияла своим прекрасным многоцветьем, некоторая часть ее огней, волнуясь, отражалась на тихо шуршащей поверхности воды. Ленивые гудки, доносившиеся со стороны порта, каким-то загадочным образом гармонично вплетались в разноголосый хор аттракционов, шашлычных и чайных заведений, а также их более амбициозных конкурентов с диковинными заморскими названиями.

Медина и Сева, ее подруга, сидели за столиком на веранде в небольшой уютной кондитерской. Перед ними были компьютер, какие-то исписанные листы, пара словарей, остатки еды. Неподалеку десятилетняя дочь Медины развлекалась на аттракционной площадке под присмотром няни.

…Медина вдруг оторвалась от работы, застыла на мгновение, прикрыла планшет:

– Никак эта сцена позорная из головы не выходит.

– Ты о чем? – удивленно спросила подруга, отрываясь от чтения.

Медина, словно не расслышав вопроса, продолжала:

– Отвратительно… Человек оказался единственным правильным среди нас… А его пнули!.. А я… хм… и не пикнула!.. Отвратительно…

– Ах, вот ты о чем... ненормальная! Забудь ты эту чепуху. Сколько можно?..

– Мне стыдно!.. Он… за меня вступился, а я…

– Ему сказали сидеть в сторонке. Нечего было нос совать…

– Он не из этих… холуев…

Сева как-то странно задергалась и, театрально заморгав своими пушистыми ресницами, уставилась на Медину:

– О-о-о!.. Тебя, по-моему, заносит. Я тебя знаю… Давай, нажимай на тормоза, пока не поздно… Хм… Семнадцатый век! Рыцарские романы!... Но твой брат – не романтик… И твоих… литературных пристрастий не разделяет.

Медина встала, положила книги в сумку.

– Дура ты, – буркнула она, не глядя на подругу.

Сева тоже встала, отвечая ей в тон:

– Сама дура… И даже идиотка!

Потом посерьезнела, взяла Медину за плечо:

– Я уверена, дорогая, хочешь ты или нет, все в твоей жизни будет нормально… Но… Скажу на всякий случай: не вноси никакой путаницы, понимаешь? Ну… диссонансы разные… Эх, что с тобой говорить…

…Было неясно, слушает ли подругу Медина. Но смотрела она явно куда-то в сторону…

…Сева не ошибалась. Она неплохо знала свою подругу, кроме того, как однажды призналась сама Медина, «звериная интуиция Севы всегда опережала не только события, но даже мысли, чувства и побуждения, которые, возникнув, к этим событиям приводили…».

Расул «застрял» в памяти Медины по сути дела не столько из-за угрызений совести, сколько в результате возникновения неуправляемого процесса, толкование коего не подвластно даже самым просвещенным и мудрым людям. Процесса, способного подчинить себе любого смертного, лишив его покоя, изменив течение жизни…

Как это могло случиться? В какой момент все началось? Что в жизни Медины подготовило почву для появления самой энергии этого волнения? Можно лишь гадать, рискуя ошибиться.

Может, моральное одиночество? Или несогласие, протест, стремление к духовной свободе?.. Гнет преданного идее братской ответственности диктатора Абдуллы? Семейные правила, не допускавшие даже мысли об ошибочности решения старшего брата, к тому же искренне озабоченного необходимостью создать и обеспечить семейное благополучие сестры и растущей без отца ее маленькой дочери?

Может, подсознательное желание представить себя в роли некоего персонажа любимого сюжета?.. Или непохожесть Героя будоражащих ее воображение мыслей на погруженных в вещевой, цифровой, самовосполняющийся мир холодных, «правильных» людей, которыми окружил себя ее брат?..

А может, вне ее сознания и ее воли, все началось в тот миг, когда крепкая рука Расула коснулась ее пальцев и повела за собой, и были в ней и ласка, и целомудрие, и юношеская робость, и надежность, и сила… И быть может, это незначительное по сути своей пляжное происшествие в воображении впечатлительной молодой женщины прозвучало как «избавление» возвышенного, глобального, героического образца, благо, что по своему профессионально-образовательному опыту Медина не могла не опираться в своем подсознании на романтические параллели древности, когда дело касалось высокого накала чувств… Расул же в первое время даже не осознавал до конца значения того, что мысли о Медине стали в какой-то момент частью его жизни, постепенно завоевывая в памяти все большее пространство. Он хорошо запомнил, как однажды поздним тихим вечером услышал музыку, доносившуюся из отдаленной части сада. А когда подошел к беседке, ярко освещенной и скрытой за деревьями, то увидел Медину, танцевавшую в одиночестве: грациозную, хрупкую и беззащитную… И не удержался – снял ее танец на свой мобильный…

…Не мог забыть он и ее взгляда, полного благодарности, даже нежности, когда она украдкой кивнула ему головой, уезжая в город в день давно уже забытого всеми скандала на пляже.

…Вначале Расулу казалось, что причиной возникновения этого интереса были всего лишь те черты, которыми Медина отличалась на фоне остальных домочадцев Абдуллы: особая тактичность, уважение ко всем окружающим, красивая речь. Расул дал себе свободу лишь внутренне «любоваться» ею, как бы опасаясь повернуть сокровенный ключик своего аскетического сердца, позволив ему управлять собой…

* * *

…Медина что-то писала в своем рабочем уголке при свете настольной лампы. Маленькая Марьям семенящими шажками приблизилась к столу и остановилась. Двумя руками она держала поднос, на котором с тихим звоном подрагивали от неустойчивости стакан с чаем и вазочка с вареньем. Девочка с улыбкой детской гордости ждала, когда мама обратит на нее внимание.

– Ах ты моя заботливая хозяюшка! – воскликнула Медина, обнимая дочку. – Я мечтала о чае!. Представляешь?.. Как это ты догадалась?..

Девочка поцеловала мать и, счастливая, убежала в свою комнату…

…Медина выключила телевизор, приглушила свет в комнате и вернулась к работе.

…Марьям у себя в постельке поежилась. Зевнула и закрыла глаза, подложив ладошку под щеку.

Раздался сигнал мобильного телефона, сообщавший о поступлении сообщения. Медина прочла его и открыла ноутбук.

…На дисплее проступила надпись крупными буквами по центру: «Выбирай! Все это для тебя!» Потом появилась коллекция ювелирных украшений, довольно «весомых». Сперва – общий план на фоне черного бархата с подсветкой, обеспечивающей эффектное сверкание бриллиантов. Затем каждый предмет, помеченный номером, был показан в отдельности. После этого пошли роскошные подвенечные платья всевозможных моделей. Но Медина не восхищалась, напротив, она была в замешательстве, даже в ступоре. Она смотрела на экран, но казалось, будто видит она нечто иное, глубоко личное, гнетущее ее, вызывающее появление меж бровей едва заметной морщинки…

Потом включился скайп, и на экране появился круглолицый улыбающийся молодой человек плотного телосложения:

– Привет!.. Ну, как? Понравилось?

– Спасибо… – стараясь быть приветливой, отвечала Медина. – Все очень красиво. Но… стоит ли, ну… так торопиться?.. А, Валех?..

– Как, то есть? Все это не расходится с нашими планами. Ведь через два месяца… – начал было молодой человек.

– …Давай лучше потом поговорим… Как работа? Все в порядке?

– Все шикарно. Я скоро еду в Челябинск, и…

– Здорово!

– Да, договор подписывать… Все готово… А ты как? Давно не звонишь… Все в норме?.. Ты, по-моему, сегодня усталая какая-то… У нас уже поздно… Я не сплю, однако…

– Ну… Здорово… – невпопад пробормотала Медина.

– Что… здорово?.. – обескураженно спросил молодой человек.

Медина молчала, не зная, что ответить.

…За окнами послышался шум ливня, крупные его капли еле слышно застучали по металлу, стеклу, причудливыми струйками стекая вниз.

* * *

…Расул приоткрыл дверь в один из кабинетов госпиталя, и врач, который заканчивал прием предыдущего пациента, кратко отреагировал:

– Заходите.

Когда они остались вдвоем, доктор закрыл дверь поплотнее и налетел на Расула:

– Ты больной! На голову! Надо было тебя в стационар запихнуть!..

– …Подожди, что я тебе скажу… – пытался оправдаться Расул.

– Когда ты должен был явиться, а?! Все лечение насмарку! Еще раз опоздаешь…

– …Да подожди ты… Я же работу нашел…

– …Я тебя под конвоем сюда привезу… Давай, раздевайся… И два часа, минимум, после системы на койке будешь лежать!

… Расул мчался по шоссе на «пикапе», груженом каким-то инвентарем. Подъехав к даче Абдуллы, он передал «пикап» Рафику, пересел на «седан» и тут же уехал в обратном направлении.

…Подъехав к своему дому, Расул увидел маму, сидевшую перед фасадом на табуретке и внимательно, с умилением наблюдавшую за работой реставраторов, восстанавливавших орнамент на фронтальной части здания. Расул подошел к ней, прикоснулся к ее плечу. Мама вздрогнула от неожиданности и, увидев сына, улыбнулась и заплакала одновременно.

– Красиво… – тихо проговорила она. – Почти как раньше… Только немного грустно почему-то…

…. А по ночам Расул долго не засыпал, уединяясь на «своей» мансарде.

Напротив, оживляясь, он погружался в тот, прежний, особенный отрезок жизни, навсегда и насквозь пропитавший все его существо не сравнимой ни с чем мощью, смыслом, прозрачностью своей… Он вспоминал свой путь. Когда-то, в самом начале, была одна лишь забота: выдержать, не сдаться, одолеть страх! Забыть о боли! Стать идеальным солдатом! Смотреть в зеркало без стыда!

Потом – более высокое: не заболеть жаждой Славы! Не возжелать назваться Героем!...

… А дальше была обыкновенная изнурительная реальность, которую ни за что не хотелось менять на другое. И объяснению это не поддавалось…

Теперь жизнь на мансарде украшали лишь видеотелефонные встречи с сослуживцами, проходившие подчас с длинными-предлинными паузами, когда обе стороны просто смотрели друг на друга: Расул и несколько устало улыбающихся парней, лениво отпивающих свой армейский чай из громадных кружек.

«Передайте всем, что я приеду. Обязательно приеду. Вот остановится карусель и приеду, – говорил он, – а не остановится, на ходу спрыгну…».

* * *

…Из супермаркета двое работников выкатили тележки, переполненные пакетами, и стали загружать их в машину Расула. Отдельно от других упаковок они погрузили две достаточно объемистые сумки. И один из парней протянул Расулу сложенную вдвое бумажку:

– Вот, возьмите. Здесь адрес. И просили позвонить Рафику…

– Да, Рафик, слушаю.

– А-а, Расул. Так получилось, что этот... Хамза... застрял в аэропорту...ну, и ты отвези, пожалуйста... Две сумки... Это для Мединых ханым. Адрес дали тебе?

– Да...

– Ну, договорились. До завтра... Будь здоров... Да, еще... вот что...э-э... Нет, ничего...

– Ну, пока...

...Расул поднял сумки на лифте. Позвонив в дверь, он подождал немного. Дверь открыла Медина.

– Здравствуйте. Это вам. Вы в курсе?

– Да-да... Заходите...

Расул занес сумки в прихожую, поставил их на пол и направился к выходу:

– Всего доброго.

– Спасибо...

Когда он уже дошел до двери, Медина обратилась к нему:

– Извините... Может, зайдете?.. Я бы хотела...

– Нет, нет!.. Э-э... что вы... Мне надо ехать... Простите, – неоправданно резковато, даже с нотками какого-то агрессивного упрямства пробормотал Расул, ощущая неуклюжесть ситуации и становясь от этого похожим на неотесанный столб.

– Нет-нет! Что вы! Это вы простите… Сумки тяжелые? Да?..

Медина также была смущена и взволнована, отчего натянутость их общения дошла до состояния обоюдного ступора и ненормально затянувшегося онемения. Все это безобразие достигло непреодолимого уровня, и, казалось, они должны просто молча разбежаться, понимая, что это есть единственный спасительный выход из тупикового положения.

– Да при чем здесь эти сумки!.. – глубоко вздохнув, воскликнула в сердцах Медина. – Никак не могу вам объяснить…

… На самом деле каждому из них в глубине души безумно хотелось «приоткрыть» что-то друг другу и даже в один миг «вывалить» все накопившееся до этой минуты, а теперь, здесь и сейчас возросшее вдруг до гигантских размеров Откровение, безжалостно сдавленное тисками социальных, традиционно-ментальных, патриархальных стандартов, усиленных какой-то особой природной сдержанностью.

«Дыхательная система, координация движений и речевой аппарат обоих пациентов не способны функционировать в пределах нормы», – отметил бы врач неотложки в своем отчете.

… Спасение пришло неожиданно.

…– Мама, а мы гулять пойдем? – раздался голос десятилетней медининой дочери.

Она подергала маму за край одежды, а потом обратилась к Расулу:

– Вы можете пойти с нами на прогулку. Правда, мама?

Медина засуетилась, совершив сразу с десяток абсолютно неоправданных и бессмысленных движений…

– Да-да… Если так... что… конечно… Это очень правильное… решение… Хаха!.. Истина, как говорится, глаголет… э-э… Ну, в общем, давайте… мы пойдем? Или…

Они все трое долго не могли разобраться с двумя не очень большими сумками, которые принес Расул, но которые вдруг перегородили достаточно просторную прихожую. Расул при этом попытался, произведя позорный удар лбом о зеркало, пройти сквозь дверь шкафа, без надобности разулся, в связи с чем Медина мгновенно полезла доставать ему домашние туфли, но нашла всего одну – детскую.

– Ну что же это?!. Боже мой!.. Простите, пожалуйста!.. Мне так неудобно… Прямо не знаю, что это такое… – голосила Медина.

– Какая проблема?!. Подождите, я сам… Это из-за меня, извините!.. Ну вот еще!... – перебивая Мединy, восклицал Расул.

Марьям, дочь Медины, подергав Расула за рукав, указала ему пальцем на обувь:

– Обувайтесь… Мы идем гулять.

Расул неуклюже покрутился. Взял почему-то сумки и в одних носках вынес свою бессмысленную ношу на лестничную клетку. Потом вернулся и начал обуваться.

…А потом они долго хохотали. Вдвоем. Поскольку девочка сохраняла серьезность, недоуменно-снисходительно приглядываясь к их ужимкам.

* * *

За время прогулки по Приморскому парку, где непоседливая, стремительная Марьям успела в обнимку с мамой и своей любимой плюшевой собачкой испробовать все аттракционы, даже самые страшные и захватывающие дух, Расул больше молчал, сочувственно и суетливо усаживая девочку на сиденья и проверяя крепления, ну, а после не без удовольствия наблюдая за общим ликованием всех детей и взрослых, прошедших «испытание на храбрость».

…Потом они сидели за столиком в тускло освещенном дворе медининого дома. Марьям дремала на коленях матери, крепко вцепившись пальцами в ухо своей собачки.

…Привратник пил чай в своей комфортабельной будке и время от времени, насупившись, поглядывал на своих запоздалых гостей.

– На самом деле меня… э-э… буквально угнетает то, что… я как бы не имела возможности извиниться, – в волнении «выдохнула», словно освобождаясь от непосильной тяжести, Медина. – Я так рада, что могу сказать…

Расул помотал головой с едва заметной улыбкой.

– Нет, нет!.. Это не ерунда, – мгновенно поняв его реакцию, продолжала Медина. – По крайней мере, для меня. С вами поступили так отвратительно…

– Я вас понимаю… – прервал Расул. – Но мне, знаете… приходилось бывать и в более… неприятных обстоятельствах. Поэтому… зря вы так… углубляетесь… Это было простое недоразумение. Как говорит ваш брат, «микроскопический форс-мажор»… А эти люди просто… Вы за них не в ответе…

– Я – одна из них! – с горькой усмешкой воскликнула Медина. – Вы что, не понимаете?

– Нет, не понимаю! – Расул встал, подсознательно порываясь приблизиться к Медине, но остановился, развел руками. – Вы… Вы – единственное существо, ради которого там можно находиться!..

Медина была потрясена.

Расул осекся, неуклюже потоптался на месте, почему-то снова развел руками и сел. Они некоторое время молчали, застыв каждый в своей несуразной позе. Потом Расул тихо сказал:

– Еще одна цитата из запомнившихся фраз вашего брата: «И давайте, господа, обойдемся без сантиментов».

Медина вздохнула, опустив голову. Какая-то темная волна на мгновение омрачила ее лицо и оставила на нем след в виде уныния и безразличия.

Расул, заметив это, встал:

– А давайте попросим у этого дяди чаю… А?

И направился в сторону сторожки.

Медина едва заметно улыбнулась ему вслед, оценив его тактичное стремление ненавязчиво сменить тему.

– Добрый вечер, – поздоровался Расул, заглянув в окошко. – Чаем не угостите?

– А ты кто, уважаемый? – ответил вопросом на вопрос привратник. – Что-то я тебя здесь раньше не видывал…

– Ну, значит, будем знакомы. Меня Расулом зовут.

Привратник, задумчиво разглядывая Расула, покачал головой:

– Это твоя «тойота» там стоит?.. Я ее вообще-то знаю.

– Чая, как я понимаю, не будет? – спросил Расул с улыбкой.

– Поздно, дорогой… Проводил бы ты даму да уехал бы отдыхать…

…Медина уже стояла наготове, держа сонную Марьям за руку.

– У него заварка закончилась, – сказал Расул, подходя к ним.

Медина улыбнулась, пытаясь не выдать нахлынувшую на нее грусть:

– Я понимаю… Спокойной ночи…

Расул сделал шаг, собираясь уходить, но снова обратился к Медине:

– Я не привык перекладывать тяжести на… чужие плечи, но думаю, теперь у меня есть задача – как жить дальше…

Медина вскинула на Расула глаза, полные слез, и обреченно кивнула.

…Когда Расул отъезжал от дома, привратник посмотрел на часы и записал что-то в свой журнал…

* * *

…В тенистой части сада Рубаба со знанием дела заботливо подрезала при помощи специальных ножниц ветви густых деревьев, время от времени поглядывая в сторону элегантного помещения, находившегося в нескольких шагах от нее. Окна помещения были не до конца прозрачны, но внутреннее пространство слегка проглядывалось.

Расул сидел напротив Абдуллы в его расположенном ровно посреди тенистого сада загородном офисе. Громадные оконные стекла изнутри не ощущались взглядом, и помещение выглядело как часть сада. В самом кабинете, кроме некоторой шикарной, экономно расставленной мебели, были и натуральные растения в кадках, увеличивающие иллюзию слияния с природой.

Строго, элегантно одетый молодой сотрудник компании подавал Абдулле бумаги, тот их быстро просматривал, делал некоторые пометки, на часть из них ставил резолюцию. Сам хозяин кабинета был одет совершенно не подходящим к этому изысканному интерьеру образом: поблекшие шорты, растянутая, покрытая пятнами тенниска, повернутая задом наперед кепка.

– Так… – мельком взглянув на Расула, произнес Абдулла, но не оторвался от просмотра бумаг.

Расул не проронил ни звука в ответ.

Абдулла поднял на него вопросительный взгляд, Расул едва заметным жестом дал понять, что в присутствии сотрудника говорить не хотел бы.

– Ты пока попей соку. В холодильнике возьми… – сказал Абдулла, и молодой человек мгновенно закрыл папку с бумагами.

– Да, конечно. Спасибо, – сказал он и вышел из кабинета.

– Так… – с улыбкой повторил Абдулла. – Ну, излагай, брат, мысли свои заветные…

– Я… должен уходить…

– Слушай, до омерзения мощная у меня все-таки интуиция! – всплеснул руками Абдулла. – Ха! Я, знаешь ли, иногда собою восхищаюсь… И мне от этого вовсе не стыдно! – Абдулла помолчал, слегка погримасничал… Потом задумчиво покивал головой, и лицо его приобрело более мрачный вид:

– Все-таки должен… Причина, обоснование, аргументы?..

Абдулла встал, подтянул сползшие вниз шорты и прошелся по кабинету, продолжая размышления вслух.

– Насколько я тебя знаю, это не просто каприз… Правильно?.. – спросил он, мельком взглянув на Расула.

Подойдя к кадке с деревом, на котором висели громадные лимоны, он понюхал один из них:

– Так. Может, зарплату повысить? А? Говори, не стесняйся.

Абдулла, судя по всем признакам, был искренен в своем старании понять ситуацию. Задав свой вопрос, он пытливо взглянул на Расула и наткнулся на холодное молчание с примесью плохо скрытых досады и упрека.

– А я, между прочим, готовил тебя к очень хорошей... достойной тебя работе… Думаю, лишним будет заверять тебя, что я не лгу?..

Расул молча кивнул.

– Так… Понятно, – мгновенно попытался исправить ситуацию Абдулла. – Хм… Забыл, с кем разговариваю…

Абдулла опустился на стул в несколько растерянном состоянии, осознавая, вероятно, свое бессилие в одиночку найти нужные ответы. Он побарабанил по столу пальцами, исподлобья глядя на Расула.

Расул молчал, продолжать же настойчивое выяснение, при этом проявляя неподобающее своему статусу любопытство, Абдулла, судя по всему, считал недостойным. Было ясно, что он испытывал сожаление, может быть, даже обиду, но в первую очередь работал рефлекс «царственного самолюбия».

– Хозяин – барин! – хорошо имитируя безразличие, «пропел» Абдулла. – Мы ведь, собственно, ничего друг другу не должны. Но пару дней, я думаю, ты потерпишь… Завтра я в Актау лечу ненадолго… Вернусь, найду тебе замену…

Расул кивнул:

– Да… Конечно… Только, если можно, не очень затягивайте поиски. Это важно. Спасибо… Счастливой дороги…

* * *

…Расул съездил в город и в первую очередь направился в госпиталь. Там он лежал долго под капельницей, проходил разные формы обследования и выслушивал своего строгого друга доктора:

– Это военный госпиталь. Здесь повышенная ответственность и дисциплина. Если ты враг себе, я бессилен. Но подводить меня и мой коллектив я не позволю! И не будь неблагодарной свиньей, наконец!..

Расул кивал головой с покорным видом, потом сказал:

– Обещаю!

– Что обещаешь?

– Исправиться!

– Вон отсюда!..

* * *

…Восстановление дома шло хорошо. Мама не могла нарадоваться. Втроем с сестрами они пытались сдвигать покрытые запыленной клеенкой шкафы и перетаскивать громадные кувшины, чем доставляли немало затруднений ремонтникам, которые терпеливо и с добродушным юмором терпели все эти преждевременные манипуляции и даже включались во все бессмысленные действия милых старушек. Расул, естественно, приехав домой, стал участником общего процесса, создававшего весьма экзотическое дополнение к общему облику строительной площадки.

…На телефон Расула пришло сообщение: «Срочно найди меня. Салман».

Расул позвонил, но безответно.

* * *

…Расул сидел на своей мансарде за столом, заполненным тетрадями, книгами и исписанными листами. Светился дисплей ноутбука, на котором была отражена какая-то техническая схема. В задумчивости Расул включал и выключал настольную лампу, автоматически нажимая кнопку. В его воображении, а может, реально, на дисплее сотового телефона то появлялось, то исчезало лицо Медины и светились цифры, составлявшие ее номер.

…Медина тоже не спала. В руке ее подрагивало изображение, снятое на смартфон во время катания на аттракционе. Вместе с мыслями Медины изображение увеличилось, ожило. Потом показался, мелькнул Расул, заглядывающий в кадр. Он улыбался – озорной, беззаботный…

Раздался телефонный звонок.

Расул мгновенно включил свой мобильный.

– Вы не спите? – раздался голос Медины.

– Я разрешаю вам говорить со мной на ты… Минуточку. Это вы позвонили? Или я?.. Я собирался, но… Спасибо… что позвонили…

– Вообще-то было бы правильнее вам это сделать… Я так долго не решалась, что забыла, о чем хотела поговорить…

– Я, например, собирался помолчать, как всегда…

– Так мы на «вы» или…

– Пока неизвестно. Чтобы это выяснить, надо как-то специально построить фразу… Например: «Не скажете, сеньора, что вчера давали в «Ла Скала»?

– Или так. Послушайте, – перебила его Медина, явно увлекшись игрой. – Вот! Например… Смотрите! – тут она исказила голос: – Расу-ул, сынок, ты переутомился. Оставь всю эту ерунду, и – баиньки. Да, и не забудь зубки почистить.

– Ну, бабуля, еще минуточку, пожалуйста!..

– Вот «бабуля» – это уже слишком. Я вполне реально представляю себе соотношение наших паспортных данных, но можно было бы «тетушкой» назвать из вежливости. Хотя бы…

Они еще похихикали, помычали, повздыхали и в два голоса колыбельную запели.

…Медина замолкла первая. Как бы вдруг, вмиг напугавшись собственного легкомыслия. Вспомнив тот, реальный сюжет, в рамках и по дорожкам которого она должна и будет ходить, дышать и чувствовать…

Расул промямлил еще пару звуков и затих. Он, кажется, тоже ощутил все совершенно синхронно.

Потом Медина сказала:

– Я вспомнила… Этот… привратник наш, кажется, обратил на тебя специальное внимание… Неприятно… Гадость…

– Я должен приехать… Я должен понять все это… Я должен понять тебя, Медина…

…Расул мчался в ночи…

…Их встреча была идеально бесхитростной, прозрачной и не содержала в себе ничего, кроме почти молчаливого признания. Сила чувств, нахлынувших на обоих, затмила и значение окружающего мира, и причуды социума, и ответственность перед другими людьми, и необходимость жить дальше и помнить о прошлом. Так бывает, когда становится ясно, что именно эти двое ждали друг друга. Терпеливо и безропотно… Перед их глазами, вытесняя сиюминутную реальность, как бы оживали казавшиеся несбыточными робкие, обреченные фантазии. Никакой мистики, всего лишь представление о счастье… И если встреча эта происходила наяву, то рождена она была, безусловно, в каких-то хрупких глубинах их общего подсознания…

* * *

…Зазвонил телефон. Расул взял трубку и услышал голос Салмана:

– Что ты творишь?! Ты шизофреник?! Он убьет тебя! А меня выбросит на помойку! Ты лишил меня куска хлеба, гад!..

– Прекрати истерику! А в чем твоя вина?! Да и моя тоже?.. – прервал Салмана Расул.

– Ка-а-ак в чем?! А-а?! Она помолвлена! Официально! С братом компаньона нашего хозяина! Понятно?! Хо-зя-и-на!!

Салман заревел от бессилия и страха, и голос его пропал.

* * *

Утром Расул спускался по лестнице и, ощутив что-то необычное, замедлил шаг. Огляделся. Внизу на площадке переминался с ноги на ногу какой-то незнакомый крепыш, а садовник, поливавший деревья, недоуменно озирался по сторонам и был чем-то встревожен. Наблюдательная и пытливая Рубаба, приоткрыв занавеску, в некоторой тревоге взглянула на Расула и тоже осмотрелась.

Расул нахмурился, сконцентрировался по армейской привычке и продолжил движение.

– Доброе утро. Вы кто будете, уважаемый? – спросил он у крепыша.

Тот не ответил, с каменным лицом глядя на Расула.

Со стороны главного строения по аллее неспеша приближался «плейбой» Рауф, а следом за ним нехотя плелся Рафик.

За спиной Расула появился новый незнакомец и взял его за плечо. Расул собирался освободиться от «объятия» чужака, но подошел молчаливый крепыш, и он оказался в тисках покрепче, чем ему пришлось испытать недавно на пляже.

Расул молча ждал приближения Рауфа, а тот по-садистски не очень спешил, и его нарочитая вальяжность была скорее комичной, нежели зловещей. Приблизившись к Расулу, Рауф, видимо, возбудившись от нетерпения, как-то неуклюже ускорил последние шаги. Невпопад крякнул и, размахнувшись, отвесил Расулу звонкую оплеуху. Потом, собравшись, ударил его еще раз, посильнее. Потом кулаком в солнечное сплетение. Расул, не имевший возможности защищаться, был вынужден лишь грамотно держать удар, что он и сделал, не проронив ни звука. Рауф, ожидавший, видимо, более драматичного хода событий, слегка опешил, взволновался и, постаравшись наладить ровное дыхание, сказал сбивчивым голосом:

– Это просто предупреждение. Подонок! Ты с ней даже рядом находиться не имеешь права! Даже смотреть на нее! Где ты, животное? И где она?

Все, кто видел эту сцену, стояли, не шелохнувшись.

Только Рафик смотрел исподлобья, нервно перебирая связку с ключами, лязг которой почему-то явственно звучал в наступившей тишине.

Рубаба стерла со щеки слезу и задернула занавеску.

Расул загнал «тойоту» в гараж, закрепил на лобовом стекле вчетверо сложенную записку, на которой было написано имя Абдуллы, накинул на плечо свой рюкзак и направился к выходу. Рафик внимательно осмотрел ключи и документы на машину, переданные ему Расулом, и молча кивнул ему…

В аэропорту Абдулла почти мгновенно уловил что-то «нестандартное» в состоянии Рафика, встречавшего его вместе с молодым помощником.

– У тебя что-то болит? А, братишка? – спросил Абдулла с улыбкой, которая, впрочем, сразу же сошла с его лица, уступив место испытующе-напряженной угрюмости.

Рафик сглотнул слюну, в сильном волнении перевел дыхание:

– Есть… проблемы, но … я, видите ли …

– Ну … Дальше … – стараясь не переборщить в жесткости, настойчиво отчеканил Абдулла.

– Расул … уехал … – выдавил из себя Рафик.

Абдулла мрачно усмехнулся, помолчал.

– И это не все, что я должен знать, не так ли?

– Абдулла муаллим, пожалуйста … Давайте поедем… Я не хотел бы… Я могу что-то напутать …

* * *

…. В машине Абдулла не проронил ни звука. Рафик также молчал, нарушая тем самым традицию докладывать о всех новостях – больших и малых …

… Так же молча Абдулла входил в дом, где его ласково встречала Рубаба. Обычный ритуал, как она почти мгновенно поняла, был неуместен: только руку легонько погладила и сумку приняла. Приподняв уголок скатерти, взяла конверт и передала ему письмо Расула. «Я сожалею. Был вынужден нарушить договоренность. Форс-мажор. Микроскопический. С уважением, Расул» было написано в письме.

– Расскажи, что знаешь, – тихо, не поднимая головы, пробурчал Абдулла, медленно присаживаясь на стул.

– Может … потом?

Абдулла помотал головой:

– Нет, сейчас …

Рубаба тоже присела, вздохнула глубоко…

… Абдулла слушал молча, не поднимая взгляда на подругу.

– Дай … соку … – хрипло проговорил он, когда Рубаба замолчала.

– Абдуллаабдуллаабдулла… – послышался голос из соседней комнаты.

– Когда тебя долго нет, он сильно скучает … – невпопад усмехнулась Рубаба.

* * *

…Абдулла стоял у окна, нервно комкая край занавески. Рубабы не было в комнате. Скрипнула дверь, и в комнату вошел Рауф. Он был настроен достаточно спокойно, но когда Абдулла взглянул на него, на лице Рауфа отразилось невероятное волнение. Не давая парню опомниться, Абдулла влепил ему весьма чувствительную затрещину, от которой несчастный закачался, потеряв равновесие.

…Рауф рухнул на стул и некоторое время бессмысленно смотрел перед собой. Абдулла же терпеливо ждал, когда способность соображать вернется к парню.

– Что происходит?! Кто тебе позволил здесь самовольничать, а?! Щенок!.. Даже когда я подохну, ты не будешь иметь никакого права принимать решения! И даже давать советы!

– Я считал своим долгом… – начал было оправдываться Рауф, но Абдулла мгновенно прервал его:

– Молчать!.. Твой долг – слушать то, что тебе велит старший! Пока я отвечаю и за сестру, и за всю свою родню! – Абдулла окинул взглядом фотографии, висевшие в комнате. – И за всех вас!..

Рауф изо всех сил обеими руками треснул себя по голове и взвыл, и слезы брызнули из его глаз:

– Этот бомж, ублюдок… посмел… Боже! Боже!.. Он посмел забрать себе мою кровь, мою душу! А ты…

– Уберите его отсюда! – закричал Абдулла, и содрогающегося в конвульсиях Рауфа увел из комнаты Рафик, ожидавший за дверью.

– Терпеть не могу истерию, – пробормотал Абдулла. – Особенно в исполнении слабоумных…

Он подошел к столику, налил себе соку и сделал пару глотков.

– Рафик, зайди! – крикнул он в сторону двери…

* * *

Расул ремонтировал свой любимый старинный секретер, когда входная дверь скрипнула, и в коридор заглянул соседский мальчик.

– Дядя Расул, здрасьте… – почему-то настороженно, с опаской сообщил он. – Там вас спрашивают.

– Кто спрашивает?

Расул направился к окну, сдвинул штору и посмотрел в сторону дворовых ворот. Чуть в сторонке от белой «хонды» переминался с ноги на ногу завхоз Рафик. Будучи нетерпимым к беспорядку, он сбрасывал с тротуара носком ботинка составляющие, на его взгляд, неприемлемую картину неухоженности кусочки застывшего бетона, строительный гравий и другой мелкий мусор. В машине находились двое.

– Понятно… спасибо, Солтан, – поблагодарил мальчика Расул. – Скажи, я сейчас.

…– У тебя телефон не отвечает, – сказал Рафик, исподлобья глядя на Расула, когда тот, выйдя из подъезда, приблизился к машине.

– Знаю.

– Абдулла муаллим сказал привезти тебя… Разговор есть…

– Я приеду сам, – сразу же отреагировал Расул: тихо, но не колеблясь.

– Он сказал – привезти, – монотонно отчеканил Рафик.

– Ты что-то перепутал: я с вами больше не работаю… так что эти приказы на меня не распространяются…

Рафик, нахмурившись, молчал.

– Я сказал, что приеду. Сам приеду, – повторил Расул.

Двери «хонды» бесшумно открылись. Сидевший рядом с водителем сделал пару шагов в сторону Рафика и Расула. Водитель выставил одну ногу из машины.

Инстинктивно оглядываясь по сторонам, Расул вплотную приблизился к Рафику, который уже держал в руке телефон, набирая номер.

– Так нельзя делать… – тихо сказал Расул. – Пусть сядут…

Рафик сделал какой-то мало понятный жест рукой, и пассажир с водителем остановились. Отойдя в сторонку, завхоз заговорил в трубку:

– Он говорит, что сам приедет… Да… Так точно… Нет… Абсолютно. Хорошо…

Потом, обращаясь к Расулу, почему-то повторил:

– Абсолютно. Хорошо… Абдулла муаллим просил передать, что он тебе верит…

Расул в ответ лишь смотрел на Рафика с каменным лицом.

Не увидев ожидаемой реакции, Рафик повторил:

– Он тебе верит…

* * *

…Расул приехал в городской офис, поднялся на второй этаж, не встретив ни души. В кабинете Абдулла также был один. Он молча, глазами указал Расулу на стул. В волнении сглотнув слюну, заговорил:

– Объективно говоря, я должен хвалить тебя за твою порядочность… Я имею в виду… – Абдулла сделал паузу, освободился от чего-то, что тормозило его речь, снова сглотнул слюну:

– Я имею в виду то, что ты заявил об уходе, прежде чем посмел… прикоснуться к табуированному… предмету…

Расул хотел что-то сказать, но Абдулла остановил его жестом. Он явно закипал, хотя делал над собой усилия, чтобы остаться «в рамках».

– Но я не намерен тебя хвалить… Поскольку я азиат! По имени Абдулла!.. И это все определяет!.. Единственное, что я гарантирую тебе: ты спокойно уходишь. Это раз. Забываешь о существовании моей семьи. Это два… И третье: я никогда не напомню тебе о том, что когда-то был знаком с тобой…

Абдулла отвернулся, достал из кармана носовой платок, откашлялся:

– Ты пришел сюда добровольно. И я добровольно отпускаю тебя..

Он подошел к секретеру, достал оттуда конверт.

– И последнее, – сказал он сухо. – Я тебе должен. Это полный расчет.

Расул встал, с сожалением глядя на Абдуллу.

– Мне неинтересны твои эмоции, – так же сухо продолжил Абдулла. – Я просто делаю то, что считаю положенным по совести.

Он помолчал, а потом неожиданно взревел хриплым голосом, швыряя конверт в сторону Расула:

– И от других того же ожидаю!

От перенапряжения его стал душить кашель, и он снова поднес к губам платок. Расул дождался, когда Абдулле слегка полегчало, и сказал:

– Я буду все помнить… И про совесть тоже… Обещаю… Спасибо. Вы старались учитывать мои интересы. Теперь я понимаю, что не могу вам отплатить взаимностью.

– Ты ненормальный… Убирайся… – прохрипел Абдулла.

…Расул набирал на компьютере текст, который ложился поверх изображения Медины, зафиксированной в танце, что он снял когда-то вечером на свой телефон. Текст был таким:

«Мое самолюбие – это не первый вопрос, если на карту поставлены покой и благополучие дорогих для меня людей, – написал он. – Поклянись, что ты готова забыть меня, и я поклянусь сохранить тебя в памяти как самого дорогого человека. Если же ты выберешь место рядом со мной, то я сделаю все, чтобы защитить тебя».

Текст Медины лег на кадры, в которых Расул был снят со своими боевыми товарищами на передовой линии фронта.

…Расул сообщил Медине свой новый номер телефона и адрес, где он собирался находиться.

Теперь они были вместе перед лицом волнующей и чреватой испытаниями новой, не известной им комбинации жизненных обстоятельств.

* * *

…«неужели мое беспокойство имеет под собой почву! Я боюсь думать на эту тему! Ответь. Скажи, что все хорошо!»

Это было электронное письмо, которое получила Медина от Валеха. Своего настойчивого жениха. Она сидела перед компьютером в полной растерянности… Потом стала набирать ответ:

«…Это слишком непростая история. Видит Бог, я не хотела бы тебя огорчать… Положись на Время. Оно всесильно…».

…Медина и Расул сидели в немноголюдном кафе на уютном диванчике, тесно прижавшись плечами друг к другу. На столе были открытая бутылочка сока, нетронутое пирожное и чашка чаю.

…За окнами проносились машины.

…Расул с улыбкой на лице прочел телефонное сообщение. Обернулся к Мединe:

– Ребята зовут… Дед привет шлет, о себе напоминает… Поехали. А?

Медина помотала головой:

– Не могу Марьяшу оставить… Конференция... я выступаю… И еще Абдулла. Ему сейчас очень тяжело… И не только наша с тобой история… А тебе не помешало бы съездить…

* * *

…Медина подъехала к дому на такси. Войдя во двор, она обратила внимание на парня, беседовавшего с пожилым привратником. Увидев ее, тот зашел в свою будку, а парень отвернулся с отсутствующим видом в сторону, достал сигареты, закурил, исподтишка присматриваясь к ситуации.

Медина задержалась на мгновение, потом энергичными шагами направилась к будке, распахнула резковато дверь и, фальшиво нахмурившись, обратилась к привратнику тоном «старшей по званию»:

– Так! Ну, какие новости? Есть ли свежая информация?

– Вот... работаем,.. – начал было тот, растерявшись.

Медина продолжила, перебив его:

– А этот… боец? Как, справляется?

Медина кивнула в сторону «курильщика», и тут привратник, очухавшись, уловил нотки игры в словах Медины. Он уныло уставился на нее, потом тихо буркнул:

– Я здесь работаю, дочка. Делаю, что мне велят… А этот… откуда взялся, и не знаю…

Медина подняла кулак в знак военно-спортивного приветствия и крикнула успевшему незаметно отойти на довольно далекое расстояние «курильщику»:

– Ну, бывай, боец! Не боись, прорвемся!

Тот лишь молча исподлобья взглянул на нее…

…Медина вошла в свой подъезд, а потом незаметно выглянула: привратник возбужденно гремел посудой, заваривая чай, и что-то недовольно бормотал, очевидно, проклиная свою незавидную долю, а второй, судя по жестикуляции, подробно отчитывался перед кем-то по телефону…

…Медина проводила няню, заглянула в детскую, где спала Марьям, и стала набирать номер.

– … Да, сестренка! – ответил Абдулла. – Я ждал твоего звонка.

– Абдулла, дорогой, мне надо с тобой увидеться…

– Конечно, сестренка. Я приеду к тебе… Уже утром…

– Спасибо… Я буду ждать…

* * *

…Абдулла отложил телефон, облокотился о спинку кресла, вздохнул. Потом долго смотрел в ту сторону, где висела клетка с попугаем.

Рубаба молча гладила сорочку – скрупулезно, не торопясь.

Попугай сидел на своей жердочке, неподвижно и бесстрастно уставившись на хозяина. Видимо, не в силах больше выдерживать паузу, говорящая птица решилась ее нарушить:

– Абдулла! Абдуллаабдуллаабдулла!

Хозяин не шелохнулся, только чуть нахмурился. Чуткая Рубаба прервала глажку, молча взяла клетку и унесла ее куда-то за дверь.

Абдулла продолжал сидеть в прежней позе.

Рубаба принесла бокал с апельсиновым соком, протянула его своему мрачному любовнику. Он взял бокал, взглянул на подругу, и в глазах его мелькнула искорка нежности. Вдохновившись тем едва заметным знаком , что она успела увидеть на лице Абдуллы, Рубаба приблизилась к нему и прикоснулась к его волосам.

– Постарайся всех понять, мой дорогой… – тихо сказала она. – Ты уже большой мальчик.

Абдулла нахмурился, поднял на нее взгляд, и его лицо вдруг стало отражением адской неразберихи совершенно несовместимых чувств, поползновений и их градаций: беспомощность, обида, гнев, ирония, жажда насилия, страх и апатия.

– Да ну вас всех… – проговорил он, усмехнувшись. – Вы все расплываетесь, как кисель… Как же можно вас понять? А?! Как понять то, что не имеет ни формы, ни размера, ни цвета? А?! И ни инструкции к использованию?! А?!

Абдулла встал.

– Пусть лучше все поймут меня! – вскрикнул он, ударив себя в грудь. – Это легче легкого! Надо просто прочесть правила, каким должен быть правильный человек! Все предписания священных книг об этом! Нельзя лгать, предавать друзей, зариться на чужое добро, морить голодом бедных. Вот что главное в жизни!..

Рубаба слушала его, терпеливо кивая головой. А потом тихо добавила:

– И еще главное – это любовь… Нельзя отнимать у людей любовь…

– В этом профиле ты, безусловно, компетентна… – усмехнулся Абдулла…

Не обращая внимания на ироничный тон Абдуллы, Рубаба продолжала:

– И еще одно главное правило, правда, разумеется, не божественное: «Доверяй, но проверяй!»

* * *

…Абдулла выбирал подарок для племянницы в большом богатом магазине. Рядом с ним был шофер, державший в руках пару пакетов.

…Ехали в комфортной машине по городу, и Абдулла задумчиво теребил уши пушистой панды, которую купил для Марьям.

…Подарок девочка приняла с восторгом – визжала, не замолкая. Абдулла старался преодолеть некоторую неловкость встречи. Медине досталась та же нагрузка. И она справлялась с ней чуть похуже – вплоть до того, что, разволновавшись, уронила три тарелки, разлетевшиеся на куски…

Марьям причесывала своего нового пушистого «питомца», а Абдулла с Мединой сидели за столом в гостиной.

– Черешню? – спросила Медина, предлагая брату на выбор варенье.

– Давай… – ответил Абдулла.

Медина положила из вазочки варенье себе и Абдулле, отпила чаю из чашки. Потом вдруг вскинула взгляд на брата и сказала дрожащим голосом:

– Помоги мне, брат…

Абдулла глубоко вздохнул, поставил чашку на блюдце.

– Позволь мне, наконец, открыться… Я прошу тебя, – повторила Медина, – помоги…

– Я – твой брат Абдулла и живу… чтобы помогать тебе… – сказал он в сильном волнении.

Он взял Мединy за руку, привлек к себе, поцеловал ее в лоб:

– Я никогда не нарушал данного слова…

– Абдулла! Постарайся понять… Со мной случилось то... чего я уже и не ждала… Считай – стихийное бедствие.

– Подожди, сестренка… Не иди дальше, не углубляйся… У тебя так… нескладно все получилось… Марьяша растет… Я просто хотел, чтобы была хорошая семья… Наконец…

– Но, послушай!.. – попыталась остановить брата Медина.

– Послушай ты меня. Разве я когда-то вынуждал тебя? А?.. Мы оба дали согласие… Оба!..

Медина сидела, обхватив лицо обеими ладонями, и пыталась побороть все усиливающуюся дрожь своего тела.

Абдулла, видя это, хотел приблизиться к Медине, но сдержался.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Я пойду, сестренка.

Он дошел до двери, когда Медина, не поднимая головы, окликнула его:

– Абдулла, пожалуйста…

Абдулла обернулся.

– Пожалуйста, скажи своим людям, чтобы они за мной не шпионили, – продолжила она дрожащим голосом.

Абдулла оторопел.

– Что?! – в ужасе спросил он. – Каким людям?.. Этого не может быть… Тебе показалось.

Медина подняла голову:

– Это правда, Абдулла…

* * *

…Абдулла ехал по перегруженному транспортом городу, беспомощно встроившись в угол сиденья. Взгляд его был застывшим, бессмысленным.

…Высаживаясь из машины перед городским офисом, он задержался, просидев полминуты без всякой надобности с открытой дверцей…

…Бухгалтер Тофик подавал Абдулле финансовые документы, которые тот подписывал, не глядя. В какой-то момент он на секунду задумался, задержался на одной из бумаг, посмотрел на дату.

Тофик уловил этот штрих и сразу же пояснил с интонациями «почтительно-успокоительного» характера:

– Эти бумаги играют роль обоснования нашей сделки по лесоматериалам. Помните, еще в мае были поставки… Самед муаллим тогда звонил вам с Урала, вы не смогли приехать… и… Ну, вот теперь…

Абдулла пытливо взглянул на Тофика.

Тот с улыбкой преданного раба выдержал его взгляд.

– Я что-то… э-э… не припомню, чтобы Самед звонил мне с Урала… – задумчиво проговорил Абдулла. – Вообще говоря, это дурная манера – приносить на подпись документы с таким опозданием.

– Разумеется, Абдулла муаллим. Но вы сами говорили… При ваших доверительных партнерских отношениях… – пожал плечами Тофик.

– Ладно, ладно… Это не твой вопрос… – пробормотал Абдулла.

Тофик забрал подписанные бумаги и вышел из кабинета.

Абдулла взял пульт, включил телевизор. Через полминуты выключил его, набрал на телефоне номер. Дал отбой. Потом долго сидел без движения…

Зазвонил телефон, и Абдулла поднял трубку.

– Привет, Абдулла!

– А, здравствуй, Самед. Как ты?

Не отвечая на вежливый вопрос Абдуллы, Самед перешел к делу:

– Так. Чем ты там недоволен, а? Откуда в тебе любовь к дисциплине проснулась?

– Вот это фокус! Самед, что с тобой?

– Послушай! Когда на даче загораешь, неделями на работе не появляешься...

– Подожди же…

– …курятник свой вонючий подметаешь, а другие здесь за тебя вкалывают…

– Самед! Что ты несешь?..

…надрываются, за каждую копейку кровью платят, это как?!.

– Самед! Я знаю, это такая шутка. Черный юмор, да? Скажи…

– Подумай как следует о себе и…

Затем последовали отбойные гудки.

…Абдулла сидел, словно каменное изваяние, еще пару минут. Потом рука его рефлекторно дернулась, и он «ожил», медленно встал, походил по кабинету с недоуменным выражением лица, потом при помощи собственных мимики и жестикуляции стал «вспоминать» тот неожиданный диалог, что прозвучал только что по телефону между ним и Самедом.

…Потом он снова впал в ступор и просидел на стуле некоторое время. …На лице его отразилась какая-то новая мысль, он нахмурился и взял телефон.

– Медина… Ты скажи, как выглядел человек, который… ну, шпионил?..

Медина что-то отвечала, а он кивал головой:

– Понятно... так… Машину его видела?..Понятно… А раньше?.. А с каких пор?.. Понятно… Нет, не понимаю…

* * *

…В городе началась пора ветров. Качались яхты у причала, трепетали разноцветные вымпелы, добавляя особую краску легкомыслия в мрачноватую атмосферу немноголюдной береговой окраины.

Натянув на уши теплые шапки, в уголке, укрытом от самых бесцеремонных порывов моряны, сидели на кривоватой скамейке Медина, Марьям и Расул. Они молча глядели в сторону горизонта, и влажный ветер, вызывавший необходимость щуриться, лишь придавал их лицам немного комизма и беззаботности…

* * *

…Рубаба что-то вязала при свете торшера, мрачно поглядывая время от времени на экран телевизора.

Абдулла при помощи громадного бинокля осуществлял визуальный контроль своей обезлюдевшей дачи. Вокруг царила непривычная тишина. Не слышно было пения птиц, безмолвно застывших в своих просторных клетках, собаки были неухожены и скулили, тщетно теребя лапами опустевшие миски.

…За воротами послышались сигналы автомобиля и голоса. Заспанный работник, закутанный в плащ, на несколько номеров превышавший естественные для его тела размеры, шлепая тапочками, поспешил к воротам и впустил на территорию добротный британский автомобиль, из которого вышли Валех, брат Самеда, и его шофер. Рубаба, оттянув занавеску, молча вздохнула, нервно поправила воротник блузки…

… Абдулла вышел встретить Валеха и был заметно приветливее своего гостя, даже не ответившего взаимностью на традиционное объятие и только сухо пожавшего хозяину дачи руку.

Войдя в салон, Валех покосился на Рубабу, которая начала было накрывать чайный столик, но по молчаливой азбуке взглядов стало ясно, что ей надо уйти.

…– Я в ужасе, Абдулла!.. – начал явно подготовленную речь Валех. – Медина куда-то пропала, не отвечает на звонки, не пишет… Что это, Абдулла?

И мгновенно из соседней комнаты раздалось ответное «Абдулаабдуллаабдулла!» Валех замолк и, в ужасе сглотнув слюну, уставился на Абдуллу.

– Не придавай значения, – ответил на немой вопрос оторопевшего Валеха Абдулла. – Это так… Ничего…

– Это... Рубаба…ханым?..

Абдулла был настолько подавлен и деморализован самим приходом Валеха, что ему даже не пришло в голову повернуть создавшуюся ситуацию в сторону облегченного, юмористического решения.

– Давай соку попьем, – предложил он.

– Да нет же, какой сок? А? Ну, какой сок?!.

Валех махнул рукой. Покосился в сторону соседней комнаты, настороженно прислушался:

– Абдулла! Что нам делать, а?! Я не понимаю… Все так осложнилось… Самед мне ничего не объясняет…

– Валех, брат,.. Не надо ничего говорить. Просто – все будет хорошо…

– Правда? Ты обещаешь? Скажи…

Абдулла молчал пару секунд, потом начал кивать головой:

– Да, Валех, да…

– Спасибо…

* * *

…Подкараулив Расула у дома, где он встретился с прорабом, руководившим ремонтными работами, вежливые, но настойчивые посланники Абдуллы усадили его в машину и увезли на встречу к своему патрону.

Расул не сопротивлялся по целому ряду причин: он был один против нескольких вполне подготовленных людей. Кругом были люди – строители, руководители работы, при которых устраивать потасовку было стыдно. Также стыдно было бояться…

Приехавшие за ним люди были достаточно дипломатичны: они даже не хватали его за руки, улыбались, приветливо здоровались, имитируя вполне дружеские намерения, потому никто из строителей и не заподозрил ничего дурного.

– Расул, давай все сделаем спокойно. Неудобно перед этими… – сказал один из них. – Они вас так уважают…

Уже в машине он добавил:

– Мы тебя тоже уважаем. Но надо выполнять работу, не так?.. И Абдулла – тоже достойный мужик…

* * *

…Абдулла стоял, чуть наклонившись над Расулом, сидевшим на стуле с заложенными за спину руками. Оба были бледны, как хорошо подсохшая известь. Темные мешки под глазами. Подрагивающие пальцы. Оба, невзирая на сильное волнение, прямо, не моргая, смотрели друг другу в глаза.

– Чтоб ты меня правильно понял: я в своей жизни видел много негодяев, – сказал сипло, с придыханием Абдулла. – Но, как оказалось, не до конца научился их распознавать.

Абдулла кашлянул и окинул взглядом просторное помещение, где они находились. Это было что-то вроде спортивно-тренажерного зала. Взгляд Абдуллы скользнул по людям, которые там находились. Все они – человека три – были напряжены, взволнованы не на шутку и, казалось, испытывали сильное смущение. Что-то вроде томительной, мрачноватой завороженности.

Сглотнув слюну, Абдулла продолжил:

– То, что я скажу, ни в каких книгах не написано: жизнь так устроена – бывает, что ничтожества, замухрышки, дерьмо всякое… приносят пользу… А те, другие, про которых часто что-то… так старательно… сочиняют писатели, только все портят. Понятно?

Расул помотал головой.

– Врешь ты, – с горькой усмешкой сказал Абдулла. – Все ты понимаешь…

Слегка смочив языком губы, Абдулла продолжил:

– Так вот. Ты – не дерьмо. Но ты посеял зерно вражды: сработал «форс-мажор»… Специальный посланник Сатаны!..

Абдулла не рисовался. Он страдал в эту тяжкую минуту, и эффект, завораживающий эффект, который производил сильнейшее воздействие на окружающих, возникал исключительно вследствие его полной искренности.

– Один случай из тысячи!... – продолжал Абдулла. – Ты не виноват. Просто ты оказался носителем слишком неуправляемых намерений! Это – классическая трагедия: столкновение противоположных интересов, не способных к сосуществованию…

Абдулла облизал губы, огляделся, и ему подали стакан с соком. Он отпил, взглянул на Расула.

– Ему тоже дайте.

Расул помотал головой.

– Ты не хочешь? – спросил Абдулла.

– Очень хочу… Но не буду…

Абдулла вскинул голову, как бы ожидая объяснения.

– Столкновение интересов, – ответил на немой вопрос Абдуллы Расул. – Ты хочешь…

– Ты уже со мной на «ты»? – усмехнулся Абдулла.

Расул ничего не ответил. Просто продолжил:

– …хочешь показать этим людям, что ты великодушный. А я хочу помешать тебе их одурачивать…

– Все! – перебил его Абдулла. – Не слушайте его, он – шулер!.. Он – вор!.. Разрушитель!.. Хм!.. Вандал!.. Что задумал!.. Все кругом растоптать!.. – Абдулла показал Расулу «кукиш»: – Вот тебе! Это нереально!

Абдулла был явно сильно взволнован. Он как-то нервозно задвигался, заходил взад-вперед, размахивая руками. Остановился, обращаясь ко всем собравшимся:

– Один драматург сказал: «Если бы все человеческие мечтания сбывались, театр не имел бы повода к существованию». Как сказано, а?! Сильно!.. А ведь это никакой не драматург, а я, Абдулла, придумал!

И победоносно взглянул на Расула.

– А теперь, господа,… вернемся к вопросу великодушия! Але-е-апп!!! Развязать путы на руках узника! Дарую свободу! Черт возьми! Я, Абдулла, раб Божий, дарую свободу рабу Божию Расулу!!!

Наступило общее молчание. Находившиеся в зале люди не могли понять, шутит ли их шеф, или…

– Ну, чего застыли, бойцы?! Выполняйте!

Расулу развязали онемевшие руки, и он расправлял их, пытливо глядя на Абдуллу, с лица которого в один миг сошла улыбка. Он выглядел сильно утомленным. Медленно приблизившись к Расулу, он тихо, еле слышно прошептал:

– Это последний бонус… Больше не могу, клянусь… Не доводи до греха… Завтра позвони Медине и скажи, что… – Абдулла запнулся на секунду и продолжил: – Скажи, что тебя больше не будет рядом с ней никогда… Слышишь, ни-ког-да…

* * *

…Расул собрал вещи в сумку, попутно поправляя предметы, разбросанные по комнате, загроможденной принадлежностями строительного характера. Мама, покорно сложив руки, с грустью наблюдала за его действиями:

– Ты бы поел, сынок. Я обед подогрела…

– Мама, я попросил Алика, соседа, он тебя отвезет. Ты поживи у тети Сони пока, – сказал Расул, не отрываясь от своего занятия.

– Ну почему же, сынок? Я здесь слежу за всеми делами… – удивилась мама.

Расул прервал сборы и настойчиво продолжал:

– Здесь пыльно… И шумят все время… И еще: не говори никому, где ты будешь… Чтоб не беспокоили, хорошо? Я вот… приеду, и все э-э… образуется…

Расул поцеловал маму и вышел из комнаты.

…Догнал отъезжающий автобус.

…Торопливо вошел в двери госпиталя.

* * *

…Расул лежал под капельницей.

В процедурную зашел его строгий доктор.

– Ну, как ты? – спросил он у Расула, торопливо хватая со стола какую-то папку и собираясь снова уходить.

– Отлично… Подожди, у меня к тебе просьба.

– Хм!.. А я-то думал, чего это Расул такой пунктуальный стал? Ну, говори…

– Мне… пару дней где-то пожить надо…

Доктор испытующе уставился на Расула.

– Ремонт… Все в пыли… Я же тебе рассказывал… – пояснил Расул.

Доктор, немного успокоившись, достал из кармана ключ и протянул его Расулу:

– Держи. У меня как раз подряд дежурства. Ну, есть, я пошел…

– Подожди… Если меня искать будут, не говори, что… Надоели все, понимаешь?..

Доктор посерьезнел, снова задумался.

– Эх, жаль, спешу я. Надо бы из тебя вытрясти все твои секреты… – буркнул он и, в сердцах махнув рукой, торопливо вышел из комнаты…

…Ночь… Улицы города были безлюдны… Проносились лишь редкие машины. На углу, где располагался ночной ресторанчик, дежурили сонные таксисты.

…Вахтер офисного здания дремал в своем уютном уголке.

Автомобиль Абдуллы стоял у входа, шофер спал с широко разинутым ртом и скособочившейся на спинке сиденья курчавой головой.

В кабинете Абдуллы тишину нарушали лишь тиканье часов да шелест перелистываемой бумаги. Абдулла, наклонившись над подшивками документов, водил пальцем по бумаге, и губы его беззвучно шевелились. Перед ним были термос, недопитый чай и пара пирожков в тарелке. Горела настольная лампа.

В двух шагах от него в кресле еле слышно сопела Рубаба. Документов было много – целая гора.

Не открывая глаз, Рубаба тихо, вяло проговорила:

– Абдулла, душа моя. Не мучайся. Все это тебе ведь не по зубам… Невозможно в этой куче что-то обнаружить. Ты ведь это ой как давно на самотек пустил…

Абдулла откинулся на спинку своего кресла, потянулся, вздохнул:

– Ты, конечно, права… В бумажном деле я не мастак… Терпения не хватает. Скучно… А Самед, болван, меня чуть ли не бездельником назвал… Он вообще в последнее время забывается, гад. В детстве он у меня как шелковый был…

Рубаба открыла глаза, задумчиво поглядела на Абдуллу, вздохнула…

– Тут один документ очень важный должен быть… Я трубы, помнишь, на Урал отправлял… Куда он запропастился, ума не приложу… – сказал Абдулла, продолжая поиски.

Рубаба поднялась, налила ему чаю из термоса…

Он набрал на телефоне номер. Послушал. Абонент был недоступен.

* * *

Утром зазвонил будильник, и Абдулла, протерев глаза, поразмыслил с минуту и взял телефон.

Не отвечали. Абдулла набрал другой номер:

– Привет… А где Тофик? Я его со вчерашнего дня не могу найти… Пусть наберет меня… Разыщи его, говорю… Что?.. Да нет же! Он что, скрывается, что ли?!.

Рубаба принесла ему соку.

– Ты понимаешь, – задумчиво пробормотал Абдулла, одеваясь, – это, в принципе, ненормально. Тофик как будто в подполье. Невозможно его разыскать. Всем уже сказано: найдите Тофика! Черт побери…

Рубаба внимательно взглянула на Абдуллу, нахмурилась, вздохнула.

Абдулла замолк, помрачнел, пожал плечами.

Проходя в ванную, пробурчал себе под нос:

– И дело вовсе не в дисциплине…

Он достал из кармана баночку с таблетками. Проглотил сразу парочку, поморщился, запил водой.--

* * *

…Абдулла прошелся по саду, заглянул к птицам, на секунду отвлекшись от омрачавших его настроение мыслей, передразнил горделиво прогуливающегося по своим владениям большого матерого петуха. Остановился, задумавшись.

– Эй! – крикнул он, оглянувшись вокруг.

Из подсобки выглянул старик-садовник:

– Доброе утро, Абдулла муаллим.

– Сам ты муаллим, – усмехнулся Абдулла. – В деды мне годишься… А где все, а?

– Кто где, сынок… По делам разбежались…

* * *

Абдулла вернулся в дом.

Из соседней комнаты вышла Рубаба: одетая, с сумкой через плечо.

– Э-э… Ты куда это?

– Я… Понимаешь, маму надо проведать, она давно уже зовет… У нее там стиралка испортилась. И… вообще…

Рубаба была почти естественной, говоря все это, но Абдулла как будто уловил странные, холодные нотки.

– А как ты поедешь?.. Сказала бы Закиру заранее…

– Нет, душа моя, я договорилась, все в порядке. Машина уже ждет…

– Ну-ну…

Рубаба звонко поцеловала его. Потом стерла с его лица следы своей помады, улыбнулась, чмокнула для убедительности воздух.

Абдулла крякнул, игриво хлопнул Рубабу ладонью по мягкому месту. Она, в свою очередь, театрально взвизгнула, хохотнула и помахала ему рукой. В ответ он задумчиво вздохнул, глядя ей вслед…

* * *

Абдулла со стариком-садовником в неярко освещенной подсобке молча доедали дымящуюся, горячую похлебку.

– Еще? – исподлобья взглянув на «гостя», спросил садовник.

– Спасибо…

Абдулла набрал номер.

– Сева? Это я, Абдулла… Спасибо… Слушай, я уже который день до Мединых не могу дозвониться… Ты… передай, если увидишь… Пока… Да!.. Извини, даже не спросил, как ты поживаешь… Извини…

* * *

Абдулла сидел перед компьютером, пытаясь набрать какой-то текст, и это ему с громадным трудом, кажется, удавалось. На дисплее, наконец, сформировалось письмо, крайне корявое, неровно, неловко скомпонованное и написанное громадными буквами: «СЕСТРЕНКА ТЫ ЗНАЕШЬ Я НЕ БЕСПОМОЩНЫЙ ХЛЮПИК НО КАЖЕТСЯ Я НЕ СМОГУ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ТВОЕЙ ПОМОЩИ»

* * *

…Медина бежала по аллее …Абдулла обнял ее, погладил по голове, Медина обхватила его руками, прижалась щекой к его груди.

– Спасибо тебе, – тихо сказал Абдулла.

Медина сильнее прижалась к нему.

– Тебя я могу лишь просить о чем-то, Медина… – продолжал Абдулла. – Только тебя… Одну тебя… Больше никого просить не умею. Не пробовал. И не хочу….

– Да, Абдулла, конечно…

– Сестренка, ты знаешь, я никогда никого не предавал. Даже предателей! Хочу так жить дальше. Всю свою жизнь до конца… Я и Самед кусок хлеба пополам делили. Нищими начали и вместе поднялись… Прости меня, Медина… Прости…

Медина молчала, и только плечи ее содрогались, и слезы, которые она не в силах была скрыть, катились из ее глаз.

* * *

…Мама Расула молча сидела на табуретке перед домом, на фасаде которого шли отделочные работы. На лице ее были написаны восторг и ожидание чуда.

Салман подошел к ней и обнял за плечи.

– Ой, кто это? – встрепенулась старушка. – А-а,.. Салманчик, здравствуй, дорогой. Ты видишь, как здесь красиво стало? А?

– Да, тетя Рая. Очень, очень красиво.

– Они еще раз красить будут… Я просила, чтобы посветлее краску подобрали, я люблю посветлее…

– Здорово! – прервал Салман. – Тетя Рая, мне Расул нужен. Никак не могу найти.

– А он… Ну, он почему-то просил никому не говорить, но тебе, конечно, можно… Только учти, это по секрету… Так, на всякий случай… Третий микрорайон, три, корпус три. Квартира доктора Османа – все знают.

– Так, три, три… – повторил Салман, поцеловал старушку. – Ну, я побежал… Да, может, я могу чем-нибудь э…

– Спасибо, Салманчик…

* * *

...День клонился к закату. Дача Абдуллы была, по странному стечению обстоятельств, безлюдной. Тишину нарушал только какой-то капризный пёс, докопавшийся до несчастного ежика, свернувшегося в клубок. Пёс лаял фальцетом, нарываясь на непреодолимую колючую защиту, а ёж тихо, брезгливо фыркал, нисколько не опасаясь за свою жизнь.

В тренажерном зале царила полутьма. Шаги и голоса отдавались эхом, и на фоне широких окон все, что было внутри, состояло из комбинации силуэтов, в том числе и находившихся там людей.

Расул снова сидел на стуле с заложенными за спину руками.

Напротив него, оседлав какое-то тренажерное приспособление, в не очень удобной позе находился Абдулла. Рядом с патриархом на небольшом помосте были какие-то бутылки – пустые и заполненные. Некоторые были не распечатаны. Абдулла взял одну из бутылок и стал, не торопясь, заполнять большой, сделанный из хорошего стекла бокал. Жидкость забулькала с нежным, аппетитным отзвуком.

– Будешь? – спросил Абдулла, поднимая бокал.

Расул не пошевелился. Его большие черные глаза поймали и отразили какой-то нечаянно заблудившийся здесь лучик света, и можно было увидеть искру гнева и боли, переполнявших все его существо.

– In Vino Veritas. Древнеримская мудрость... Выпей! Может, так ты одумаешься, упрямый бык!.. Французское. Лежало в кладовке четырнадцать лет... И я не прикасался... Гениальное вино...

Абдулла отпил, причмокнул... Потом вдруг вспомнил что-то и воскликнул:

– Да! Чуть не забыл. Сюрприз тебе приготовил... Эй, Салман, где ты там притаился?.. Вот, Расул, встречай. Это твой друг. Типичное дерьмо... Ха-ха- ха... Это же он помог найти твое убежище.

Расул, не мигая, смотрел на Абдуллу, предчувствуя новый удар и пытаясь заставить себя не верить.

– Ну! Салман! – более императивно и нетерпеливо закричал Абдулла. – Иди сюда! На свет выходи!

Салман, как оплеванный, с опущенной головой «выползал» из темноты, приближаясь к хозяину.

Расул не верил своим глазам. На лице его поочередно мелькнули ужас, боль, почти детская беспомощность... Абдулла отпил большой глоток вина:

– Давай, Салман, иди…

И вдруг он вскочил на ноги:

– Нет! Уби-рай-ся, гад! Меня тошнит!

Расул, буквально взорвавшись, заорал на Абдуллу:

– Что ты творишь?! Кто дал тебе право унижать людей?! Кто?! Ты калечишь их! А потом уничтожаешь!

Абдулла, качаясь, пошел на Расула с бокалом, полным вина:

– Ты! Урод! Ты думаешь, тебе позволено меня судить?! Урод! Тебе не понятно, что у меня тоже может быть идея?! Аристократ хренов!..

Абдулла склонился над Расулом, отдышался, выдохнул воздух и выпил залпом весь бокал.

– Какая идея?!. Ты говорил, что не пьешь! По причине своих убеждений! – выкрикнул Расул.

Абдулла взревел, с силой швырнул бокал об пол, разбив его вдребезги:

– Заткнись, урод! Это безалкогольное! Ха! Ты думаешь, я не знаю сказку… про стойкого оловянного солдатика?! Ха! Ты маньяк! Ты не можешь жить в мире! Ты хотел воевать – получай! Будет тебе война!

– Не говори… о войне! – в волнении выкрикнул Расул. И добавил, взяв себя в руки, уже потише, воспользовавшись возникшей паузой:

– Это не твоя тема! Не трогай того, что тебя не касается…

Губы Абдуллы задрожали, и он в необыкновенном волнении приблизился к Расулу. Тяжело дыша, он молчал некоторое время, и неестественный наклон головы был в это мгновение особенно пугающей деталью его облика.

Он вдруг распахнул, не расстегивая, свою рубашку, и пуговицы затрещали, разлетаясь по сторонам.

– Вот! Смотри! – зарычал Абдулла. – Мои легкие – решето! Весь прошит железом! Это почище твоего гастрита!..Пижон!..Выскочка!..Где ты был, урод, когда мы...голыми руками...те...первые удары...отбивать пошли?!..Молча...Безнадежно...

Абдулла подошел вплотную к Расулу и занес кулак над его головой. Расул не пошевелился.

Абдулла размахнулся и, сымитировав удар по черепу Расула, остановил кулак в сантиметре от его головы. Расул снова не дрогнул.

– Боже!!! – закричал Абдулла, задрав голову к потолку. – Почему весь мир против меня? Хм! Я знаю, потому что никто не хочет жить по законам! У всех на устах только одно слово – «Свобода!»

Потом он снова подошел к Расулу:

– Ты… вступился за Салмана! Он… ха-ха… Он предал тебя!.. А тебе хоть бы хны! Тьфу! Я никогда этого не пойму. Вы думаете, что можете заставить отступить такого парня, как я?! Вот вам! Шиш вам с маслом! Если хочешь знать, урод, руки у тебя вовсе не завязаны!.. Ты свободен!

Расул попробовал освободить руки, и это ему удалось.

Абдулла наклонился над Расулом и отчеканил абсолютно трезвым голосом:

– Вы все свободны! А я – нет!.. Я – Абдулла!

Он кричал все сильнее, расправляя тело и задирая голову вверх:

– …Я!.. Должен!.. Соблюдать!.. Законы чести!..

Он кричал так, что раздулись сосуды на лбу и на странно вытянувшейся шее… Кричал он хрипло. Потом вдруг безвольно поник, ссутулившись… Поморщился, может, от боли…

* * *

…Абдулла сидел за рабочим столом в городском офисе, в своем кабинете. Сидел, будто продолжая пребывать в том же состоянии ступора, в которое он впал в день последней своей встречи с Расулом в тренажерном зале: безвольно поникшая голова, мрачно нахмурившееся лицо. Полировка стола отражала лучи проникавшего сюда солнечного света, и его поверхность казалась столь же безжизненной, голой, сколь неприкаянным выглядел сам Абдулла, и сколь бессмысленным было его одинокое здесь сидение.

По широкому коридору, стены которого были украшены современными образцами живописи, энергично вышагивал партнер Абдуллы Самед, которого сопровождал бухгалтер Тофик, а следом шел, стараясь не отставать от брата, Валех. Тофик торопился, надеясь уложиться в отпущенное ему время. Он оставался при этом в

кратчайшей удаленности от уха Самеда и по ходу тихо наговаривал ему что-то, время от времени похлопывая по массивной папке с подшивкой документов, зажатой под мышкой у Самеда.

Было удивительно, неестественно тихо кругом...

Когда дверь кабинета распахнулась, Абдулла рассеянно вскинул глаза. Первым зашел Самед, за ним Валех. Тофик, помаячив за их спинами, остался в коридоре. Абдулла поднялся навстречу братьям с явно доброжелательными намерениями, собираясь приветствовать их согласно дружескому этикету, но Самед грубо, со скрипом, одним рывком сдвинул кресло и резко на него опустился.

– Ты, Абдулла, как бы с Луны свалился, да?! – холодно съязвил он.

Абдулла застыл на мгновение, вздохнул, попытался взять себя в руки. Он продолжал стоять, и на лице его отразились признаки внутренней борьбы, поиска и столкновения самых противоречивых чувств – от уныния до готовности дать отпор.

– Вот теперь, Абдулла, – нарочито хладнокровно продолжил Самед, – ты в настроении, вполне соответствующем той дикой ситуации, до которой ты всех нас довел.

– Самед, брат, скажи, что... все... все это… неправда! Скажи… Ну…

Абдулла развел беспомощно руками, подошел к Самеду.

– Какая неправда?! Ха-ха! – деланно расхохотался Самед, продолжая сидеть в кресле. – Ты, кажется, разыгрываешь здесь какую-то дешевую симуляцию?! А? Типа, ты не в курсе? А?!

Не в силах более сдерживать себя и вдохновленный наступательными эффектами Самеда, молчавший до того времени Валех наконец заговорил:

– Ты ведь сказал, все будет хорошо! Абдулла! Ты ведь сказал…

– При чем здесь все это?! – вставая с кресла, прервал брата Самед. – Валех, братишка, забудь ты… Забудь… об этой…

Абдулла побелел, как полотно, на лбу его выступили капельки пота, губы задрожали.

– Самед… ты… – хрипло выговорил он.

Самед демонстративно махнул рукой и продолжал, обращаясь к Валеху:

– …Где мы, и где… Эх!.. Есть дела посерьезнее. А то, что за нашей спиной… Эх, противно… Все эти ваши семейные… импровизации, Абдулла, давно всем известны…

– Заткнись! – прервал его Абдулла. – Ты, Самед, совсем совесть потерял!..

– Ах, ты еще меня во всем виноватым сделай! Ты, бездельник, только купоны стричь силен! Мало тебе на чужой шее сидеть, так ты еще ограбить меня решил?!

– Что-о-о?!! – взревел Абдулла. – Ты… Ты с ума сошел!.. А-а…

Самед молчал, удовлетворенно, спокойно наблюдая, а Абдулла ходил по кабинету, как бы в поисках выхода из него и не видя перед собой ни мебели, ни двери. Ни этих двоих, ставших за несколько мгновений не только чужаками для него, но и страшными, грозными его врагами.

– …С ума сошел?!. Нет! Нет!.. – бормотал Абдулла. Он остановился, в упор глядя на Самеда, горько усмехнулся, покачал головой: – …Нет! Нет, нет… Я понял… Браво, Самед!.. Это… ювелирная работа…

Он потерял равновесие, закачался, оперся на спинку кресла, не без труда сел. Налил себе воды, выпил пару глотков.

Самед продолжал хладнокровно наблюдать за безвольными, заторможенными действиями Абдуллы.

– Когда это я прозевал все это?! Интересно… – задумчиво произнес Абдулла, поднимая взгляд на Самеда. – Или ты всегда был таким, а я просто наивно верил в народные приметы типа «хлеб-соль»?

Тут самообладание, кажется, покинуло Самеда, и он, пытаясь скрыть это, изобразил ироническую ухмылку, но она была достаточно фальшивой.

– Хм! Умничаешь… – улыбнулся Самед и, став вдруг снова жестким, добавил: – Чем умничать, лучше держал бы в узде свою распрекрасную сестричку… Еще про хлеб-соль…

Он не успел договорить, потому что Абдулла, к которому будто пришла из каких-то таинственных запасников свежая энергия, вскочил, хватая со стола массивную бронзовую статуэтку. Размахнувшись, он запустил этот тяжелый предмет в Самеда.

Одновременно завопил от страха Самед, Валех, верный чувству долга, бросился закрывать собою брата, на шум и крики из коридора вбежали люди во главе с Тофиком.

Тофик, действуя как будто по заранее известному плану, уже вызывал охранников. Валех был ранен в голову. Самед одновременно с проявлениями братской заботы об «истекающем кровью» Валехе не забывал сыпать угрозы и проклятья:

– На коленях ползать будешь! Посажу! По миру пущу!

Абдуллу охранники передали полицейским, а жалобно стонавшего Валеха увезла карета скорой помощи.

* * *

…В компании происходила проверка финансовых документов. Тофик с явными удовольствием и готовностью представлял следователям все бухгалтерские бумаги со своими комментариями. Работа юристов протекала на редкость споро и в хорошем темпе.

… Валех находился в одной из лучших клиник и быстро шел на поправку, коротая время заполнением кроссвордов или кормлением голубей, пристрастившихся к его окну, где всегда было чем поживиться.

… Найдя удобную позу и освещенную часть достаточно скромного пространства в следственном изоляторе, Абдулла писал письмо:

«Сестренка. Спасибо всем. Я, как ни странно, зла ни на кого не держу. Сам во всем виноват. Никто пусть не приходит. Никого не хочу видеть. К такой ситуации я, оказывается, был не готов. Поцелуй Марьям. Спасибо за посылку. Больше не присылай. Твой брат.»

* * *

…Абдулла и его адвокат сидели друг против друга в комнате для допросов.

– Как вы, Абдулла муаллим? – спросил адвокат. – Условия нормальные?

Абдулла кивнул головой:

– Нормальные… Я вас слушаю…

– Так… Ну, вы, как говорится, отказываетесь от позиции максимализма. Как говорится, не так ли?

– Так… Против лома нет приема… А у меня в багажнике нет даже монтировки…

– В этом случае, по поводу нанесения тяжкого…

– Ясно… И что?

– Там последствия незначительные… Истец склонен все свести, так сказать, к финансовой компенсации. Короче так: вы передаете вашему… ну, бывшему компаньону Самеду Везирову свою долю имущественных прав на активы компании, и в этом случае их сторона отказывается от всех претензий по второй позиции и погашает все ваши штрафные и налоговые задолженности в бюджет. По первой же позиции вас выпускают под подписку о невыезде. До суда… И вы остаетесь с круглым нулем.

– Понятно. Давайте…

– Подпишите. Это промежуточные документы… Чтобы они... ну, убедились, так сказать…

* * *

...Территория дачи была совершенно пустынной. Ветер и дождь, объединив свои, казалось, предельные силы, «бомбили» все вокруг. Еще не полностью отвалившиеся от деревьев ветки держались на волоске.

Завывание, треск и частая дробь дождя внутри дома были слышны чуть слабее. Но само ненастье было очевидным благодаря сильно раскачивающимся за окнами ветвям деревьев и почти фантасмагорической игре теней.

В полутьме одной из комнат, прямо по центру, в несколько неуклюжей позиции стоял повидавший виды рояль, на котором были сложены какие-то упаковки, узлы и рулоны. Шкафы, книжные полки и стеллажи были почти опустошены, а рядом лежали связки книг, сумки, еще другие, вероятно, готовые к перемещению, предметы. Абдулла сидел на одной из упаковок и, приложив ладонь к сердцу, читал вслух какие-то трагические стихи о неразделенной любви, изредка заглядывая в страницы томика, который держал в руке.

Его слушательницей была миловидная, большеглазая, очень полная дамочка в цветастом халате, сидевшая в какой-то напряженной позе на диване.

Абдулла был доволен: он смог вызвать своим чтением слезы печали и сострадания...

* * *

…Абдулла стоял на коленях на краю крыши своего любимого курятника, одетый по привычке в задрипанные шорты и выцветшую, всю в смолянистых пятнах, майку. Во рту он, зажав губами, держал несколько гвоздей среднего размера, а молотком приколачивал отошедшую от края крыши металлическую сетку. Внизу, прислонившись к дереву, стоял Расул. Рядом с ним был явно не дешевый инкрустированный столик, на котором лежали ржавые плоскогубцы, пила и какие-то чурки. С краю стола стоял стаканчик с наполовину выпитым чаем. Было ясно, что Расул находится здесь уже достаточно продолжительное время.

Абдулла работал с явным увлечением, ловко орудуя молотком.

Рядом, создавая абсолютно непропорциональный шум, раздирали на части какую-то тряпку два одинаково упрямых щенка.

– Я, собственно, поговорить пришел. Когда можно будет?.. – стараясь перекричать молоток Абдуллы и тявканье щенков, сказал Расул.

– Га-а-и! – не вынимая гвоздей изо рта, старательно выговорил Абдулла, пытаясь усилить степень доходчивости своего ответа еще и мимикой.

Это ему удалось сделать, судя по тому, что Расул смог понять: Абдулла имел в виду ответ «говори!»

Расул окинул взглядом всю обстановку, пожал плечами:

– Разговор серьезный, может, присядем?.. Там, на веранде, или…

Абдулла разогнулся, вынул гвозди изо рта.

– А потом мне опять сюда взбираться, все заново начинать… Я тебя слушаю… Мы здесь одни… – пробурчал Абдулла. – Не считая охраны.

Он кивнул в сторону щенков и усмехнулся.

Расул выпрямился. Помолчал пару секунд.

– Я пришел к тебе… Абдулла, чтобы просить… руки твоей сестры, – невольно глядя снизу вверх и оценивая реакцию Абдуллы, размеренно проговорил Расул. – Потому что я хотел бы, чтобы все было по правилам.

Абдулла встал во весь рост, опершись кулаком о колено и сосредоточенно глядя на Расула. Он задумчиво покачал головой, потом, не прекращая этого движения, перевел его в горизонтальную плоскость, что должно было означать несогласие. При этом он мотал головой гораздо дольше, чем требовалось, чтобы смысл его манипуляций стал окончательно понятен. И, наконец, он изрек – торжественно, даже патетично:

– Ни-ког-да… Ни-ког-да я, Абдулла, не отступал от сказанного слова… Я тебе его сказал?.. Сказал. Кроме того, ситуация, в которой я оказался... э-э… накладывает на меня особую ответственность… Через неделю – суд. И если меня посадят, я должен быть способен сохранить свой авторитет и там… Там… Ты понял?

Абдулла многозначительно поднял вверх палец и собирался продолжить, но Расул прервал его:

– Там теперь все намного проще. Нет никаких «воров в законе» и всяких там… Демократия… Плюрализм мнений…

– Не знаю, не знаю… Если я туда попаду, обязательно восстановлю систему… Я привык к тому, что всюду должен быть порядок…

Абдулла, говоря это, спустился по приставной лестнице, подошел к Расулу и, понизив голос, проговорил доверительно:

– Тебе ведь необязательно получать мое согласие… Так, между нами… Ведь правильно?.. Кто я теперь?.. Бомж… Уголовник…

Расул смотрел на него сомнительно-сочувственно-изумленно, и вся эта сложная гамма чувств и тщетных попыток понять Абдуллу вылилась, наконец, в ужас.

А Абдулла продолжал – вдохновенно и одновременно мрачно:

– Тебе теперь есть прямой смысл… умыкнуть свою девушку… Украсть!.. И никакой головной боли…

Абдулла вдруг съежился, поник и медленно опустился на табуретку.

Расул, глядя на него, видимо, хоть и не сразу, но раскусил Абдуллу с его искусной клоунадой, и лицо его медленно расплывалось в улыбке.

Абдулла поднял голову, взглянул на Расула и подмигнул ему.

Некоторое время они по очереди и одновременно, и вперемешку кивали друг другу, усмехались, нахмурившись, замолкали, отворачивались, а потом вглядывались в лица друг друга.

Абдулла «сошел с дистанции» первым. Он сперва отвернулся, для отвода глаз почесал затылок, стараясь не выдавать своих тайных слабостей. Потом он отвернулся в противоположную сторону.

Расул потоптался на месте и отошел, понимая, что Абдулла должен остаться один.

…Когда он свернул на аллею, ведущую к распахнутым настежь воротам, то увидел группу стильно одетых людей, разглядывавших территорию, дом, бассейн и другие сооружения. Один из незнакомцев был явно «центральной фигурой» среди остальных.

Расул остановился, ожидая, что скажут эти люди. Один из них, молодой и подвижный, увидев Расула, обратился к нему:

– Здравствуйте… Мы по поводу объявления. С кем можно поговорить?

– Одну минуту, я сейчас… – ответил Расул.

…Подтягивая шорты и стряхивая стружки со своей живописной майки, к ним уже подходил Абдулла:

– Добро пожаловать. Я вас слушаю…

– Привет, брат. С кем можно поговорить? – спросил молодой у Абдуллы.

– Я вас слушаю, – повторил Абдулла.

Расул стоял в сторонке, не без интереса наблюдая за происходящим.

К этому времени к ним приблизился, рассеянно осматривая строения и посадки, тот, кто, по всем признакам, возглавлял группу.

– Это кто? – кивая в сторону Абдуллы, спросил он у своего спутника попроще. – Скажи, пусть хозяина позовет.

– А я вам не нравлюсь? – спросил Абдулла.

Главный удивленно заморгал глазами и усмехнулся. Остальные заулыбались, переглядываясь друг с другом: Абдулла сильно развеселил их.

– Нет, почему же, ты очень симпатичный, но… – начал главный с добродушной улыбкой.

– Всё, – прервал его Абдулла. – Все свободны. Дача не продается. Счастливого пути, – и, энергично развернувшись, подтянул в очередной раз шорты и удалился.

– Слушай, кто этот человек? – спросил «главный».

– Это уже не имеет значения, – ответил Расул с едва заметной улыбкой. – Он никогда не меняет своих решений…

Откуда-то донесся голос неугомонной птицы:

– Абдуллаабдуллаабдулла!..

Приехавшие озирались по сторонам, окончательно смирившись с «мистическими» проявлениями того места, в которое они попали.

– Его так зовут, – весело сказал Расул.

* * *

...Мама Расула развешивала старинные фотографии на стенах, аккуратно протирая их рамки и стекла, расставляла статуэтки на полках, при этом успевая отвечать на вопросы Мединой по поводу всех этих реликвий. Медина же, в свою очередь, старательно и ловко готовила «экспонаты», извлекая их из коробок и разворачивая упаковки. Попутно она с особым интересом и умилением рассматривала фото Расула в детском возрасте. В этих случаях ее будущей свекрови приходилось делать вынужденную паузу.

– Старайтесь, пожалуйста, меня не задерживать, Мединочка, – нежным голосом пропела мама.

– Ах, прошу прощения, Рая ханым! – ответила ей в тон Медина.

Было ясно, что их отношения складываются достаточно гармонично.

...Расул собрал сумку, обнял мать. Удовлетворенно покивал головой:

– Здорово! Вы молодцы, девушки.

Расул чмокнул маму в щеку, Медине же достался воздушный поцелуй. Заметив ее недовольство, Расул украдкой скорчил оправдательную гримасу, обозначавшую, что при матери надо соблюдать скромность.

...Выйдя из подъезда, он сделал пару шагов и остановился. Хорошо натренированное периферийное зрение заставило его оглянуться: у стены, на которой висела мемориальная доска, очень внимательно и с удовольствием разглядывая все хорошо отреставрированные элементы фасада, находился Абдулла.

– Привет, Абдулла, – окликнул его Расул. – А почему в дом не зашел?

Абдулла не сразу оглянулся и не ответил Расулу на вопрос. Вместо этого он сказал, не оборачиваясь:

– Отлично сделали... На совесть сделали...

Потом уже он обернулся к Расулу, и на его плече обнаружилась дорожная сумка:

– Я знаю, ты к своим едешь... Мне Медина сказала...

Расул кивнул.

– Я тоже прокатился бы... А?..

Расул улыбнулся, снова кивнул.

* * *

...Потом была дорога. Живописная и мрачноватая, солнечная и дождливая, по равнинам и по горным серпантинам...

...Приближаясь к месту назначения, они встретили на дороге переполненный оборудованием армейский грузовик, застрявший в глинистой жиже. Остановились. Расула мгновенно узнали и сердечно, шумно встретили двое его сослуживцев, сопровождавших груз.

С машиной пришлось повозиться. Вызволяя ее из грязи, больше других отличился Абдулла, проявивший смекалку и умение объединить усилия людей...

* * *

...На закате подъехали к месту назначения. С вершины пригорка были видны укрепления, окопы, разграничительная линия, еще окопы, а дальше - безлюдные, неухоженные деревни с высохшей растительностью и обгоревшими домами.

Абдулла сделал несколько шагов, выдвигаясь к краю холма. Расул последовал за ним, намереваясь поравняться. Абдулла отвернулся, сделал еще пару шагов: это могло означать либо нежелание общаться с Расулом, либо то, что он просто хотел уединиться. Расул остановился, не желая навязывать ему свое общество.

Там, внизу, лежало громадное пространство, покрытое густой зеленой травой и разделявшее позиции воюющих сторон.

Строго соблюдая дистанцию, жители обеих сторон робко, с опаской, иногда даже воровато и торопливо старались в часы затишья использовать это плодородное крестьянское богатство по его прямому назначению: кто траву покосить, кто бычка привести покормиться. Кто-то решался даже засеять небольшой огород: поближе к укреплениям своих…

…– Ну... Что, пойдем? – нарушил паузу Расул.

Абдулла, не оборачиваясь, молча указал рукой в сторону безжизненно опустевшей деревни, серевшей на противоположной стороне. Расул, не переспрашивая, терпеливо ждал.

Абдулла молчал… Потоптавшись на месте и все еще не оборачиваясь некоторое время, он, наконец, тихо пробормотал:

– Вон там…

Абдулла осекся. По щеке его катилась слеза.

Расул молчал, опустив голову, и Абдулла долго стоял, не оборачиваясь к нему.

– Вон там, – повторил он, – я родился.

Голос его дрогнул, и он замолк.

Место, на которое он указал, располагалось на «той стороне»...

* * *

– Мурад, покойный, последним был... Сыновья погибли... Потом и внуки...

Дед нахмурился, помолчал... Вздохнув, продолжил:

– Он тебя очень уважал... Говорил: «Брат он мне!..» Я знаю, ты его на спине тащил. В гору. Шесть километров. Мне командир ваш сказал...

Дед заплакал:

– Мне нечем тебе ответить... Нечем!..

Расул жестом остановил деда, и тот на время замолк.

... – А где Эльхан? – спросил Расул.

– На пасеке... Там все в запустении... Вот он, малыш, туда и поднялся... Расул, ты... это... его не забывай... Он тут пока мне помогает, спасибо ему... А если что... Ну, ты понял... Он говорит, на военного хочет учиться... Так ты посодействуй...

Расул кивнул:

– Не беспокойся, дед...

– Видишь, теперь я просто мешок с костями... Только здесь и здесь, – дед указал пальцем на лоб и на сердце, – что-то еще шевелится...

Помолчав немного, старик помотал головой.

– Нет, неправильно я говорю, – дед снова ткнул себя пальцем в лоб. – Здесь уж – дело «швах». Не тянет черепушка... Я тебе такую глупость сказал!.. Когда ты... Мурада привез...

Расул поднял голову, прикоснулся к руке деда.

Голос старика дрогнул, и он запнулся. Переждав немного, хрипло добавил:

– Прости меня, сынок... Я ничего не соображал...

Расул, молчавший все это время, прервал деда:

– Все! Не надо об этом... Все... Все... – Потом он как-то неуклюже скривился, едва заметно дернулся всем телом и добавил:

– Ты был прав, дед...

...Потом они долго смотрели друг другу прямо в глаза.

Расул был бледен. Под глазами темные мешки.

– Я плохо вижу, сынок, – почувствовав что-то, сказал дед, – но думаю, тебе надо заняться здоровьем... Серьезно заняться. С этим шутить нельзя.

...Успокоившись немного, старик продолжал:

– Я знаю... мне сказали, отец твой был очень знаменитым ученым. Благородных кровей... А ты знаешь, настоящие аристократы нам, деревенским, не чужие...

Разве это странно?.. Совсем не странно: всё дело в том, что они ведь тоже к своей земле привязаны!.. Всем сердцем... Корни ведь в ней... Потому кровь чистая...

Лицо Расула сияло неподдельным восторгом. Он даже привстал, улыбаясь широко, как ребенок. Редчайший случай для сдержанного, даже мрачноватого человека.

– Знаешь, сынок, – воодушевился дед, – я где-то читал, что Лев Толстой очень деревенских уважал и в конце жизни... э-э...к ним пришел жить... И так свой путь закончил... А он был граф!..

Расул улыбнулся:

– Да, это правда.

Радуясь поддержке, дед продолжал:

– Нет, я не навязываюсь, я простой деревенщина... Всю жизнь вот здесь кукурузу сажал да с пчелами возился... И прочел всего-навсего семнадцать книг... Но я тебе вот что скажу: к нам сюда Гейдар Алиев приезжал... Я тогда помоложе был, конечно... Помню, он такой веселый был. Улыбался, долго так с людьми разговаривал... Я в толпе стоял и на него, не мигая, смотрел, разинув рот. Он меня увидел, еще пуще развеселился, прямо ко мне подошел, кепку на моей голове поправил и руку пожал. Мне, замухрышке! И спросил: «Как дела идут?!» Я не ответил. У меня голос пропал... Так вот, потом он как-то по телевизору сказал то, что я на всю жизнь запомнил: «Народ – все до единого, кто на этой земле хлеб ест, – должен одно понять: мир так устроен – ни один человек в одиночку не способен ни прокормиться, ни детей грамоте обучить, ни встать у порога своего дома, когда понадобится, и врага остановить... Потому, говорит, мы – семья! Как кулак едины должны быть...» Видишь? А? Какие слова!.. Любой поймет... И запомнит. И стар, и млад... Да упокоит Всевышний его душу...

* * *

...Расул с командиром пили чай на площадке под навесом небольшого строения, расположенного на пологом склоне холма.

Абдулла возился чуть поодаль, выискивая в зарослях какие-то стебельки. Некоторые из них он внимательно, не спеша, проверял на запах, растирал в ладони, а потом уже собирал в подол куртки.

– Кто он, этот человек? – спросил командир.

Расул ответил не сразу. А командир и не торопил его, внимательно, с улыбкой умиления наблюдая за тем, как сосредоточенно принюхивается к своим находкам Абдулла и как заботливо их складывает.

– Выяснилось, что он... мой родственник, – усмехнулся Расул.

Командир сперва понимающе покивал головой, но тут же недоуменно пожал плечами и улыбнулся:

– Я тебя не узнаю, Расул... Видишь ли, с тобой там, на «гражданке»... что-то такое, э-э... Какое-то... не такое что-то произошло... А?

– Абсолютно верно... Потому я... так хотел вернуться...

– Забудь, Расул, – твердо сказал командир. – Приводи себя в порядок...

Он помолчал некоторое время. Потом внимательно посмотрел на Расула и, оживившись, продолжил:

– Я тебе один секрет хочу рассказать. Тут недавно наши троих в плен взяли...

Поджигателей… Траву поджигали, гады… Хм! Я просто от них балдею, ей-богу! Какой-то у них массовый инстинкт разрушения!.. Ну, что дает им это поджигательство?..Ничего!..Маньяки какие-то...Или, может, зависть?..Ведь на нашей стороне трава зеленее,..жирнее...вот они и бесятся...Ну, и среди них мальчишка один. Лет восемнадцати... Худой такой, сутулый. И глаза горят... Я его допрашивал...

Командир был слегка взволнован. Отпив чай, он помолчал, потом продолжил:

– И он мне сказал: «Все, что вы спрашиваете, про это я, говорит, ничего не знаю. И ничего не понимаю. А вот что знаю и вижу, так это то, что скоро война кончится!» Представляешь?.. И глаза горят...

Расул помолчал... Потом усмехнулся в сомнении и сказал:

– Так это же, может, фуфло...

– Теоретически – да...

– Ну...

Командир уверенно помотал головой:

– Я сам, понимаешь, давно это чувствую... Бывало, в затишье, с биноклем, с телескопом часами их позиции разглядывал и все передвижения, все буквально... Темп, настроение, активность... Поверь моему слову: скоро... это... будет!.. Мы честно деремся... Но хотелось бы вспомнить, какая она, жизнь, когда... войны нет...

Командир изменился в лице:

– Знаешь... Я... его отпустил... Он плакал... говорил, я про вас маме расскажу... Я его отпустил, потому что он увидел то, что и я вижу... Не знаю, что мне за это будет… По закону я ведь совершил, ну… должностное преступление… А по совести сказать… не знаю. Не мне судить…

* * *

...Наутро шел дождь... Лил, как из ведра.

...Караульные в своих плащ-палатках, старавшиеся сохранить удачно найденную позу, необходимую для сохранения тепла и защиты от проникновения влаги, выглядели как правильно и на века установленные когда-то в этом пространстве каменные исполины.

...Почерневший от впитавшейся в него воды брезент покрывал нечто крупное и мощное, и все это вместе с гранитными глыбами и уходящими вдаль холмами составляло, казалось, абсолютно не делимую на части, естественную и гармоничную картину.

...Крохотные ручейки, старательно огибая покрытые мхом валуны, с радостным шумом несли доставшееся им изобилие куда-то вниз, где скрывалась за пеленой дождя линия жертвенности, ожидания и боли.

…Потом вдруг рассеялись облака, и Солнце – небесный дар – засветило на полную свою мощь. Из всех домов – жилых, служебных и защитных – вышли дети, и все остальные гражданские, и все солдаты, и офицеры. И только те, кто был в карауле под знаменем, остались на посту. Но и они краем глаза смогли увидеть эту волшебную улыбку природы, и заиграли искорки радости в их благодарных глазах…

…Идиллию, дарованную Природой, неожиданно нарушил протяжный звук сирены, доносившийся с противоположной стороны. А за ним и раздраженные голоса, переговаривающиеся при помощи усиливающих звук аппаратов, и тарахтение трактора. Внимание всех привлекла удивительная картина: с противоположной стороны

поля, разделявшего позиции, бежала женщина, размахивавшая над головой самодельным белым флагом и державшая за руку худощавого сутулого паренька, бежавшего с ней рядом.

Издали к ней наперерез направлялся трактор, на котором были люди, пытавшиеся жестами и криками остановить ее, а с другой стороны бежали еще и солдаты. Со стороны КПП раздавались окрики, в которых сквозили панические нотки и ужас, в состоянии которого находились люди, приказывавшие нарушительнице порядка остановиться. Но она будто не слышала и не видела ничего вокруг себя, и целью ее было, очевидно, добравшись до позиции противника, совершить задуманное до конца. Время от времени она останавливалась, прикладывая к сердцу правую ладонь, и низко кланялась кому-то, кого высматривала, надеясь донести до этого человека свои чувства.

…А на холме с противоположной стороны, окруженный все увеличивающейся толпой, стоял командир. Он широко улыбался, ибо узнал в хрупком юноше солдата, которого освободил от плена. Сомнения не могло быть, в этом помог командиру мощный полевой бинокль. И он явственно видел, как горят глаза мамы и ее улыбающегося сына. Горят благодарностью, теплом и надеждой…

Среди взволнованных зрителей этой необыкновенной сцены были и Расул с Абдуллой, своим новым родственником и компаньоном по экзотическим путешествиям.

Абдулла, наблюдая происходящее, радовался, может быть, больше всех присутствующих – размахивал руками, посылая ответное приветствие посланнице Мира. Лицо его сияло детской улыбкой, и он все обнимал Расула, стоявшего рядом с ним.

…Мать и сына догнали и посадили в кабину трактора. А она была неугомонна: все кланялась, не выпуская из рук своего белого флага… Все удалялась и удалялась…

* * *

...Расул поднимался по склону высокого холма. В его движениях, в том, как он дышал, были сосредоточенность, воля, опыт.

... Он остановился на пару мгновений, прошептал что-то, сомкнув глаза, сделал три одинаково глубоких вдоха-выдоха.

Сконцентрировавшись, внимательно посмотрел на проплывающие над ним миниатюрные, белоснежные облака. Небо было ясным, прозрачным.

Оглянувшись на мгновение, Расул увидел внизу следующего за ним Абдуллу. Было ясно, что он испытывает гораздо больше затруднений, преодолевая высоту: тяжело дышит, опирается рукой о колено.

Абдулла, перехватив взгляд Расула, остановился и жестами попытался дать понять, что, мол, «все в порядке, ты иди, я доберусь следом».

Расул улыбнулся, помахал рукой и продолжил свой путь.

Абдулла, стараясь там, внизу, повторять все движения, всю пластику и сноровку Расула, упрямо шел за ним...

...В густой траве стрекотали кузнечики и боязливо посвистывали затаившиеся в своих гнездах здешние добродушные пташки.

Двое упрямцев, не останавливаясь, двигались вверх по склону. Достигнув места, где рос более крупный и густой кустарник, они – сперва Расул, а потом и Абдулла – постепенно скрылись в зарослях, и только по тому, как шевелились ветки, можно было еще очень долго наблюдать их движение...

Письмо неисправимой оптимистки

Прочитав повесть Октая Мир-Касыма «Кодекс самурая», я не смогла отказать себе в удовольствии взяться за перо – хотелось поделиться чувствами, которые я с удивлением обнаружила в себе, перевернув последнюю страницу. Чувствами, ничем и никем сегодня не подпитываемыми и потому забытыми – надеждой на лучшее, верой в вечные идеалы и в то, что мы все же когда-то сможем к ним вернуться. Да, сегодня «идеалы» иные: сменилась идеология – оказались востребованными другие «идеалы». Но я недаром закавычила это слово в последнем случае – идеалы не меняются, они всегда были и будут неизменны. Просто сегодня они оказались ненужными. И теперь большинство ориентируется не на идеалы, а – на «понятия». Живут не по совести, а «по понятиям». Главные жизненные устремления – найти, где теплее, где сытнее, а всякие «самурайские» «закидоны», типа чести, порядочности, верности – это для наивных, не сумевших уловить дух времени. Понятия чести, достоинства, самопожертвования воспринимаются сегодня большинством либо с откровенной ухмылкой, либо с вежливо-снисходительной улыбкой...

«Если ты умный, то почему такой бедный?» – этот вопрос сегодня можно услышать от иных «умников», полагающих, что ум – это исключительно умение «срубить бабла». Но разве это ум помогает обогатиться? Для этого, скорее, требуются хитрость, предприимчивость, ушлость. Ум же достигает успеха в том, на что он направлен. И он вполне может быть направлен не на «бабло», а на что-то иное, хотя кому-то сегодня в это трудно поверить…

Главный герой повести, Расул, – человек, не утративший истинных идеалов. Он не просто в них верит, но и неукоснительно им следует. И в повести он такой не один: синдром «самурая» – воина, которому, наряду с честностью и порядочностью, присущи еще и храбрость, и сила духа, позволяющие ему не прогибаться перед чужой, враждебной силой – свойственен и другим ее героям: Командиру, возглавлявшему отряд, в котором воевал Расул, Медине, и, казалось бы, полному антиподу Расула – как это выглядит в первой части повести – Абдулле. Неслучайно в конце повести Расул, отвечая на вопрос деда своего погибшего однополчанина, кто ему Абдулла, отвечает: «Как оказалось, родственник». И это не только потому, что Расул собирается жениться на сестре Абдуллы, а, главным образом, потому, что они – родные по духу, оба они – «самураи»…

О сюжете я говорить не стану – читателям он станет известен по прочтении повести. Остановлюсь лишь кратко на двух, произведших на меня особое впечатление, эпизодах. Первый – когда Расул и Абдулла оказываются там, где все еще продолжаются боевые действия.

… «На закате подъехали к месту назначения. С вершины пригорка были видны укрепления, окопы, разграничительная линия, еще окопы, а дальше – безлюдье, неухоженные деревни с высохшей растительностью и обгоревшими домами… громадное пространство, … разделяющее позиции воюющих сторон…

… – Ну… Что… пойдем? – нарушил паузу Расул.

Абдулла, не оборачиваясь, молча указал рукой в сторону безжизненно опустевшей деревни, серевшей на противоположной стороне… Потоптавшись на месте и все еще не оборачиваясь… он, наконец, тихо пробормотал:

– Вон там…

Абдулла осекся. По щеке его катилась слеза…

– Вон там, – повторил он, – я родился…

Место, на которое он указал, располагалось на «той стороне»…

И второй эпизод – когда командир рассказывает по секрету Расулу, как он отпустил пленного армянина: «Лет восемнадцати… Худой такой, сутулый… Я его допрашивал... И он мне сказал: «Все, что вы спрашиваете, про это я, говорит, ничего не знаю. И ничего не понимаю. А вот что знаю и вижу, так это то, что скоро война кончится»… Я сам, понимаешь, давно это чувствую… Поверь моему слову: скоро… это… будет… Знаешь… Я… его отпустил… Он плакал… говорил, я про вас маме расскажу… Я его отпустил, потому что он увидел то, что и я вижу…»

А дальше – потрясающая сцена, когда мать отпущенного Командиром парня идет через линию фронта с самодельным белым флагом в руках, держа за руку своего спасенного сына. Идет в сторону азербайджанских позиций…

… «Время от времени она останавливалась, прикладывая к сердцу правую ладонь, и низко кланялась кому-то, кого высматривала, надеясь донести до этого человека свои чувства»…

И никто не мог ей помешать – ни направлявшийся к ней наперерез трактор с людьми, которые пытались жестами и криками остановить ее, ни бежавшие с другой стороны солдаты...

У нас «не модно» сейчас писать так о ком-то из представителей «вражеской» стороны – модно писать о них, лишь осыпая проклятьями… У противоположной стороны – то же самое… Мне кажется, это недальновидный и не очень умный подход. И пока он остается таким, мечта командира – «я верю, война скоро кончится» – вряд ли исполнится... Потому что война все еще продолжается…

Предвижу, что в адрес автора, возможно, посыплются упреки – за то, что он попытался подойти к этой теме не столь однозначно, как это принято сегодня у многих. Но он – писатель, а писатель должен мыслить широко… А писатель он настоящий – честный. И еще – прекрасно владеющий словом (что сегодня, к сожалению, не такое уж распространенное даже среди писателей явление), умеющий грамотно выстроить сюжет и отобразить живые, осязаемые образы…

А главное – ему веришь. Я – поверила. Поверила не в силу своей наивности – я человек недоверчивый, в чем-то даже скептический, – а потому, что ему хочется верить. И еще потому, что, несмотря на некоторый мой скептицизм и на то, что я, к сожалению, не «самурай» – в плане храбрости и силы духа, – я при всем этом отношусь к «самым неисправимым оптимистам», которым посвящает и, я думаю, адресует свою книгу Октай Мир-Касым.

И еще: все, о чем он пишет, настолько ярко и зримо встает перед глазами, словно ты видишь это на экране. И мне кажется, что повесть эта так и «просится» на киноленту. Только экранизировать ее тоже должен неисправимый оптимист. Иначе – не поверят.

С чувством благодарности и глубокого уважения к автору

Елизавета КАСУМОВА

ИРИНА ЗЕЙНАЛЛЫ

РАЗБИВАЯ ЯНТАРЬ

Обломок 1

На пороге гостиной
Август грустно вздохнет…
Осень сядет к камину,
Теплый плед развернет.

И за чашкой эспрессо
Мне расскажет о том,
Как тоскует принцесса
В темном замке морском.

Август стиснет ладони,
Промолчит, уходя.
Улыбаясь, задернет
Занавеску дождя.

И шагнет к горизонту
В золотистую даль…
И обнимет дремота,
И отпустит печаль

А у старого кресла
Скрип уютный такой…
Вновь янтарную песню
Напевает огонь.

И улягутся страсти
Под гуденье огня…
И янтарные сказки
Зачаруют меня…

Обломок 2

Небо все ниже и ниже от временных неудач,
Но еще тяжелее повторяющиеся сны…
В подводном янтарном замке слышен сдавленный плач –
Это плачет царевна, уставшая ждать весны.

Здесь давно позабыто, какой бывает заря,
Здесь не восходит солнце, здесь все время штормит...
Сердце застыло каплей прозрачного янтаря,
Сердце болеть не может...
Но что же тогда болит?..

Птицы давно умчались к солнечным берегам,
Где море – до горизонта! – всегда свободно от льдин...
Она иногда еще снится молодым рыбакам,
Но утром о ней не вспомнит, скорей всего, ни один.

А сны ее беспросветны, и доля ее горька:
Когда-то она мечтала о крыльях – до самых звезд!
Но жизнь сложилась иначе, и ночь ее глубока,
И неподъемным грузом – чешуйчатый рыбий хвост...

Зачем ей в морских глубинах роскошный царский наряд?
Зачем эти нежные губы, искусанные до крови?
И сердце, застывшее каплей прозрачного янтаря, –
Оно ведь болеть не может...
но как же оно болит...

Обломок 3

Снова сентябрь улыбается ласково,
Что-то мурлычет, листву теребя...
Скоро и он распростится со сказками
И – растворится в ночах октября.

Осень тихонько колдует за окнами,
Солнце застыло куском янтаря,
Вспыхнут сады, как янтарные комнаты,
И – растворятся в ночах октября.

Ветер легонько до клавиш дотронется,
И, мимолетной улыбкой даря,
Вспомнит «Осеннюю песню» Чайковского
И – растворится в ночах октября...

Обломок 4

Время как будто меняет свой прежний темп,
Да и его направление тоже не совсем то...
Осень набросит платок с узором из хризантем
И поплотней запахнется в старенькое пальто...

Осень нахмурится, словно что-то услышит вдруг,
Что-то невнятное, в воздухе слышимое едва,
И побежит за автобусом – это же мой маршрут!..
Лишь полыхнет костром рыжая голова.

Осень торопится – что ж, наверно, она права.
Скучно ей с нами, оставшимися в ноябре.
Время меняется, а мы нет – совсем как та мошкара,
Что навсегда застыла в солнечном янтаре.

Столько света и блеска вокруг – а движения вовсе нет,
Да и воздуха тоже нет, и нечем больше дышать...
Осень – это, наверное, очень красивая смерть,
Только я все еще надеюсь ее избежать.

Осень, не надо пафоса, прочь мертвую красоту!
Я не хочу превращаться в украшенья твои!
Я разобью свой янтарь – мне слишком невмоготу,
И вырвусь на свежий воздух – попробуй, останови!..

Осень, не хмурься, не время еще роли распределять,
Время и вправду меняет и направленье, и темп...
Я подожду тебя, рыжая! Прилетай через год опять
И помаши мне платком с узором из хризантем...

Обломок 5

Лене Шай

Сказки осени – тонкие, штучные,
Не поставленные на поток...
Даже в городе, сросшемся с тучами,
Будет сказочник не одинок,

Потому что за темными окнами,
За метровыми толщами стен,
Кто-то будет смеяться с ребенком
И ему колыбельные петь.

Сказки осени – грустные, нежные,
Золотистые, как листва –
То ли призрачные надежды,
То ль пророческие слова.

И под шепот холодного ветра,
Под щемящую музыку струй,
Кто-то будет ждать нового лета
И играть на рояле «Июнь»...

ВИЛАЯТ ГУЛИЕВ

ОН ПОЗНАКОМИЛ МИР С ИСЛАМСКИМ ИСКУССТВОМ

(Мехмет Ага-Оглу)

Несмотря на то, что Азербайджанская Демократическая Республика просуществовала всего лишь около двух лет, масштаб и значение работы, проделанной в течение этого короткого времени, создают впечатление, что отцы-основатели Республики десятилетиями готовились к независимости, продумали и взвесили все свои шаги и решения с последовательностью и с удивительной дальновидностью. После трагического падения Республики им удалось не только всю свою жизнь сохранять традиции независимости, но и передать их будущим поколениям.

В противном случае было бы трудно объяснить последовательные, целенаправленные шаги, предпринятые в направлении создания и укрепления национальной государственности и формирования эффективных институтов управления с первых дней существования Республики.

Возможно, обретение национальной независимости можно считать неожиданным благословением судьбы. Однако считать случайностью нахождение в правительстве людей с высоким национальным самосознанием и духовным богатством, с проницательным и ясным умом, обладающих зрелыми политическими взглядами, четко понимающих чего хотят и куда идут и способных шаг за шагом двигаться в выбранном направлении, – невозможно.

На третьем месяце существования Национального правительства был создан Чрезвычайный Следственный Комитет по расследованию геноцида, совершенного вооруженными армянскими бандформированиями против азербайджанских тюрок в Баку, Губе, Шамахы, Лянкяране и других городах и регионах Республики в марте 1918 года, а также сбору вещественных доказательств и свидетельских показаний, что говорит о дальновидной политике только что образованного государства. Работа Комитета, проводимая в чрезвычайно сложных условиях, имела большое значение не только для того времени, но и сегодня результаты той честно и тщательно проведенной работы препятствуют попыткам армян фальсифицировать и искажать историю, выявляя их ложь и клевету.

Еще один важный шаг был сделан осенью 1919 года, – министр иностранных дел М.Ю.Джафаров 13 октября подписал распоряжение о создании отдельной Комиссии по сбору материалов и документов для доказательства имперской колониальной политики России против местного мусульманского населения Закавказья, его исторического прошлого, национального самосознания, традиций и обычаев.

Оба решения свидетельствуют о целенаправленной деятельности правительства АДР и его чувстве ответственности перед народом и историей. Если бы высшее и среднее руководящее звено страны не было представлено людьми, которые искренне любили свой народ и свое государство и обладали чувством ответственности перед ними, то не были бы созданы подобные институты, выдвигавшие на первый план национальные интересы.

Инициатором сбора и публикации свидетельств русской колониальной политики в Азербайджане был польский татарин, выпускник юридического факультета Петербургского университета, с лета 1919 г. занимавший пост начальника канцелярии Совета Министров, историк и писатель Леон Найман-Мирза-Кричинский. До своего прибытия в Баку он работал на такой же должности – начальника канцелярии – в недолго просуществовавшем Крымском правительстве, которое возглавлял его сородич генерал М.Сулькевич. За короткое время он собрал в местных архивах документы и переписку, отражающие колониальную политику русского царизма на Крымском полуострове, на основе которых уже через год в Баку издал сразу две книги: «О религиозном давлении на крымских татар» и «Борьба против просвещения и культуры крымских татар». В Агмесджиде (Симферополе) всю эту работу, можно сказать, он проделал в одиночку. А в Азербайджане, пусть в небольшом количестве, но у него были помощники, обладавшие научными знаниями и политическим опытом. В состав Комиссии вошли его земляк Константин (Керим) Сулькевич, переводчик Министерства иностранных дел, поэт и публицист Али Юсиф Юсифзаде и начальник секретариата Министерства внутренних дел Мохаммед Агаев. Через некоторое время к ним присоединился глава законодательного департамента Парламента, известный поэт и общественный деятель Гусейн Мирзаджамалов. В результате усилий Мохаммеда Агаева и Гусейна Мирзаджамалова работа Комиссии приобрела более широкий и организованный характер.

В данной статье речь пойдет об одном из вышеупомянутых людей – Мохаммеде Агаеве (Мехмете Ага-Оглу в годы вынужденной эмиграции), прошедшем путь от рядового служащего в Министерстве внутренних дел до всемирно известного ученого.

* * *

Мохаммед Гасан оглу Агаев (в будущем Мехмет Ага-Оглу) родился 4 августа 1895 года в древнем азербайджанском городе Иреван, в семье среднего достатка. Семья имела двухэтажный каменный дом в Иреване, усадьбу в портовом городе Ирана Энзели, а также недвижимое имущество в столичном Тегеране. Весьма вероятно, что отец Мохаммеда Агаева занимался крупной торговлей с Ираном. Некоторые источники утверждают, что он является представителем знаменитой гарабахской династии Агаоглу, однако это не соответствует действительности, скорее, простое совпадение, они всего лишь однофамильцы. Возможно, чтобы отличиться от своего известного соотечественника, журналиста и общественного деятеля Ахмеда Агаоглу, Мохаммед Агаев предпочел представлять себя в Турции и Соединенных Штатах несколько иначе, как Ага-Оглу.

Среднее образование в 1904-1912 годах Ага-Оглу получил в классической гимназии в Москве, куда семья Агаевых переехала в связи с торговыми делами отца. В октябре 1916 года он поступил на первый курс Лазаревского Института Восточных Языков при Московском университете. В годы учебы под руководством опытных профессоров получил обширные знания по литературе, истории, философии и искусству исламского Востока, изучил несколько восточных и европейских языков. В 1918 году после завершения 3-го курса

в связи с большевистской революцией ему пришлось оставить институт и возвратиться в родной Иреван. Однако из-за враждебного отношения и преследований со стороны армянских националистов он не смог дольше задерживаться в Иреване и ему пришлось переехать вместе с семьей в Баку.

Интерес к исследованиям, стремление закрепить теоретические знания практическим опытом способствовали раннему приобщению Мохаммеда Агаева к научным изысканиям. Более двух лет он участвовал в научных поездках в составе лазаревских экспедиций. Путешествуя по Азербайджану, Центральной Азии, Ирану, Ираку, Сирии, Анатолии, он изучал памятники культуры. Результаты поездок еще больше убедили его в необходимости систематических научных исследований в этой области.

Создание Азербайджанской Демократической Республики 28 мая 1918 года, как и всеми национально-патриотически настроенными молодыми людьми, с радостью было встречено молодым Мохаммедом Агаевым. Он без колебаний начал сотрудничать с новосозданной национальной властью. Из-за острой нужды в молодых, образованных, получивших образование в российских и европейских вузах кадрах, он согласился даже на работу чиновника, притом, что раньше, готовя себя к научной карьере, даже и мысли не допускал о такой работе. Так он возглавил секретариат только начавшего формироваться Министерства внутренних дел.

На первый взгляд, это может показаться странным, – почему специалист по искусству Востока, пойдя на государственную службу, выбрал сферу, которая никак не связана с его профессией? На мой взгляд, на этот вопрос можно ответить: возможно, на него оказал влияние заместитель министра внутренних дел, известный специалист по языкам, истории и культуре Востока, генерал-майор Садыг-бек Агабекзаде (1865-1944), который работал в годы эмиграции профессором университета имени Яна Казимира во Львове. С другой стороны, его работа в таком специфическом ведомстве не лишала Мохаммеда Агаева его любимых восточных исследований. Напротив, он использовал ресурсы министерства для обнаружения и сохранения материальных и культурных ценностей.

Итак, 1 апреля 1919 года молодой Мохаммед Агаев, обращаясь к министру внутренных дел Н.Усуббекову (*тот одновременно являлся и премьер-министром* – **В.Г.**), просил о предоставлении ему должности чиновника по особым поручениям во вверенном ему министерстве. В завизированном начальником Канцелярии Совета Министров заявлении проситель М.Агаев характеризовался как «решительный, умелый, патриотично настроенный, преданный, чистый и честный молодой человек». После аудиенции у министра внутренних дел и главы правительства Н.Усуббекова 22 апреля 1919 г. Мохаммед Агаев, видимо, по взаимному согласию, был назначен личным секретарем министра.

В октябре 1919 г. возник вопрос о его переходе на дипломатическую работу и о назначении секретарем азербайджанской миссии в Иране. На просьбу министра иностранных дел М.Ю Джафарова по этому поводу от 4 октября 1919 г. под номером 3573 Министерство внутренних дел ответило согласием 8 октября. Однако в связи с задержкой формирования дипмиссии и ее отправки в Иран вопрос потерял свою актуальность, и Мохаммед Агаев до большевистского переворота в Азербайджане продолжал работать в своей прежней должности личного секретаря министра.

Как писал А.Топчибашев в своем знаменитом эссе «Маяк Азербайджана» о Гасанбеке Зардаби: «Условия жизни тюрко-азербайджанцев не дают и не давали возможности и даже права для специализации: от каждого образованного интеллигентного труженика, желавшего посвятить себя народному служению, эти условия повелительно требовали быть и тем, и другим, и третьим. Казалось, что народ с подобным работником как бы условливается и говорит: «*Если хочешь посвятить себя всецело служению мне, то оставь всякие надежды сделаться каким-либо специалистом или профессионалом; ты весь должен принадлежать мне и быть во всякое время тем, кем нужно для меня: иначе я не при-*

нимаю на свою службу, – пусть в качестве специалиста или профессионала тебе суждено хватать звезды с неба, но мне ты нужен весь...»

В период существования Азербайджанской Демократической Республики Мохаммед Агаев, как и его друзья-соратники, работал именно по этому принципу и был готов служить народу и государству в любой области, где могли понадобиться его знания, опыт и умения. В историю культуры современного Азербайджана он вошел и как основатель первого национального музея – Музея Независимости, открытие которого было приурочено к первой годовщине Парламента. По его инициативе в 1919 году было организовано еще одно важное учреждение культуры – «Общество защиты древних памятников».

Несмотря на то, что Мохаммед Агаев был очень молод, ему удалось занять достойное место среди немногих интеллектуалов, определявших национально-культурную политику молодой Республики. В результате за короткий срок вместе с одним из близких по духу коллег – Гусейном Мирзаджамаловым (с которым он позднее породнился) – им удалось заложить основу для совершенно новой для культурной жизни страны области – музейного дела.

Официальная газета «Азербайджан», которая поддержала их благородную инициативу, писала в номере от 23 сентября 1919 года: «...у нас была мечта, чтобы на нашей Родине, в Азербайджане, был организован музей. Если во времена Российской империи мы думали, что назовем наш музей «национальным музеем», то сегодня, когда нашим лозунгом является «Независимость», мы видим необходимость в «Музее Независимости».

Большая заслуга в открытии 7 декабря 1919 года музея в одной из комнат здания Парламента, в составлении правил приема, документирования, хранения и сохранения исторических предметов и реликвий принадлежит Мохаммеду Агаеву. Составленный при его активном участии важный документ – «Условия передачи вещей на вечное хранение в Канцелярию Парламента Азербайджана» – может считаться одним из первых правовых актов и конкретных указаний по организации музейного дела в нашей стране.

Как в рамках своей деятельности в Комиссии по сбору документов, относящихся к колониальной политике России, так и на своей прямой работе в Министерстве внутренних дел, Мохаммед Агаев уделял особое внимание поиску, регистрации и хранению культурных и исторических памятников. Так, для сбора и сохранения ценностей культуры он старался максимально использовать все возможности организации, в которой он работал. В своем письме к министру внутренних дел от 24 января 1920 года личный секретарь настойчиво просил вменить в обязанность работникам министерства в губерниях и уездах собирать и систематизировать информацию о древних памятниках, надгробиях, гробницах, надписях на могильных камнях, в мечетях, церквах, монастырях, храмах, часовнях и ханагяхах[1]. Подробный список памятников культуры предписывалось представлять в Комиссию с полным и точным названием места, где расположен памятник, под каким названием этот памятник известен в народе, его текущее состояние, а также условия его охраны.

Автор письма тесно связывал охрану существующих материально-культурных ценностей и их пропаганду с национальной независимостью Азербайджана. Он считал, что историческое прошлое народа и его творческий потенциал являются одними из факторов, приведших его к национальной независимости. В связи с этим он подчеркивал в вышеупомянутом письме: «В настоящее время только народы, способные доказать свою самостоятельность историческими документами и деятельностью в области культуры, получают право на независимость и свободу». В ответ на вопрос о том, имеют ли азербайджанские тюрки, желающие построить независимое государство, такие исторические памятники, Мохаммед Агаев писал:

[1] *Ханагях* – молельня, помещение для проживания и службы дервишей.

«*Богатство нашей истории и археологических материалов позволят нам доказать свое право на независимое существование.*

Если мы рассмотрим наше историческое прошлое согласно периодам, определенным учеными-историками (каменный, бронзовый, железный века), мы увидим, что наша Родина является одним из центров человеческой цивилизации.

На протяжении истории через наши земли проходили великие народы. На этих землях создавались могущественные государства, происходили великие сражения. Наконец, именно на этой территории лицом к лицу столкнулась культурная Европа с воинственной Азией. Еще задолго до христианства такие греческие историки, как Геродот, Страбон и др., писали о военной силе народов, проживающих на этой территории, о влиянии событий, участниками которых они были, на мировую историю, о богатстве и изобилии наших земель».

В своем письме Мохаммед Агаев оценил создание отдела археологии при министерстве народного образования как замечательное событие в научной и культурной жизни молодой Республики. Была еще раз подчеркнута важность передачи Музею Независимости всех обнаруженных материальных и культурных ценностей для их демонстрации, охраны и защиты. Также было предложено рядом с отделом археологии при министерстве народного образования создать отдельную библиотеку для хранения и научного изучения рукописей, коллекций редких книг, древних молитвенников и других документов в соответствующих условиях.

Молодой и амбициозный Мохаммед Агаев, веривший в богатство азербайджанской культуры, в творческий и интеллектуальный потенциал своего народа, считал, что в условиях независимости в Баку можно создать широкие возможности для изучения истории, культуры и искусства не только родной страны, но и для целого мусульманского Востока. Гуманитарная политика, проводимая правительством АДР, также давала надежду на будущее развитие этой области.

Но русский колониализм, по которому он собирал материалы, вновь вернулся в Азербайджан в новой форме – в форме большевистской оккупации – и на долгие годы перечеркнул все связанные с Родиной надежды, как его, так и десятков молодых патриотов-интеллектуалов.

После советизации Азербайджана Мохаммед Агаев еще некоторое время жил на своей исторической родине и всеми силами старался продолжать начатую работу в области культурной политики. Спустя два месяца после апрельского переворота – 22 июня 1920 г. – его, Арслана Кричинского и Гусейн бека Мирзаджамалова даже восстановили на прежней работе, – все они стали членами коллегии по охране исторических памятников при Министерстве народного образования (МНО).

Некоторые интересные сведения о «советском периоде» жизни и деятельности Мохаммеда Агаева можно почерпнуть из энциклопедического справочника «Азербайджанцы, обучавшиеся в высших учебных заведениях до 1920 года» М. Марданова и А.Тагирзаде.

Так, 15 сентября 1920 г. новоявленный советский чиновник М.Агаев подает заявление об освобождении его от должности заведующего историко-археографической секцией МНО в связи с «трудным материальным положением» и вскоре становится заведующим подотделом библиотечного дела. Находясь на этой должности, он по приказу наркома Д.Буниятзаде в составе агитационного поезда путешествовал по республике с целью ознакомления с состоянием библиотек в разных уголках Азербайджана.

Кстати, в октябре 1920 года именно он был командирован в город Газах с целью обнаружения и составления списка книг личной библиотеки и ценных рукописей организатора и первого директора местной учительской семинарии, первого историка азербайджанской литературы Фирудин-бека Кочарли, спешно расстрелянного большевиками пятью месяцами раньше.

Вызывает интерес также доклад, составленный Мохаммедом Агаевым о состоянии библиотечного дела в молодой советской республике. Он с горечью говорил о скудности библиотечных фондов Азербайджана и о вопиюще несправедливом соотношении книг на русском и азербайджанском языках. Например, по подсчетам М.Агаева, в библиотеках Шеки, где 98 процентов населения составляли азербайджанцы, из 10 тысяч книг библиотечного фонда только 5 процентов – т.е. 500 книг – были на азербайджанском языке. В 40 библиотеках Баку общее количество книг на языке коренного населения составляло мизерную цифру – всего 5000 экземпляров. Издательства не были в состоянии за короткий срок изменить эту печальную реальность. Поэтому с целью выхода из этого положения М. Агаев предлагал не жалеть валютных средств на покупку книг и других печатных продукций в соседней братской Турции. Общность языка и алфавита тех лет делали печатную продукцию Стамбула легкодоступной для читающей публики Азербайджана.

Вскоре это разумное и своевременное предложение М.Агаева было осуществлено. Профессор востоковедческого факультета Бакинского университета Пантелеймон Жузе был командирован в Стамбул и Тегеран. В этих центрах исламской культуры он купил несколько тысяч экземпляров книг для университетской библиотеки.

Находясь в Баку, Мохаммед Агаев занимался также педагогической деятельностью. Начиная с января 1921 года он преподавал историю Азербайджана на одногодичных курсах, готовивших учителей для начальных и средних школ.

Несмотря на огромную любовь к своей Родине, к ее истории и культуре, Мохаммед Агаев все чаще и чаще думал об избавлении из советского ада. Во-первых, ему надо было завершить свое прерванное революцией высшее образование. Во-вторых, он хотел заниматься наукой в настоящем смысле этого слова. Однако, ни одно из этих предприятий не могло осуществиться в условиях Баку 1920-х годов. Поэтому, как и сотням его соплеменников, Мохаммеду Агаеву пришлось искать нормальную человеческую жизнь и возможность научной творческой деятельности далеко за пределами Азербайджана.

В 1920-1922 годах, т.е. до образования союзного государства СССР, Азербайджанская Советская Республика пользовалась относительной свободой, частично сама определяла свою внутреннюю и внешнюю политику. В Баку функционировали дипмиссии некоторых стран, вузы приглашали профессоров и преподавателей в основном из соседней Турции, азербайджанская молодежь для получения высшего образования отправлялась за государственные деньги в европейские университеты.

Мохаммед Агаев решил воспользоваться этим легальным путем для отъезда из страны с целью продолжения учебы. 13 июня 1921 г. коллегия Министерства народного образования рассмотрела вопрос о направлении своего сотрудника, окончившего три курса Лазаревского Института Восточных Языков при Московском университете, Мохаммеда Гасан оглу Агаева в Германию как стипендиата Азербайджанской ССР. По решению коллегии он должен был специализироваться в области тюркологии и после завершения учебы возвратиться в распоряжение Наркомобразования.

Итак, в августе 1921 г. Мохаммед Агаев покинул Баку, куда больше никогда не возвратился, и в принципе тюркологом не стал.

Но с полной уверенностью можно сказать, что бакинский период его жизни и кратковременное дыхание независимости сыграли не последнюю роль в том, что в будущем он станет выдающимся специалистом по искусству Востока в мировом масштабе...

* * *

Многие исследователи, говоря о богатом научном наследии и всестороннней научной деятельности Мохаммеда Агаева, прославившегося среди историков-востоковедов и искусствоведов в 30-40-годах XX века уже как Мехмет Ага-Оглу (см.Vernoit, «İslamic Art and Architecture: an Owerview of Scholarship and Collecting», 1850-1950; Vernoit, «Discover-

ing Islamic Art; The Mirage of Islamic Art»; Marilyn Jenkins-Madina, «Collecting of Art at the Met: Early Tastemakers in Amerika»; Z.Simavi, «Mehmet Aga-Oglu and the formation of the field of Islamic art in the United States» и т.д.), обходят молчанием короткий период его работы в правительствах АДР и Азербайджанской ССР и как обычно начинают изучение его биографии с 1921 года, когда он поступил в Стамбульский университет, где продолжил свое образование. Одним словом, несколько важных лет жизни ученого остаются незамеченными.

И это можно понять, потому что никаких серьезных исследований о нашем соотечественнике, единственном на сегодняшний день профессоре по исламскому искусству в США, основателе и первом главном редакторе фундаментального искусствоведческого журнала «Ars Islamica», издававшегося в 1934-1951 годах – на его исторической родине не проводилось. Мохаммед Агаев – Мехмет Ага-Оглу, – начавший свою научную деятельность в качестве организатора музейной работы и библиотечного дела, первого коллекционера национальных культурно-материальных ценностей, определенно заслуживает большего внимания.

Я хотел бы привести одну цитату из вышеназванной работы турецкого исследователя из Великобритании З. Симави: «За двадцатилетний период своей деятельности в США (1929-1949) Ага-Оглу, как ученый, педагог, организатор, куратор и издатель, заложил в этой стране основы академической науки истории культуры исламского мира».

* * *

Будучи в Стамбуле Мохаммед Агаев принял решение, определившее всю его жизнь, – он выбрал исламское искусство как основную сферу своей научной деятельности и поставил себе цель – стать первоклассным специалистом в этой области. Он поступил в Стамбульский университет, называвшийся тогда Дарюльфюнуном. Судьба была благосклонна к молодому человеку, – он повстречал Халила Эдхема Эльдема (1861-1938), выдающегося ученого, одного из основателей музейного дела в Турции и замечательного человека, который стал его покровителем, направляющим его на научной стезе. В тот период Халил-бек, будучи мударрисом (профессором) Стамбульского университета, в то же время занимал пост заместителя директора Османлы Асари-Атига музеси (Стамбульского музея изобразительных искусств, ныне Стамбульский археологический музей).

Халил Эдхем, получивший европейское образование, имел большие заслуги в изучении турецких старинных монет и каменных скрижалей. Как выдающийся и дальновидный ученый, он думал о будущем и искал способы дальнейшего исследования богатого исламского искусства в своей стране и поднятия музейнего дела на более высокий уровень. Молодой политический эмигрант, приехавший из Азербайджана, привлек его внимание, в нем он увидел своего будущего последователя. После продолжительных обсуждений Мохаммед Агаев, уже под новым именем Мехмет Ага-Оглу, в 1922 году, на основе предварительно составленного плана Халила Эдхема Эльдема, на четыре года уехал в Германию и Австрию для обучения и прохождения практики у самых лучших профессоров и специалистов, среди которых было много его знакомых и друзей.

Прежде всего Мехмет Ага-Оглу прослушал курс профессора Берлинского университета Эрнста Херсфельда (1879-1948), выдающегося ирановеда, специализировавшегося на древней и современной истории Ближнего Востока, и Карла Беккера (1876-1933) – издателя журнала «Der İslam», основателя немецкого ориентализма XX века. Затем в Йенском университете прослушал основной курс по ранней христианской археологии, западному искусству и эстетике. В 1924-1926 гг. в Венском университете под руководством профессора Йозефа Стржиковского (1862-1941) работал над докторской диссертацией по средневековой турецкой архитектуре.

Й.Стржиковский был выдающимся специалистом по византийскому искусству, в своих полемических книгах «Восток или Рим?», «Малая Азия – территория неизученного искусства» пытался обосновать концепцию первичности культуры Востока и ее влияния на христианскую Европу. В книге «Алтай-Иран и великое переселение народов» он исследовал особенности древнетюркского искусства, неумирающие традиции кочевых народов и выявил их следы в европейской культуре.

За четыре года, проведенные в Германии и Австрии, в странах, обладающих совершенной научной школой, Мехмет Ага-Оглу стал универсальным специалистом в области как западного, так и восточного искусства. В связи с тем, что он обучался в одном из лучших университетов России и в совершенстве владел русским языком, в отличие от некоторых своих восточных и западных коллег, он также имел возможность изучать славянскую культуру в турецко-исламском контексте. Латинский и греческий языки, которые он изучал в гимназии и университете, позволили ему глубже изучать древнюю историю. Однако, несмотря на огромные возможности для дальнейшей научной деятельности, имеющиеся в европейских университетах, в 1927 году, закончив образование и защитив докторскую диссертацию, Мехмет Ага-Оглу вернулся в Турцию.

Здесь он начал работать хранителем Çinili Köşk при музее Topqapı. Затем стал исполнительным директором музея Əvqaf[1], а также помощником профессора по исламскому искусству в Стамбульском университете.

С середины 1920-х годов статьи, написанные Мехметом Ага-Оглу на турецком и немецком языках, были опубликованы в различных научных журналах. Казалось, что молодой ученый нашел свое место в жизни. После Москвы он продолжил образование в таких передовых университетских центрах, как Стамбул, Берлин, Йена, Вена. Он имел опыт работы с самыми известными учеными и специалистами того времени. В течение семи лет, после приезда из Азербайджана в Турцию, он прошел путь от никому не известного эмигранта до профессора по восточному искусству. Но Мехмет Ага-Оглу по натуре был человеком, стремящимся к изменениям, постоянно ищущим что-то новое. Он не хотел удовлетворяться достигнутым и без колебаний готов был изменить свою жизнь ради науки. Возможно, поэтому в конце 1929 года он принял предложение Детройтского Института изобразительных искусств в Мичигане (США) стать хранителем в музее Ближнего Востока и, покинув ставшую второй родиной Турцию, переехал в Америку. По словам З. Симави, Мехмет Ага-Оглу во время своей научной деятельности в Штатах был единственным выдающимся ученым в области исламского искусства, прошедшим основательную научную школу.

Другим его преимуществом было знание трех основных восточных языков наряду с тремя основными западными языками, а также обладание большими историко-филологическими знаниями. Наконец, в отличие от своих европейских коллег, он знал Восток не по книгам, не по лекциям. Он был выходцем с Востока, по рождению и воспитанию был восточным человеком. Личные контакты в турецких научных кругах, авторитет, заслуженный в области музеологии, давали ему широкую возможность для сотрудничества с турецкими культурными организациями. Все это, в сочетании с его самоотверженностью и трудолюбием, превратило Мехмета Ага-Оглу в незаменимого эксперта в новом научном направлении – изучении и пропаганде в Соединенных Штатах богатейшего искусства исламского мира. В результате наш соотечественник, который отправился в Америку, подписав трехлетний контракт, остался там жить и работать до конца своей жизни.

В 1920-х годах Институт изобразительных искусств в Детройте, несмотря на звучное имя, был всего лишь обычным муниципальным музеем. Большая часть экспонатов представляла европейское и американское искусство. Восточная коллекция почти отсутствовала.

[1] музей вагуфов – vəqf, вагуф – завещание на богоугодное дело, с благотворительной.целью.

Но, к счастью, облик Детройтского института резко изменился в результате целенаправленных усилий представителя немецкой школы истории искусств профессора В.Валентинера, который накануне прихода Мехмета Ага-Оглу начал там свою деятельность в качестве директора. Именно В.Валентинер в поисках опытных помощников для реализации своих грандиозных планов пригласил на работу Мехмета Ага-Оглу. За короткое время талантливый ученый из Азербайджана смог найти достойное для себя место в новой среде.

В период с 1929 по 1938 годы он служил хранителем в институте, ставшем крупнейшим центром исламского искусства в Америке, а в 1933-1938 годах занимал должность профессора Мичиганского университета в Детройте.

Вскоре после того как Мехмет Ага-Оглу был назначен хранителем, для привлечения внимания американского научного сообщества, и в первую очередь специалистов, к хранящимся в музее предметам исламского искусства он в октябре 1930 года организовал нашумевшую выставку «A Loan Exhibition of Mohammedan Decorativ Art» (Экспозиция мусульманского декоративного искусства). Выставка, которая, в основном, представляла предметы прикладного искусства исламских народов, состояла из рукописей, керамики, изделий из металла, дерева, слоновой кости, шкатулок, художественных тканей, вышивок и т.д. Часть экспонатов была взята из хранилища Детройтского музея изобразительных искусств, другие – из частных коллекций известных в США коллекционеров.

Спустя несколько дней после открытия первой в США выставки исламского искусства, на первой странице газеты «The Art Digest» была опубликована статья «Музей Детройта представляет предметы прикладного искусства исламского мира», в которой упоминается об инициативе Мехмета Ага-Оглу, «впервые в стране объединившего все отрасли исламского искусства».

Параллельно с осуществлением этого крупного культурного проекта Детройтский институт также организовал выставку картин и эскизов архитектурных памятников Индии, Ирана, Средней Азии, Турции и Египта, а также выставку прикладного исламского искусства XI-XX веков (в основном, художественных тканей – текстиля). Будучи организатором обоих культурных мероприятий, Мехмет Ага-Оглу принял также активное участие в работе комиссии по отбору предметов искусства и в организации «Международной выставки персидского искусства», открывшейся в 1931 году в знаменитом лондонском дворце Берлингтон-Хаус.

На этой выставке экспонировались шесть артефактов исламского изобразительного искусства, хранившихся в Детройтском институте и специально привезенных в Лондон. В некотором смысле это дало толчок к признанию Мехмета Ага-Оглу как эксперта в восточном искусстве и сыграло свою роль в признании и популяризации в Европе института, в котором он работал. Детройтский институт впервые был представлен на престижной международной выставке одновременно с такими известными музеями с мировыми именами, как Метрополитен-Музей, Чикагский институт изобразительных искусств, Бостонский художественный музей и музей Фогга Гарвардского университета.

На научном симпозиуме, который проходил перед выставкой, искусствовед-азербайджанец выступил с докладом о предисловии к альбому Бахрама Мирзы, хранящемуся в музее Топкапы. В этом докладе он впервые коснулся эпохи тюркской династии Сефевидов и ее богатой культуры. Впоследствии научная деятельность профессора Мехмета Ага-Оглу тесно будет связана именно с этим периодом истории ирано-тюркской культуры.

А предисловие, о котором говорил ученый, было краткой историей персидской миниатюрной живописи, написанной в 1544 году известным персидским художником-миниатюристом, каллиграфом и историком-искусствоведом Дуст Мохаммедом (1510-1565). Мехмет Ага-Оглу был первым профессиональным исследователем, который изучил этот ценный художественный памятник.

В дни проведения выставки газета «New York Times» и авторы коллективной книги «Персидская миниатюрная живопись», вышедшей спустя год после выставки, поспешили заявить, что в скором времени ученый представит перевод предисловия Дуст Мохаммеда к альбому Бахрама Мирзы на европейские языки. Однако с таким нетерпением ожидаемое искусствоведами произведение так и не появилось в печати или в виде отдельного издания. Вместо этого был опубликован подготовленный Ага-Оглу каталог из 172 работ, представленных в Детройте в 1930 году на выставке «A Loan Exhibition of Mohammedan Decorative Art». Впервые в Америке исламское искусство было представлено так широко.

В связи с успешной организацией Мехметом Ага-Оглу выставок, проведением им пропагандистской и просветительской работы Институт изобразительных искусств Детройта получил возможность обогатить свой фонд исламского искусства новыми экспонатами. И это в то время, когда американская экономика переживала период Великой депрессии. Несмотря на небольшие по сравнению с предыдущими годами средства, выделенные институту, количество экспонатов в фонде увеличилось благодаря любви и заботе Мехмета Ага-Оглу. В февральском за 1931 год выпуске фундаментального издания «Бюллетеня Детройтского института искусств» говорится, что и сам азербайджанский ученый, подавая личный пример, подарил музею две редкие средневековые рукописные книги. Принимая во внимание расширение фонда и увеличение количества экспонатов, руководство Института изобразительных искусств в Детройте построило дополнительную галерею для демонстрации предметов исламского искусства.

Одним из активных авторов упомянутого выше научного издания «Bulletin of the Detroit İnstitute of Arts of the City Detroit» был сам Мехмет Ага-Оглу. Согласно историкам искусства, в 1929-1938 гг. он опубликовал в этом влиятельном издании тринадцать научных статей, посвященных различным периодам и проблемам истории исламского искусства. В этом он опередил всех своих коллег, с которыми вместе работал. Более того, все его статьи по рассматриваемым в них западным и восточным источникам, их критический анализ в 30-х годах прошлого века в истории искусства США можно было назвать научными инновациями.

С 1933 года Мехмет Ага-Оглу расширил сферу своей деятельности и получил должность профессора в Мичиганском университете. Педагогическая деятельность ученого стала возможна благодаря гранту, выделенному институту Фондом Карнеги. Основная цель, на которую был выделен грант, заключалась в обучении искусствоведов, специализирующихся в области истории искусства исламских стран. В результате университет в Мичигане стал первым учебным заведением в истории американской высшей школы, где открылась кафедра исламского искусства, и Мехмет Ага-Оглу был первым ее руководителем. Ученый читал лекции и проводил семинары вместе с Изабель Хаббард, своим ближайшим помощником в музее.

Спустя несколько лет Мехмет Ага-Оглу приобрел хорошую репутацию и уважение не только в Мичиганском университете и в Детройтском институте изобразительных искусств, но и во всей Америке. Не случайно в 1935-ом и 1938-ом годах искусствовед из Азербайджана по приглашению другого известного американского вуза – Принстонского университета – читал в нем цикл лекций об арабском и персидском искусстве. Созданный им на основе богатых западных и восточных источников курс «Введение в историю исламского искусства», как с научной точки зрения, так и с точки зрения системного обучения, стал первым учебным пособием по восточному искусству в истории американской высшей школы. Вскоре стало совершенно очевидно, что инициатива была успешной. Это следует и из приведенной ниже статистики. В самом начале учебной программы у профессора Ага-Оглу было всего шесть учеников. Несколько лет спустя число желающих стать специалистами в области истории исламского искусства достигло двадцати двух. Правда, в это время ученый уже покинул Мичиганский университет. Но как мы видим, се-

мена, которые он посеял, принесли свои плоды. Эта специфическая область изучения, теперь включающая в себя множество лекционных курсов и семинаров, приобрела достаточную популярность и успешно развивалась без участия Мехмета Ага-Оглу.

Так Мехмет Ага-Оглу уже через пять лет после своего переезда в США заложил основу для обучения в музеях и университетах страны специалистов по истории исламского искусства и, начав читать лекции на уровне семинаров, позже на их основе подготовил базовую учебную программу.

В период работы в Институте изобразительных искусств Детройта и в Мичиганском университете ему удалось объединить теоретические научные исследования с практической деятельностью. Пользу от этого, в первую очередь, видели будущие специалисты, пожелавшие посвятить себя изучению исламского искусства. В результате весной 1936 года, с помощью пока еще немногочисленных своих студентов, на основе университетской коллекции, он организовал интересные выставки: «Персидская миниатюра» в Детройте и исламского прикладного искусства в Мичигане, где были представлены работы по дереву, исламские и коптские (Египет) образцы керамики и художественного текстиля.

В 1934 году Мехмет Ага-Оглу сделал еще один важный шаг в истории изучения исламского искусства и основал журнал «Ars Islamica», ставший не только в США, но и во всем мире первым специальным научным изданием, посвященным исламскому искусству. По словам З. Симави, «Ars Islamica» был первым и единственным журналом, поставившим себе целью исследование истории исламского искусства. В это время в состав редакции журнала входили, в основном, уже известные специалисты и эксперты в области истории восточного и исламского искусства. Среди них были и учителя Мехмета Ага-Оглу. В первом выпуске журнала за январь 1934 года отмечалось, что это – совместное издание Мичиганского университета и Детройтского института изобразительных искусств. Однако издание следующего выпуска университет полностью взял на себя. Издание и распространение журнала было возложено на художественную галерею «Freer», находящуюся недалеко от Мичиганского университета, Институт Смитсона и Департамент истории искусств. Хотя спустя три года Мехмет Ага-Оглу оставил работу в редакции, издание продолжало выходить вплоть до 1951 года. В 1954 году «Ars Islamica» был переименован в «Ars Orientalis» и издается до сегодняшнего дня. Была создана электронная версия как старой, так и новой редакции журнала, и они находятся в свободном доступе.

Несмотря на то, что это было американское издание, языкового ограничения в журнале не было. Статьи публиковались в основном на трех европейских языках – английском, французском и немецком. Источники, как правило, печатались на языке оригинала. Публикации сопровождались богатыми красочными и качественными иллюстрациями. С этой точки зрения можно сказать, что журнал опередил свое время.

В предисловии к первому номеру журнала Мехмет Ага-Оглу подчеркнул, что главной целью «Ars İslamica», как специфического издания, является «стимулирование интереса к изучению исламского искусства», для чего необходимо выполнение следующих условий:

«*Нашей целью является предоставление возможности обсуждения на академическом уровне различных вопросов, связанных с художественно-историческим развитием искусства вообще и прикладного искусства в частности.*

Особо мы хотели бы подчеркнуть, что журнал будет иметь нейтральную позицию по всем вопросам, по всем выдвинутым мнениям и не в одностороннем порядке поддерживать ту или иную точку зрения или идею. Журнал всегда будет открыт для проблем и вопросов, представляющих общий интерес, их комментариев и противоречащих друг другу точек зрения и высказываний. По единодушному мнению издателей, только в результате проведения такой политики журнал может в будущем достичь целей, которые он перед собой ставит».

Условия, выдвинутые редактором, носили вовсе не случайный характер. Дело в том, что «Ars İslamica» начал издаваться в такое время, когда исследователи мусульманской цивилизации выдвигали очень разнообразные, порой противоречивые и даже противоречащие друг другу мнения. Были ученые, как утверждающие исторический опыт мусульманской цивилизации и ее большую значимость для общечеловеческой кудьтуры, так и те, кто отвергал это. В такой ситуации поддержка мнения даже самого авторитетного специалиста как единственно правильного могла привести к подавлению других идей и точек зрения. Поэтому для сохранения объективности Мехмет Ага-Оглу с первых дней своего руководства журналом счел необходимым подчеркнуть, что для выявления истины страницы издания открыты для здоровой и эффективной полемики. В период редактирования он неукоснительно соблюдал этот принцип.

Благодаря такой политике редакции, за короткое время «Ars İslamica» приобрел большую популярность не только в Соединенных Штатах и Европе, но и в научных институтах и музейных центрах Азии как журнал, давший зеленый свет объективному исследованию исламского искусства.

«The Bulletin of the American İnstitute for Persian Art and Archeology», отмечая вторую годовщину появления в научном мире журнала «Ars İslamica», высоко оценив успехи своего собрата, писал, что, имея «амбициозную программу и высокие стандарты», он демонстрирует уверенность и готовность достичь поставленной перед собой цели: «Журнал отличается безукоризненностью и красотой, иллюстрации имеют высокое качество». «Ars Islamica» может конкурировать с любым искусствоведческим журналом в любом уголке мира. То, что Соединенные Штаты находятся среди стран, активно участвующих в исследовании Ближнего Востока, вызывает чувство искренней благодарности». В официальном докладе Мичиганского университета за 1935-37 годы «The President`s Report to the Board of Regents for the Academic Year 1936-1937» отмечается высокое качество публикуемых в журнале материалов, их научно-экспериментальное значение. В докладе также приводятся цитаты из различных средств массовой информации, высоко оценивающих работу «Ars Islamica».

Естественно, за создание такого журнала Мичиганский университет был благодарен прежде всего профессору Мехмету Ага-Оглу. Интересно, что в 1937 году, когда отмечалась столетняя годовщина основания Мичиганского университета, считающегося одним из старейших университетов США, о научных достижениях этого вуза была выпущена и отдельная книга, состоящая из материалов, отобранных специально из «Ars Islamica». В нее вошли тридцать пять статей, опубликованных в журнале, из которых четырнадцать принадлежали американским ученым, а остальные – искусствоведам и историкам искусства из других стран мира.

В издании книги под руководством Мехмета Ага-Оглу принимали активное участие все члены редакционной коллегии «Ars Islamica». Юбилейное издание без преувеличения можно назвать хрестоматией мусульманского искусства, так как в нем были отражены исследования в различных областях искусства Востока. За многими статьями, представленными в книге, стояли многотомные исследовательские труды, научные школы и их многочисленные исследователи, экспедиции.

Еще одно важное нововведение в жизни Мичиганского университета также было связано с именем и деятельностью Мехмета Ага-Оглу. В середине 1930-х годов, когда возникла идея привлечения в это высшее учебное заведение студентов из стран Ближнего Востока, являющихся естественными носителями языка и культуры, реализацию этого проекта возложили на азербайджанского ученого как на знатока и эксперта мусульманских стран.

С этой целью Мехмет Ага-Оглу провел долгие переговоры с соответствующими учреждениями Ирана, Турции, Ирака, Сирии и Египта, и каждая из этих стран направила по

два своих студента (всего десять человек) в Мичиганский университет для прохождения полного курса обучения по исламскому искусству. В докладе, представленном университетом за 1934-1935 годы, была подчеркнута ведущая роль профессора Ага-Оглу в отборе вместе со специалистами этих стран студентов и решении всех вопросов, связанных с их прибытием в Соединенные Штаты и их образованием.

Празднование в Иране в 1934 году 1000-летнего юбилея классика персидской литературы Абульгасыма Фирдовси (934-1020) стало еще одной возможностью для привлечения студентов из восточных стран, а также установления новых научных связей с мусульманским Востоком. На это глобальное культурное мероприятие Мехмет Ага-Оглу был приглашен ответственным секретарем юбилейного комитета, известным иранским ученым Саидом Нафиси как представитель Мичиганского университета и Детройтского института изобразительных искусств.

В рамках юбилея на конференции с участием всемирно известных востоковедов в столице Ирана он выступил с докладом о рукописи великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви «Хосров и Ширин», которая хранилась в фондах галереи Фреера в Вашингтоне. После возвращения в Соединенные Штаты ученый написал статью «Посещение могилы Фирдовси», посвященную своей поездке в знакомый ему с детства регион после пятилетнего перерыва, и опубликовал ее в одном из номеров журнала Мичиганского университета «Michigan Alumnus» за 1935 год. Его участие в юбилейных празднествах придало новый импульс связям с Востоком.

Научная командировка Мехмета Ага-Оглу в Иран и другие страны Ближнего Востока, ставшая большим стимулом для новых научных связей и исследований, продолжилась с августа по ноябрь 1934 года. В рамках этой поездки он посетил Тегеран, Иерусалим, Бейрут, Дамаск, Багдад и Каир. Побывал также в Селевке и Каранисе, где археологи Мичиганского университета проводили раскопки. В самом Иране посетил города Кирманшах, Хамадан, Казвин, Мешхед, Нишапур, Тус, Гум, Исфахан, Бушер, Шираз, где изучал древнюю персидскую культуру, посетил древние памятники Персеполиса. Поездка была плодотворной и с точки зрения отбора студентов для обучения в Мичиганском университете, и с точки зрения установления научных связей с иранскими учеными.

Несмотря на то, что Мехмет Ага-Оглу регулярно публиковал статьи по различным вопросам исламского искусства в научных журналах, первая его монография – «Persian Bookbindings of the Fifteenth Century» («Переплетное дело в Персии в пятнадцатом веке») была опубликована только в 1935 году в издательстве Мичиганского университета. Определенную роль в данном исследовании сыграла работа, проведенная им в библиотеках и музеях Стамбула и Ирана. По тому, что на обложке издания 1935 года было указано «Первый том», можно предположить, что автор намеревался выпустить несколько томов, посвященных данному вопросу.

За исключением нескольких эпизодических попыток, исторические аспекты, художественное мастерство и техническое своеобразие переплетного дела, сформировавшегося в исламском мире как отдельное искусство, впервые были изучены Мехметом Ага-Оглу в вышеназванной книге. Вскоре после издания монографии на нее были опубликованы положительные рецензии в таких американских журналах, как «American Magazine of Art», «Apollo», «Bookbinding Magazine», «The Bulletin of the American İnstitute for Persian Art and Archeology», «Michigan Alumnus and Parnasus», а также в турецких, английских, французских научных журналах. В рецензиях отмечалось, что Ага-Оглу стал первым серьезным и последовательным исследователем переплетного дела и книгоиздания в исламском мире, особо подчеркивалось, что его исследования основываются на до сих пор неизвестных западному ученому миру источниках.

Вторая монография Мехмета Ага-Оглу «Safawid Rugs and Textile: The Collection of the Shrine İmam Ali at Al-Nacaf» («Ковры и текстиль эпохи Сефевидов: на основе коллекции,

хранящейся в гробнице имама Али в городе Наджаф») была издана спустя шесть лет в 1941 году в издательстве Колумбийского университета. Материал для книги в основном был собран во время визита ученого на Ближний Восток в 1934 году, продолжавшегося несколько месяцев.

В связи с тем, что немусульманам вход в гробницу имама Али был запрещен, Мехмет Ага-Оглу стал первым профессиональным историком-искусствоведом Западного мира, вступившим в священный для мусульман храм. Как упоминалось во вступительной части, наджафские муджтахиды разрешили ученому в течение одной недели изучать и фотографировать ковры и декоративные текстильные изделия, в основном являющиеся дарами сефевидских правителей, членов их семей и используемые в каждодневных религиозных обрядах или же просто хранящиеся в храме. В результате исключения, сделанного для ученого-мусульманина и азербайджанского тюрка, это священное для мусульман место было открыто миру с точки зрения хранящихся там ценностей искусства. В то же время мир увидел и узнал Сефевидскую династию не только как тюркское и шиитское государство, но и его культурные традиции и потенциал.

Наряду с новизной и оригинальностью материалов, представленных в книге, издание привлекало внимание и высоким качеством и культурой печати. Американский институт удостоил книгу азербайджанского ученого специальным призом за графическое искусство и превосходный художественно-технический дизайн, признав ее одной из 50 лучших книг года. По словам З. Симави, эту книгу, представленную на всеамериканский конкурс Нью-Йоркской публичной библиотекой, жюри выбрало из 631 номированного печатного издания.

Для нас эта работа особо ценна тем, что она глубоко связана с культурой и искусством азербайджанских тюрок. Примечательно, что образцы прикладного искусства эпохи Сефевидов рассматриваются в книге не только как факт персидской культуры, но и в тюркско-исламском контексте. К сожалению, до сих пор ученые, занимающиеся азербайджанской школой ковроткачества и историей национального ковроткаческого искусства, не уделили должного внимания этому ценному исследованию нашего соотечественника, опубликованному в Соединенных Штатах, хотя эпоха Сефевидов, являющаяся важным этапом нашей истории, а также связанное с ней развитие науки, искусства, литературы, впервые были изучены нашим соотечественником в далекой Америке…

* * *

В июне 1938 года Мехмет Ага-Оглу неожиданно покинул свой пост в Мичиганском государственном университете. Но в течение еще нескольких месяцев продолжал работу в качестве почетного хранителя ближневосточной художественной коллекции Детройтского института изобразительных искусств. В конце года он ушел и из Института. Только спустя десять лет, получив приглашение Вашингтонского текстильного музея, он вернулся к музейной работе, но уже в столице. Исследователи, изучающие жизнь и творчество ученого, так и не нашли причин такого неожиданного решения.

Однако, прежде чем проститься с Мичиганским университетом и Детройтским институтом изобразительных искусств, Мехмет Ага-Оглу дал согласие на предложение De Young Memorial Museum организовать выставку исламского искусства в Сан-Франциско. Предложение поступило от его коллеги искусствоведа Вальтера Хайльдена, с которым они несколько лет вместе работали в Детройте и который буквально накануне был назначен директором De Young Memorial Muzeum. Первое, что сделал Хайльден на новой должности – пригласил своего друга и коллегу Мехмета Ага-Оглу приехать в Сан-Франциско и организовать выставку исламского искусства. На выставке, проходившей с 24 февраля по 22 марта 1937 года, впервые состоявшейся в западной части Америки, было

продемонстрировано 266 работ из 18 общественных и 29 частных коллекций США и Европы.

Газета «The Art Digest» подчеркнула беспрецедентный успех выставки, ее популярность среди зрителей и, что самое главное, отметила, что благодаря этой выставке всегда скучный «De Young Memorial Museum», который имел провинциальный уровень, резко и качественно изменил свой имидж. Построенный в традиционном стиле «amerikana» музей, пусть на короткий срок, но оказался в центре внимания зрителей. А оно было вызвано своеобразием и неповторимостью демонстрируемых образцов исламского искусства и безупречным вкусом при отборе экспонатов. Каталог выставки, подготовленный Мехметом Ага-Оглу, был опубликован в том же году в Сан-Франциско.

В 1930-х годах Мехмет Ага-Оглу был одним из немногих ученых, находящихся в Соединенных Штатах, который за тысячи километров от исламского мира изучал культуру мусульманских народов и их вклад в общечеловеческую цивилизацию. В те годы не было открытого враждебного отношения к исламу, но в некоторых случаях выражалось явное неприятие всего мусульманского. Никто не занимался систематическим изучением и пропагандой исламской культуры. Никто в обществе, где доминировали христианские ценности, не брал на себя задачу распространения знаний о созданных на протяжении веков уникальных культурных ценностях мусульманских народов и их вкладе в мировую культуру. В таких условиях Мехмет Ага-Оглу не только изучал и пропагандировал исламскую культуру, но и через нее повышал авторитет и влияние Детройтского института изобразительных искусств и соответствующего отделения Мичиганского университета как основного и влиятельного центра.

Как писал один из исследователей его жизни и научной деятельности, «Ага-Оглу не только зародил интерес к исламскому искусству, но и сыграл важную роль в повышении авторитета институтов, занимающихся этой областью».

В своей статье в газете «Art news», озаглавленной «Исламское искусство в Колумбии», Мехмет Ага-Оглу с болью в сердце писал, что не только в США, но и в остальном мире не уделяется должного и достаточного внимания изучению исламского искусства: «*Хотя нельзя сказать, что в современном мире исламское искусство игнорируется, однако оно занимает последние главы мировой истории искусства. Искусствоведческие факультеты большей части колледжей не заинтересованы в изучении этой области, за несколькими исключениями в музеях нет постоянной экспозиции исламских артефактов. В результате пресса по-прежнему считает культуру мусульманских стран менее важной по сравнению с культурой Западной Европы или Восточной Азии*».

Одной из главных целей грандиозной выставки в Сан-Франциско было рассеяние этого заблуждения. По словам Мехмета Ага-Оглу, такие выставки были ценными больше с точки зрения просветительских функций, нежели научной ценности. Как ни странно, такие просветительские кампании всегда воспринимались с симпатией. Нелегко было пропагандировать исламскую культуру в Соединенных Штатах, где была сознательно уничтожена древняя культура коренного населения – американских индейцев и в 1930-1940 гг. официально существовала расовая дискриминация. Мы можем гордиться тем, что наш соотечественник Мехмет Ага-Оглу был одним из пионеров в этом деле и косвенным образом внес свою лепту через культуру в борьбе против расизма и ксенофобии.

Чем занимался ученый в течение десяти лет с 1938 по 1948 годы, когда снова начал работать в качестве эксперта по восточным коврам и организатора выставок в Вашингтонском музее текстиля? В какой области он использовал свой богатый опыт, неиссякаемую энергию, знания и способности? Мы уже упоминали выше, что за это время он выпустил книгу о коллекции Сефевидов в Наджафе, а также опубликовал несколько статей в научных журналах. Однако эти работы по сравнению с основными проблемами, интересовавшими Мехмета Ага-Оглу, носили эпизодический характер.

В некрологе, опубликованном в «Ars İslamica» и посвященном безвременной кончине Ага-Оглу, его коллеги Вайбелин из Детройтского музея изобразительных искусств и Мариус Диманд из музея Метрополитен писали, что после того как ученый покинул университет в 1938 году, он все свои силы и время посвятил изучению исламских произведений искусств (работ по металлу). Он взвалил на свои плечи работу, с которой с трудом справился бы целый научно-исследовательский институт: с большой самоотдачей он начал работу над запланированным двенадцатитомником «Corpus of İslamic Metalwork» («Сборник исламских произведений по металлу»). Это, несомненно, грандиозный и амбициозный проект, требующий длительного времени, интенсивных поисков и, прежде всего, неисчерпаемого желания и энергии.

Мехмет Ага-Оглу планировал изучить историю художественной обработки металла в мусульманском мире за более чем тысячелетний период, с VII по XVIII века, на огромной территории от Индии до Испании.

К сожалению, автор смог завершить только первый том запланированной работы. Рукописи, графики, рисунки, фотографии, карты, эскизы, аннотации, информационные панели (всего семь больших ящиков), собранные из самых разных источников, результаты десятилетних неутомимых поисков ныне хранятся в знаменитом архиве «Freer gallery of Art and Arthur M.Sakler gallery Archives» в Вашингтоне. После смерти Мехмета Ага-Оглу никто не изъявил желания продолжить его исследования.

Впервые о вопросах, которые охватывал каждый из двенадцати томов, их основной сюжетной линии, о масштабах исследования, можно сказать, научной саге о художественной обработке металлов в мусульманских странах автор рассказал в статье «Memorandum of the «Corpus of İslamic Metalwork», опубликованной в 1951 году в журнале «Ars İsamica». В многоплановом исследовании планировалось изучение художественной обработки металлов в тесной связи с другими отраслями декоративного искусства Ближнего Востока в географических, исторических, социальных, экономических, технологических, терминологических, эпических, иконографических, стилистических аспектах. В этих трудах намечалось дать терминологический словарь арабского, персидского и турецкого языков, связанный с историей, характером и технологией металлообработки в исламских странах в средние века. С этой целью автор собрал множество материалов, в основном в виде черновых записей из латинских, греческих, китайских, уйгурских, арабских, персидских и турецких источников.

Все эти источники, сознательно или несознательно, оставались вне внимания европейских ученых, а точнее, евроцентристов, и изучение развития общечеловеческой цивилизации происходило без учета исламской истории и культуры, богатое материальное и духовное наследие мусульманских народов было исключено из общемировой истории. Мехмет Ага-Оглу в своей фундаментальной работе «Corpus of İslamic Metalwork» хотел исправить эту историческую несправедливость.

По его мнению, основной концепцией «Corpus of İslamic Metalwork» являлся переход от общих точек зрения(знаний) к подробным научным исследованиям в конкретных областях. В подготовленном предисловии к первому тому автор писал: «Настало время после почти столетних предварительных исследований подготовить студентов к переходу от общих знаний к конкретному изучению различных специфических областей исламского искусства». Основываясь на принципиальном подходе, ученый решил обратиться к одному из широко распространенных видов многовекового искусства в исламском мире – художественной работе по металлу, подавая тем самым пример и другим исследователям.

Учитывая, что до сих пор в этой области не было научной литературы и серьезных специфических исследований, Мехмет Ага-Оглу решил посвятить первый том, состоящий из двух книг, описанию всех доступных источников. Здесь важное место было уделено доисламским источникам, рассказывающим о металлообработке и изделиях из металла.

Автор намерен был посвятить II-XI тома непосредственно изделиям из металла, сделанным в мусульманских странах в разные периоды в различных географических регионах и во время правления различных династий.

Каждый том должен был представить широкий спектр исторических эссе, библиографий, словарей и иллюстраций – многочисленные фотографии, эстампы и схемы. Согласно хронологической последовательности, тома должны были выйти под следующими названиями: «Работы по металлу в Иране эпохи Сасанидов», «Ранние тюркские изделия из металла», «Ранние мусульманские изделия из металла», «Иранские, анатолийские, трансиорданские и сирийские изделия из металла», «Изделия из металла в Сирии и Египте эпохи Мамлюков и в Йемене в эпоху Расулидов», «Изделия из металла в Золотом Роге» (*Византийская империя* – **В.Г.**), «Изделия из металла в Иране в эпоху правления Эльханидов, Тимуридов и Сефевидов», «Турецкие изделия из металла XIII-XVII веков, «Изделия из металла в странах Магриба, мусульманской Испании и мусульманской Сицилии», «Изделия из металла в мусульманской Индии». К гигантскому проекту были подготовлены написанные мелким почерком на сотнях страниц цитаты, заметки и ссылки из разных источников на разных языках . Некоторые из них были сгруппированы по теме. По масштабу проделанные Ага-Оглу в одиночку работы можно сравнить с деятельностью целой группы ученых или научно-исследовательского института.

Последний, XII том, назывался «Системный каталог работ по металлу во все исторические периоды во всех мусульманских странах». В этом томе предполагалось дать информацию о выдающихся мусульманских ремесленниках, поднявших металлообработку и работу по металлу на уровень декоративного искусства. Что касается предмета исследования, то в центре интереса ученого стояло все: от металлообработки и изготовления тяжелого артиллерийского вооружения до доспехов, от замков до ювелирных изделий, художественное мастерство и оригинальность которых говорили о принадлежности их к мусульманской культуре.

Автор в качестве примеров намерен был привести богатые исламские артефакты, хранящиеся в 63 государственных музеях, 36 личных коллекциях, 12 религиозных институтах в Европе и на Ближнем Востоке, в разных уголках земного шара. З. Симави, чье исследование часто цитировалось здесь, справедливо отмечает, что *«Сборник исламских работ по металлу» представляет собой поразительную амбициозную научную инициативу и с точки зрения стиля, и с исторической и географической точек зрения, а также по широте охватываемых вопросов. Интересно, что до сих пор никто не предпринимал никаких попыток произвести подобное масштабное, систематическое и систематизированное исследование. Если бы работа была завершена, это могло бы стать грандиозным вкладом в изучение исламского искусства»*.

Однако, как ни прискорбно, Мехмет Ага-Оглу не смог завершить эту, самую важную в своем научном творчестве, работу.

О последних двух годах жизни нашего соотечественника мы можем почерпнуть отрывочные сведения из переписки Джорджа Хьюитта Майерса, основателя Вашингтонского Музея текстиля, и Алана Джона Уэйса, профессора Университета им. короля Фарука I в Александрии в Египте. Майерс пригласил его работать в возглавляемый им музей в Вашингтоне в качестве эксперта по коврам и для составления каталогов для выставок. Через десять лет после ухода из университета и музея Мехмет Ага-Оглу принял сделанное предложение и переехал в столицу.

В своем письме от 1 февраля 1948 года он писал Майерсу, что с большой радостью возвращается в мир музея. Первой задачей в Музее текстиля для него стала подготовка каталога богатой коллекции ковров, а в дальнейшем организация выставки ковров с изображением драконов. Автор ценной исследовательской работы по искусству ковроткачества эпохи Сефевидов с большим энтузиазмом взялся за работу.

Выставка «Ковры с изображением драконов» («Dragan carpet group»), организованная на основе экспонатов публичных и частных коллекций США, состоялась в Вашингтоне 18 октября 1948 года и имела большой успех. Это было возвращением Мехмета Ага-Оглу к музейной работе после одиннадцатилетнего перерыва, притом триумфальным возвращением! Другим примечательным аспектом является то, что это была первая специфическая выставка ковров, организованная ученым-музееведом в частном порядке. Более того, ему было поручено подготовить обширный каталог с комментариями к выставке.

По соглашению, достигнутому с Джорджем Майерсом, работа ученого в Вашингтонском Музее текстиля была временной и носила испытательный характер. После успешной организации первой выставки на него была возложена работа по составлению каталогов экспонатов музея. Проведение выставки в данном случае не было обязательным условием. Готовые каталоги можно было бы использовать и в будущем. Это была серьезная и ответственная работа. Профессионально подготовленный каталог – визитная карточка музея и залог его будущего успеха.

Вторая половина 1940 годов была особым периодом для Америки. После победы, одержанной в войне, в стране было много планов на будущее. Америка постепенно превращалась в сверхдержаву не только в экономическом, военном или политическом аспектах. Наука и культура также занимали ведущее место в жизни страны. В этих условиях Мехмет Ага-Оглу имел все возможности оказывать большое влияние в своей области. Но безвременная смерть разрушила его большие творческие планы и не позволила реализовать их.

В начале 1949 года ученый получил предложение от профессора Алана Джона Уэйса, начальника отдела изобразительных искусств Университета им.короля Фарука I в Александрии (Египет). Его пригласили прочитать курс лекций по исламскому искусству и археологии в следующем учебном году. Мехмет Ага-Оглу, еще не знавший о своей страшной тяжелой болезни – раке, – с благодарностью принял это предложение. После двадцати лет жизни в Америке Восток, исламский мир притягивали его как магнит. Он хотел сменить образ жизни, хотел быть ближе к Востоку, к своим истокам. Поэтому он старался до лета завершить каталог «Ковры с изображением драконов», который обещал своему другу и коллеге Майерсу, и уехать в Александрию, где в центре античной культуры для него открывались широкие возможности для проведения исследований.

Мехмет Ага-Оглу ушел из жизни 4 июля 1949 года, за месяц до своего 54-летия, не выполнив большую часть своих планов. Главную работу своей жизни – многотомное издание «Сборник мусульманских работ по металлу», над которым он работал более десяти лет, – также завершить не удалось.

Но богатая научная деятельность, проведенные им исследования подняли нашего соотечественника в далекой Америке на вершину славы, и он навсегда вписал свое имя в историю мировой науки. В Соединенных Штатах профессор Мехмет Ага-Оглу считается пионером в изучении и исследовании исламского искусства как на теоретико-академическом уровне, так и в прикладно-музейной области.

Профессор Адель Коулин Вейбель (1880-1963), принявшая эстафету от Мехмета Ага-Оглу в Детройтском музее изобразительных искусств, опубликовала в журнале «Ars İslamic» трогательный некролог. В этом некрологе профессор описала азербайджанского ученого как личность, «перед очарованием человеческих качеств и научными заниями которого устоять было невозможно». Подготовка первой библиографии работ Мехмета Ага-Оглу, опубликованных на страницах научных журналов в разных странах мира, также является заслугой профессора Вейбель. Библиография включает в себя две книги, три выставочных каталога и 44 научные статьи. Все статьи были посвящены выдающимся событиям и личностям в искусстве и культуре исламского мира, включая Азербайджан.

Хотелось бы привлечь внимание к еще одному любопытному факту: Вейбель среди произведений Мехмета Ага-Оглу называет и «Историю турецкого искусства», вышедшую на турецком языке в 1928 году в Стамбуле. Действительно ли существует такая книга? Сам Мехмет Ага-Оглу никогда не говорил о том, что был автором работы на его втором родном – турецком языке. Известный специалист в области турецкой археологии Скотт Редфорд в опубликованном в 2004 году исследовании «İslamic Archaelogy in the Early Years of the Turkişh Republic» («Исламская археология в раннем периоде Турецкой Республики») внес некоторую ясность в этот запутанный вопрос, предположив, что проект такой книги действительно существовал и некоторые его части в виде самостоятельных статей публиковались во второй половине 1920-х годов, однако автор не довел эту работу до уровня монографического исследования.

Наверное, каждого, кто знакомится с краткой биографией Мехмета Ага-Оглу, прежде всего интересуют его связи с исторической родиной, друзья, близкие и родные ученого, а также взаимоотношения с коллегами из Турции и эмигрантскими кругами из Азербайджана. Несомненно, для Мехмета Ага-Оглу была важна его национальная идентичность, и до конца своей жизни он не отказывался от нее. То есть всегда называл себя «тюрком из Иревана». Правда, трудно говорить о его активном участии в политической борьбе азербайджанской эмиграции за независимость Азербайджана. Но в то же время было бы неверно констатировать, что он полностью отошел от борьбы, от национальных интересов. Например, существуют факты об активном участии молодого Мехмета Ага-Оглу в работе турецко-азербайджанского союза молодежи при иностранном Бюро партии «Мусават» во второй половине 1920-х годов. Поддерживал ли он связь с бывшими соратниками – политическими и государственными деятелями Азербайджанской Демократической Республики после переезда в Америку? Интересовался ли жизнью оставленной вдалеке родины? Переписывался ли с родственниками из Баку? Был ли в курсе событий, происходящих в Азербайджане? Разумеется, на все эти вопросы можно ответить только после досконального изучения личного архива Мехмета Ага-Оглу, а прежде всего его эпистолярного наследия, хранящегося в Вашингтонгской «Freer galleri of Art» и ожидающего своего исследователя.

* * *

Трудно представить, чтобы в 30-х годах прошлого века численность азербайджанцев, проживавших в далекой Америке, была значительной. Еще труднее представить, чтобы кто-то из наших соотечественников достиг таких высот, каких достиг Мехмет Ага-Оглу, стал профессором университета, заслужил славу в мировой науке. Но как бы странно это ни звучало, в это же самое время в США, в Мичиганском университете работал еще один наш соотечественник, вернее соотечественница, которая была не менее знаменитой, чем Мехмет Ага-Оглу. Она тоже была признанным специалистом в области искусства, по керамике Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Большую часть своей жизни она прошла рядом с Мехметом Ага-Оглу. Самое интересное, что и ее фамилия была Ага-Оглу.

Речь идет о выдающемся ученом-искусствоведе, первой жене Мехмет-бека, азербайджанке, профессоре Гамер Ага-Оглу (1903-1984).

Разговор о Гамер-ханым, нашей выдающейся соотечественнице, о которой до сих пор не знают на ее родине, но известной в США как первая женщина-профессор, искусствовед и музейный хранитель, надлежит начать издалека.

Выше я говорил, что в Музее Независимости и в Комиссии по сбору документов и материалов по колониальной политике России в Азербайджане Мехмет Ага-Оглу работал вместе с начальником правового отдела Парламента АДР, общественным деятелем, поэтом, ярким представителем национальной интеллигенции, большим патриотом своей Родины Гусейн-беком Мирзаджамаловым (1878-1974). Несмотря на разницу в возрасте, общая заинтересованность и цели сблизили их, между ними возникли дружеские отношения. Через некоторое время эта искренняя дружба переросла и в родственные отношения. После оккупации Азербайджана большевиками Гусейн-бек покинул родину. Как и сотни эмигрировавших, он нашел прибежище в Турции. И приехал он туда не один. С ним приехала его сестра Хейранса с четырьмя дочерьми и сыном. Муж Хейрансы Талыбхан-бек Талыбханбеков (1859-1920), будучи представителем династии гарабахских ханов, и во времена царской России, и в период независимой Азербайджанской Республики служил приставом и начальником уезда в различных регионах страны. Поэтому он был в числе первых, кого большевики брали на прицел.

Гусейн-бек Мирзаджамалов, известный в Турции как Гусейн Джамал Янар, и называемый представителями первой волны эмиграции любовно «Азери дайы» (т.е. «дядя из Азербайджана»), сыграл важную роль в воспитании своих племянников. Так как у него не было своей семьи и детей, он сосредоточил все свое внимание и заботу на своих младших родственниках. Он сделал все, чтобы они получили хорошее образование и нашли свое место в жизни. К счастью, труды его не пропали даром. Три его племянницы, Сурейя, Гамер и Дильшад, вписали свои имена в историю науки и культуры.

Старшая из девушек – Сурейя Талыбханбейли (1899-1974) – окончила факультет языка и литературы Стамбульского университета. Она вышла замуж за политического эмигранта Мустафу Векилова (1896-1965), занимавшего пост министра внутренних дел в последнем – пятом – правительстве АДР. (Об этом говорилось в следственном деле Мединых-ханым Гиясбейли-Векиловой, в 1937 году арестованной и расстрелянной как член партии «Мусават». Медина-ханым была двоюродной сестрой М.Векилова и до 1930 года поддерживала с ним связь). Затем они развелись. После окончания университета Сурейя-ханым, до конца жизни сохранившая свою девичью фамилию, решила посвятить себя науке и стала заниматься вопросами сравнительной диалектологии (сравнивала гарабахский диалект родного азербайджанского языка со стамбульским диалектом анатолийского турецкого языка). На увлечение языкознанием, особенно диалектологией, скорее всего оказали влияние и рекомендации ее соотечественника доцента Стамбульского университета, выдающегося тюрколога Ахмеда Джафароглу. В 1930-х годах она активно сотрудничала с журналом «Azərbaycan Yurd Bilgisi», издателем и редактором которого был Ахмед-бек. В четырех номерах журнала (1933, № 1, с.23-31, № 2, стр. 65-71, № 3, стр.212-219, № 4, стр. 273-277) Сурейя Талыбханбейли опубликовала цикл статей «Сравнение гарабахского и стамбульского диалектов с точки зрения грамматики». Статьи написаны на основе магистерской диссертации, которую она готовила после окончания университета. Перу Сурейи Талыбханбейли принадлежат также несколько исследований по фольклору.

Известный исследователь профессор Адалет Таирзаде пишет, что Сурейя-ханым вышла замуж за азербайджанца, профессора-физика Мохаммеда Гарабаглы и переехала в Америку, где и прожила до конца своей жизни («Azərbaycan müəllimi», 30 марта 2012 года). Однако воспоминания современников и биографические документы свидетельствуют о том, что Сурейя-ханым после развода вторично вышла замуж за анатолийского

турка Бекира Одоглу. В этом браке у них родились дети Беррин, Мурад, Джан, Тарик. Сурейя-ханым, уже под фамилией Одоглу, всю свою жизнь прожила в Стамбуле и работала педагогом турецого языка и литературы в стамбульских лицеях. Следует отметить, что Адалет Таирзаде в своих исследованиях перепутал историю жизни Сурейи-ханым с судьбой ее сестры Гамер-ханым, речь о которой пойдет ниже.

О второй сестре – профессоре, одном из первых специалистов в области ядерной физики в Турции, Дильшад Талыбхан Эльбрус (1915-1979), в азербайджанской прессе опубликовано несколько статей примерно одинакового содержания. Поэтому не вижу необходимости повторяться. Хотелось бы только добавить, что Дильшад-ханым отличалась особой преданностью идеалам АДР, учась и в женском лицее, и в годы студенчества в университете, активно участвовала в многочисленных мероприятиях, проводимых азербайджанскими политическими эмигрантами, в которых принимал участие также и М.Э. Расулзаде. На протяжении десятилетий она хранила в памяти отдельные образцы литературных произведений, созданных в период АДР, в частности патриотические стихотворения двоюродной сестры М.Э.Расулзаде, супруги Гусейна Садыга (Садыгзаде) Уммигюльсум Расулзаде.

А прожившая далеко от Азербайджана и Турции и вышедшая замуж за профессора была средняя сестра Гамер-ханым Талыбханбейли (Ага-Оглу). Гамер-ханым родилась в Шуше 15 октября 1903 года. Информация о годах ее жизни в Азербайджане скудна. Можно лишь с уверенностью сказать, что среднее образование она получила в Баку в женской гимназии.

Скорее всего, она встретилась с Мехметом Ага-Оглу, который в то время еще был известен как Мохаммед Агаев, в Баку, а через некоторое время в годы эмиграции в Турции они поженились. И можно предполагать, что она уже в 1922 году вместе с мужем отправилась в Западную Европу для обучения в Германии и Австрии. В университетах Берлина, Йены и Вены она прослушала курс известных специалистов по восточному искусству и изучила иностранные языки. Их единственная дочь Гюльтекин Ага-Оглу родилась в Германии в 1923 году.

Защитив в 1927 году в Стамбульском университете магистерскую диссертацию по истории Востока, Гамер-ханым начала работать в музее Топкапы. Два года спустя она со своим мужем Мехметом Ага-Оглу, который принял предложение на работу в Детройтском институте изобразительных искусств, переехала в Америку.

Интересно, что, несмотря на быструю адаптацию к американскому образу жизни, чета Ага-Оглу никогда не забывала своей национальной идентичности. Напротив, своими научными трудами и повседневной жизнью они старались еще больше подчеркнуть свою национальную принадлежность.

Квартира семейной пары Ага-Оглу в Мичигане была местом, где регулярно собиралась еще небольшая в 1930-х годах в Соединенных Штатах турецкая община и студенческая молодежь. В связи с этим привлекают внимание письма будущего лидера Турецкой рабочей партии Бехидже Боран (1910-1987), которая в то время изучала социологию в Мичиганском университете. Как становится ясно из писем, она была вхожа в дом Ага-Оглу и в период студенчества поддерживала с ними тесные связи.

Следующие строки из писем дают понять, что дом Ага-Оглу, возможно, один из немногочисленных домов в Мичигане, в которых проживает тюркская семья, имел тюркский дух, тюркскую ауру, а также атмосферу искренности и доброты и поэтому быстро превратился в культурный и духовный очаг для своих соплеменников.

«...А еще тут живет Мехмет Ага-Оглу-бек. Сейчас он уехал в Иран. В следующем месяце должен вернуться. Его жена и дочь десяти-двенадцати лет находятся здесь. На днях мы посетили его жену. Очень приятная, доброжелательная и умная женщина» (*Из письма Бехидже Боран своей сестре Нафисе Урал от 16 ноября 1934г.*)

«Пока здесь находился Рагиб Нуреддин-бек, мы посетили Мехмета Ага-Оглу, который преподает историю исламского искусства. Рагиб-бек сел за фортепиано и сыграл «Новый Туран». Он играл, а я пела. Вспомнили старые времена. У Мехмет-бека много пластинок alaturka (*в турецком стиле* – **В.Г**.). Проигрываем их на граммофоне, думаем и мечтаем о родине» (*Из письма сестре от 19 мая 1935г.*); или: «Жена Мехмета Ага-Оглу-бека Гамер-ханым в следующем месяце тоже едет в Стамбул. Послезавтра (в пятницу) она пригласила всех турецких студентов на чай» (*Из письма матери 22 октября 1936г.*).

Почти в каждом письме Бехидже Боран упоминается имена четы Ага-Оглу, говорится об их доброте, о любви к Турции и туркам.

В 1937-1938 годах Гамер Ага-Оглу закончила в Мичиганском университете курс postgraduate – в современном понятии аспирантуру – и получила степень доктора наук по истории искусства Востока. Затем по приглашению Музея антропологии при университете работала ассистентом, вела научно-исследовательскую работу. Последующие годы ее жизни были тесно связаны с этим музеем и Мичиганским университетом, где она прошла все этапы своей научной карьеры.

В годы второй мировой войны она была отозвана из музея и привлечена к образовательной программе армии США. Накануне открытия второго фронта она давала уроки русского языка американским офицерам.

Сразу после окончания войны – в 1945 году – Гамер Ага-Оглу вновь вернулась в университет и продолжила работу ассистента-хранителя Восточного отделения (Азиатская коллекция) Антропологического музея. В 1951 году стала помощником хранителя, в 1956-1974 годах – хранителем. Кстати, до недавнего времени Гамер Ага-Оглу была единственной женщиной-хранителем в истории музейного дела США.

Дополнительная информация о биографии и научной карьере Гамер-ханым такова: в 1949-1962 годах она была преподавателем факультета антропологии Мичиганского университета, с 1962 года работала на том же факультете, а с 1964 года – и на кафедре Истории искусств. Последние десять лет – до 1974 года, до выхода в пенсию – она была профессором истории искусства.

Гамер-ханым – международно признанный авторитетный исследователь и эксперт по керамике Юго-Восточной Азии. В 1944-1974 годах она проводила исследовательскую работу, изучая экспонаты в музеях Северной Америки, Европы и Азии. Является автором книг «The William collection of East Asian ceramics», «The William collection of Far Eastern ceramics. Tonnancour section», «Ying Ch`ing porselen found in Filippin», «Ming blu and white jars in the University of Micigan collection», ряда статей и выставочных каталогов, которые по мнению специалистов являются значимым вкладом в изучение искусства Азии и Дальнего Востока. Она была участницей многих международных конференций по культуре керамики, во многих случаях выступала в качестве докладчика или модератора. При участии и организации Гамер-ханым проходили многочисленные выставки восточного искусства в кампусе Мичиганского университета (Анн-Арбор) и в местном Музее истории природы.

Гамер Ага-Оглу как археолог не участвовала в полевых экспедициях и раскопках. Тем не менее, не было второго такого специалиста по изучению и художественной классификации обнаруженных в археологических экспедициях в Юго-Восточной Азии предметов и изделий, и в первую очередь керамики, на уровне профессора Гамер Ага-Оглу.

Карло Синополи, профессор Мичиганского университета, который много лет работал плечом к плечу под руководством с нашей соотечественницей, писал о своей коллеге: «Я всегда удивлялся способности Гамер видеть на несколько шагов вперед. В умении увидеть, понять и оценить все тонкости азиатской керамики, безусловно, она опередила свое время. Ее научные труды до сих пор сохраняют дух времени, в котором они созданы. Многие места в ее рукописях в нашей коллекции дают возможность нам видеть будущее, и нам, естественно, следует продолжать учиться у нее».

Прошедшие десятилетия не стерли имя такого общепризнанного специалиста, как Гамер Ага-Оглу, из памяти американских экспертов, специализирующихся на азиатском искусстве. Спустя 33 года после ее смерти, в июне 2017 года, Карло Синополи, назначенный хранителем в Музей Азии при Мичиганском университете, сказал: «Я горжусь тем, что буду работать на должности, на которой когда-то трудилась Гамер Ога-Оглу, необыкновенный ученый, специалист в азиатской керамике».

Мехмет и Гамер Ага-Оглу были выдающимися учеными в своих областях, но формулу счастья в повседневной жизни они не нашли. Эта, возможно, единственная в Соединенных Штатах интеллигентная азербайджанская семья, к концу второй мировой войны распалась. Начиная с этого времени в документах Мехмета Ага-Оглу в графе «супруга» значилась не Гамер-ханым, а Дороти Пейс Ага-Оглу (1910-1963). Именно Дороти после смерти мужа передала его архив в галерею «Freer gallery». Чтобы устранить недочеты, которые могли возникнуть в материалах, Гамер-ханым в 1959 году также передала все оставшиеся у нее документы и рукописи Ага-Оглу в «Freer gallery».

Более 30 лет проработав в Мичиганском университете, профессор Гамер Ага-Оглу в 1974 году вышла на пенсию. Однако до самой своей смерти в августе 1984 года она поддерживала связь с учеными-коллегами антропологами. Университет и руководство находящегося в его ведении музея время от времени обращались к опыту и знаниям известного профессора и приглашали ее в качестве консультанта. Богатая научная библиотека и все архивы согласно ее завещанию в 1985 году были переданы ее дочерью Гюльтекин А.Лудден на факультет антропологии Мичиганского университета. Несомненно, знакомство с документами и материалами этого архива могло бы помочь найти ответы на ряд вопросов о жизни и научном творчестве Гамер-ханым и семьи Ага-Оглу.

Их дочь, Гюльтекин Ага-Оглу, которую семья и друзья называли ласково Гилли/Гюллю, пошла по стопам родителей и выбрала себе профессию искусствоведа. Она стала известным экспертом по монументальным памятникам. Гюльтекин вышла замуж за профессора, заведующего кафедрой истории искусств университета штата Огайо Франклина Луддена (1921-2001). Задав поиск через Интернет, я узнал, что 95-летняя Гюльтекин Лудден сейчас живет в городе Колумбусе штата Огайо. Несмотря на то, что я несколько раз звонил ей по телефону, на номер, взятый из знаменитого американского сайта в whitepages.com, трубку никто не взял. Я направил письмо в наше посольство в Вашингтоне с просьбой разыскать последнего представителя азербайджанской семьи, оставившей яркий след в изучении в США истории искусства мусульманского Востока.

Увы! Ответа не последовало и скорее всего не будет.

Возможно, Гюльтекин Лудден, родившаяся в Германии и всю свою сознательную жизнь прожившая в Америке, никогда не слышала об АДР.

Однако ее родители, приехавшие из Азербайджана и «завоевавшие» Америку, раскрывшие миру интеллектуальный потенциал и творческое воображение нашего народа, оставившие заметный след в мире науки, несомненно, должны считаться представителями культурного и научного наследия именно Азербайджанской Демократической Республики...

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

(Грузия)

Владимир САРИШВИЛИ – поэт, переводчик, драматург, кандидат филологических наук, сонетолог, лауреат различных международных литературных конкурсов и фестивалей, член Союза переводчиков стран СНГ и Балтии – его «голосом» сегодня звучит большинство грузиноязычных поэтов. Заслуженный журналист Грузии, с прошлого года – руководитель Международного отдела Союза писателей Грузии, координатор «Всегрузинского Общества Руставели», обладатель титула «Посланник грузинской культуры».

Его стихи отмечены подлинным профессионализмом, высокой языковой культурой, а главное – той щемящей интонацией, без которой поэзия мертва, несмотря на все совершенство внешних форм. Эту интонацию невозможно сконструировать, ей невозможно обучиться – она рождается из горечи и света прожитого и пережитого, драматических изломов судьбы, высшего просветленного зрения, открывающегося взгляду на «Крестовом перевале» наших лет… В свое время пронзительная «Молитва зародыша» Владимира Саришвили по личному распоряжению патриарха Грузии была вывешена в ряде роддомов и больниц Тбилиси – и если ее строки сумели спасти хотя бы одну женскую или детскую душу, можно смело утверждать, что поэт уже выполнил свою миссию на этой Земле…

Утро буднего дня

В отливе сон. В утробе городской,
Кофейники поставив на конфорки,
Зевают йеху[1]… Бросив веник свой,
Уборщица со сторожем в каморке
Интим-фастфудом угостились всласть.
Чиновникам сорочки гладят жены –
И вот уж, ранним солнцем обожжённы,
Идут они чинить да править власть.

И мы с тобой, вовлечены в отлив,
Ступаем на гудящий эскалатор…
Вагоны плотью бренною набив
И взгляды под землей остекленив,
Спешит, спешит голодный люд куда-то.
Ты смотришь на часы. Я молчалив.

Свадьба в «Лексусе»

Может, гном принес в лукошке счастье девочке в фате,
Вот, на глянцевой обложке, – поздравления чете
Новобрачных из «бомонда», как писаки говорят,
И ликует целый Лондон… Боже, боже, что творят!..

[1] *Йеху (от английского Yahoo) — вымышленные отвратительные человекоподобные существа, описанные в IV части «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта.*

Ведь когда-то и окрошке рада девочка была,
А теперь вот на обложке – и чудные же дела...
Позабыты ложки, плошки, счастьем светится лицо,
Блещет лучиком в окошке обручальное кольцо.

За кулисами времени

Мы, дети оперных певиц,
Взросли из пыли закулисной,
Со мной здоровались артисты
С улыбкой в темпе вспышки блиц.

Кинжал Алеко мне вручал,
Чтоб сбегать в паузе (прижало).
Моя рука кинжал держала,
Я каменел, дрожал, молчал.

Когда ж, исполненный идей,
Сам Главный предложил детей
Занять в «Онегине» хористкам,
Чтоб ларинский украсить бал –
Запрыгал я и заплясал
И, помнится, затряс монистом.

Вот занавес. И первых нот
Тревожно-вкрадчивая поступь,
А Беллочку мою трясет,
Еще чуть-чуть – и упадет...
Артистом быть не так-то просто!..

Но вальса ритм ворвался в зал,
И кровь свободою вскипела,
Вспорхнула Белла, полетела,
И я за ней не поспевал.

Но где ты, Беллочка, теперь,
И кто тебя по жизни кружит?
С кем спишь?.. Кому готовишь ужин?..
И помнишь ли в гримерку дверь?

Там, не таясь от малышей,
Застежками скрепляя лифы,
Ликером баловались фифы
На складчину своих грошей.

Но все имеет свой конец,
И дружбы старенькиx сопрано
Все тоньше, тоньше было piano,
Как бег и память их сердец.

Старинный разорвался круг,
И больше нет на свете мамы,
И голоса ее подруг
Уж не слышны во тьме мембраны.

Трактир «Старое время»

Вечернее солнце бархоткою гладит затылок,
В трактире приморском задорное звяканье вилок...
Твой локон каштановый – помнишь? – метался и прядал...
И были мы рядом...

О, старое время в трактире у моря, и нарды,
И падали с лошади пьяные пермские барды.
И рыба на ùглях пленяла своим ароматом...
И были мы рядом...

Я пиво, как грек Демокрит, смаковал, наблюдая:
Вот пена искрится, на солнце шипит и, сдувая
Навершие белое, каждый разглядывал атом,
И были мы рядом...

Потом, уже зà полночь, папа твой ждал на балконе
И бросил в меня с георгином горшок – так на склоне
Прожитого века пытался он выпятить личность.
Конфуз, неприличность...

О, старое время у Черного моря, фонтаны,
Цветные огни, моционы, качки, бонвиваны...
Твой локон каштановый бился под ветром соленым,
И был я влюбленным...

* * *

На чèмбало[1], на чèмбало сыграйте мне Люлли[2],
Ну чем была – ничем была дорога без любви.
На ней – одни каракули, на ней одни нули,
На чèмбало-кораблике сыграйте мне Люлли.

Зачем же ты, чего же ты запнулся, замолчал?..
Еще так мало прожито, а виден уж причал...
Чего же ты, зачем же ты –
на чèмбало сыграй...
Но стынет он, отверженный, потерянный, как рай.

* * *

Белая ночь раскрошилась, как мел.
Вечность ослепла, и я онемел.
Вечность искала дрожащей клюкой
Дверь, за которой помогут слепой.
Я онемел. И молил Небеса –
Дать ей глаза.

[1] *Чембало (с итальянского) – одно из названий клавесина.*
[2] *Жан-Батист Люлли — французский композитор, скрипач, дирижер эпохи барокко. По происхождению итальянец, вошел в историю музыки как создатель французской национальной оперы.*

* * *

Ты видишь трещинку в хрустальном глобусе?
Я помню женщину с тоскою в голосе.
На этой трещинке, на старой лесенке,
Она нездешние певала песенки.
И грозди черные срывала с лоз она,
Дитя баюкала, в приметы веруя.
Она придумала проклятье ворону –
«Да превратится он в голубку белую!»
Она ждала его, давно ушедшего,
В иной обители любовь нашедшего,
Она ждала его, дитя баюкала,
В приметы верила, приметы путала.

Репортаж из Тбилиси-1992

Толпа сужается в хвосте и, прилепившись, как пиявка, к окошку хлебному, с прилавка сосет буханки. На кресте распятый раб стонал, наверно, как этот старец, весь в парше, которого погнал взашей владелец угловой таверны, приюта местных алкашей. Палят гвардейцы, отгоняя толпу голодных от ворот; меж тем трактирщик хлеб сует в мешок, и прочь, свинья такая. Хлоп – выстрел. Карапузы – в слезы. В толпе бессильные угрозы; Идет старушка на стволы, хватает их, себя не помня. А голубок – курлы, курлы... Он сиз. Он – ничего не понял. Рывок – в бою добытый хлеб. Еще рывок - и я свободен. Домой – в сухой и шумный склеп, к семье, я нынче ей угоден. А там – бузи да сквернословь, на прозябанье обреченный. О, этот хлеб непропеченный, о, эта нищая любовь!..

Южная ночь

Уходит солнце на закат писать либретто южной ночи,
И вот становится за пульт плешивый месяц-дирижер.
Цветут акации вовсю, и, как приклеенные скотчем,
Гуляют пары до-минор, гуляют пары фа-мажор.

Я еду с ярмарки – купил всего, на что хватило денег,
Всего, на что хватило мне полушек стертых, медяков.
Искусство трудное – стареть; отмёл свое упругий веник,
И вот пылится он в углу, среди таких же стариков.

Воспоминания шуршат, бульвар фонтанит и гогочет,
Гуляют пары до-минор, гуляют пары фа-мажор,
Уходит солнце на закат – писать либретто южной ночи,
Во фраке желтом встал за пульт спесивый месяц-дирижер.

***

Где шуршит волнами старый Понт,
Чавкая и слизывая камни,
Дождь меня загнал под черный зонт...
Осень и приятна, и легка мне.

Шлепаю по пляжу в сапогах,
Подбираю мелкие монетки.
Мой приют красив, как саркофаг,
Гости неназойливы и редки...

Размягчились сгустки острых игл
Там, в провалах нервных переплетов,
Я избавлен от змеиных игр
В городах пронырливых уродов.

Это было будто на другой,
Устланной колючками, планете,
Вижу там себя, как на портрете,
Грязной перечеркнутом дугой.

Здесь же – заштрихованный дождем
Вид на море с луковки-балкона.
Над гитарой на стене икона.
Я – и зонтик черный. Мы вдвоем.

Письма Иисусу

1

Неоднократно проклятый и битый,
Провозглашаю истину – не ложь:
Чем легче забываешь ты обиды,
Тем дольше ты на свете проживешь.

Но память, неизменная покуда,
Вергилий мой, зовет на путь иной:
Я ничего вовеки не забуду,
Но все прощу, как велено Тобой.

2

Слеза, чем горше ты и солоней,
Тем Господу любезнее, наверно...
Как заливался утром соловей,
Когда я плакал после ночи скверной.

Я каялся, прощая всех и вся,
Но не себя, погрязшего в гордыне,
И хмурились, золу и грязь меся,
Мои надежды и мои святыни.

Я, в ожиданьи милости Твоей,
Готовым был на муки и на битву...
Но рядом славил утро соловей,
И слышал Ты одну его молитву.

Молитва зародыша

Оставь меня, горошинку, в тепле,
Взрасти, взлелей меня в уюте лона.
Мне страшно возвращаться в мир теней,
Блуждающих безвольно и бессонно.

Спаси меня, не трогай эту дверь...
Железный крюк, оскалившись, как зверь,
Мой слабый корень вырвет из укрытья...
Еще не поздно повернуть событья –
Я твой залог бессмертия, поверь.

Дай улыбнуться Ангелу в ночи,
Причмокивая, молока напиться.
Даруй и мне от Вечности ключи.
Беги!.. Беги!.. Я так хочу родиться!..

Беги! Беги! Не бойся нищеты,
Ведь за добро сторицей воздается.
Неужто в целом мире Красоты
Мне и кусочка хлеба не найдется?..

И солнышка весенние лучи –
Одной тебе, а мне пути закрыты...
Стой!.. Эту дверь не трогай, не входи ты,
Даруй и мне от Вечности ключи...

Занимательный синтаксис

От бездарных управлений, от случайных примыканий
Образуются одни лишь только знаки пререканий.
Предложения, однако –
восклицательные даже –
Принимают к рассмотренью лишь путем согласований.

Посткриптум

На рассвете жемчужна дорога,
Горизонт будто ластится к нам.
Все мы – лодочки Господа Бога,
Все плывем по морям-по волнам...

Перед самым Новым годом, 30 декабря 2017 года, в Баку пришла скорбная весть: в Сан-Франциско на 89-м году жизни скончался выдающийся азербайджанский и советский пианист, народный артист Азербайджана, профессор, кавалер ордена «Шохрет» Чингиз Садыхов. Блистательный музыкант, легенда национального музыкального искусства, последние два десятка лет он жил в США, где получил вид на жительство как «выдающаяся личность», много гастролировал и выпустил два диска – на одном записал свое исполнение американской музыки из репертуара Эллы Фицджеральд и Фрэнка Синатры, на другом – произведения азербайджанских композиторов. Но никогда своей связи с Азербайджаном не прерывал – даже похоронить себя завещал в родном Баку. Желание выдающегося музыканта выполнено: по указанию президента страны Ильхама Алиева он был предан земле в Аллее почетного захоронения. «Литературный Азербайджан», отдавая дань светлой памяти Чингиза Садыхова, публикует два материала, посвященные ему, – рецензию на незабываемый филармонический концерт, состоявшийся во время последнего приезда маэстро на родину, и беседу с ним.

НАТАВАН ФАИГ

Король вненотного репертуара

Выдающийся пианист, народный артист Азербайджана, профессор Чингиз Садыхов сегодня проживает в Сан-Франциско. Причем, по странному стечению обстоятельств – все на свете имеет свою внутреннюю логику! – на улице Тюркской. Как отметила ведущая концерта, музыковед, профессор Аида Гусейнова, «под его пальцами фортепиано заговорило по-азербайджански».

Волна постсоветской неразберихи унесла его за океан. И, тем не менее, и там он чувствует себя посланником своей страны, с ее фантастическим духовным потенциалом – там, вдали, это чувствуешь острее – и древнейшими культурными традициями.

Все это время он не сидел без дела, по приглашению Индианского университета выступал с концертами, сольными и сопроводительными – аккомпанировал хору этого университета, исполнявшему азербайджанские народные песни, давал мастер-классы. Газеты писали о «непревзойденном Маэстро Садыхове», в Америке он выпустил 4 диска, а Общество азербайджанцев штата Калифорнии отметило его почетным дипломом …

Песня – визитная карточка времени, с этим не поспоришь. Песнями эпоха помнится. И так было всегда. Он играл, и под его говорящими пальцами оживала эпоха – та самая, которую мы так дружно и охотно хулим. Подумалось – да как она могла быть «не той», если там жили Рашид и Шовкет, Узеир и Рубаба? Благородная романсовость «Üzüyümün qaşı firuzədəndir», волнующий трепет «Sən mənimsən, mən sənin», шаловливый задор «Nəlbəki», лирическая бездна «Küçələrə su səpmişəm» и амировской «Mən səni araram» – этой мини-драмы вселенского масштаба – чарующие мелодии из-под его пальцев жем-

чужным потоком лились в зал, а мы плескались в этом ностальгическом восторге, не веря ушам своим… Чингиз возвращал нам лучшие песенные времена, а мы верили, что они вернулись – и как не поверить: вот же он – играет, а мы хлопаем. Заговорило, нет, запело время, откуда все мы родом.

Он не вставал и не кланялся между «номерами», а лишь хитро улыбался краешком глаз: «Это еще что – то ли еще будет!» Он играл без пауз, словно взахлеб, играл жадно, и, казалось, ничто на свете не в силах утолить эту его жажду. Понятно, соскучился. А нам хотелось лишь одного, чтобы вечер этот не кончался…

Песни сменяли одна другую с калейдоскопической быстротой, вызывая чувства и мысли. Невеселые подчас. В наши дни мало кто из композиторов-песенников ходит со своим лицом, и то, что нам иной раз выдается под флагом «азербайджанской песни», зачастую не что иное, как субститут чего-то с чем-то, не имеющего внятного обозначения. Становится бесконечно обидно за безжалостно разрушенные традиции. Сама профессия песенного творца сегодня порядком дискредитирована – все мы об этом хорошо знаем и много говорим. Но степень этой дискредитации вскрылась на концерте Чингиза Садыхова!

Он уехал отсюда до варварского нашествия на эстраду, прихватив то сокровенное, чему посвятил жизнь, – азербайджанскую песню. Уехал, прихватив с собой этот ларчик, не дав его замарать, словно законсервировал. И сейчас с видом доброго волшебника щедро одаривал нас из своего чудодейственного сундучка, посылая подарок за подарком, с лукавинкой, по-садыховски улыбаясь. Он действительно напоминал доброго волшебника: «А как вам это… а это… а вот то…», выдавал взрывы гениальной фантазии – один за другим. Зрители же, не успев насладиться одной чудо-мелодией, буквально захлебывались в водовороте следующей. Он все одаривал нас ими – горстями бросал в зал, как цветы, то, по чему мы, оказывается, так истосковались. Происходящее все больше походило на сеанс очищения, духовного расшлаковывания – после того мутного потока, которым нас столь щедро потчует ТВ. Канализационный люк был перекрыт, и вновь журчал родник.

«Qubanın ağ alması», «Laçın», «Sari gəlin» – последняя вызвала одобрительную, нет, прямо-таки патриотическую бурю аплодисментов! После этого сомневаться в принадлежности песни кому-то еще мог только злонамеренный недруг – ну, вовек им не исполнить эту песню так, как это сделал Чингиз Садыхов! Песни золотились в его изумительных руках, навевая то грусть, то шутливую игривость, то бравость. В какой-то момент мне показалось, что все мы находимся на игре «Угадай мелодию», и то, что авторство песен не объявлялось (в этом просто не было надобности), усиливало это ощущение. Он со сцены подкидывал загадку в зал, а отгадка не заставляла себя долго ждать – мы угадывали мелодии уже с первой ноты, а иной раз – и с полузвука… И второй ноты уже и не требовалось.

А сеанс мелотерапии продолжался. Я не оговорилась, они, эти песни, действительно обладают счастливой способностью исцелять, как и западать в душу с первого звучания. Удивительно искристая, «вкусная» музыка – недаром ведь азербайджанская музыка завоевала в свое время пространство бывшего СССР, занимая в нем ведущие песенные позиции. И это – было! Не без зависти представляла, как все это слушают американцы. Мысль о том, что вот, он скоро уедет и будет там вот так вот ублажать слух заморских меломанов, – уложив «солнышко» в ларчик, оставив нас один на один с ненавистной попсой… Мысль эту отогнать становилось трудней с каждой новой песней.

А потом были дуэты – с заслуженными артистами Азербайджана Азерин и Азером Зейналовым, народным артистом, таристом Рамизом Кулиевым, – маэстро и тут остался верен себе, выбор его партнеров говорил сам за себя: с дилетантами дела не имею. Он из тех, кто по-прежнему держит свои профессиональные границы на замке, умеет огра-

дить свою обитель, – Музыку – от ненужных примесей псевдоискусства, обитель, выбранную им когда-то – один раз и на всю жизнь. И, следуя своему кредо, отобрал лучших – не из ениулдузников. Расчет оказался точным, они старались изо всех сил – соответствовать уровню прославленного маэстро, который им вдохновенно аккомпанировал. Удостоиться такой чести – когда еще доведется? Чуткость, немыслимый синхрон, и невольно: когда это они спелись – он ведь только с самолета…

На концерте мы еще раз убедились в его невероятном, врожденном даре сопровождения, умении с ходу подыграть любому музыканту, будь он инструменталист или вокалист. Редкий, прямо скажем, дар – это можно утверждать уже хотя бы потому, что он у нас так и остался – единственным в своем роде, и преемников что-то не видать.

И если с Рамизом Кулиевым все было относительно ясно – он играл с ним когда-то, правда, в последний раз это было в начале 80-х, когда они записывались на Всесоюзном радио, но ведь их так многое «роднит»: оба мастера-виртуозы, преданные традициям, рьяные пропагандисты отечественной музыкальной культуры, влюбленные в однажды избранный инструмент… Им было о чем поговорить, что вспомнить.

Что до других дуэтов, то они «родились» на наших глазах, если не считать, что с Азерин он выступал лишь однажды – в Анталии, на Международном конгрессе азербайджанской интеллигенции, а с Азером Зейналовым встретился в Торонто – на концерте, посвященном 120-летию Уз.Гаджибекова. И – все! Думаю, тут впору говорить о телепатическом даре Садыхова.

Мы живем во времена, когда все – солисты. На фоне этого нестройного, чудовищно диссонирующего «хора запевал» Ч.Садыхов давал уроки деликатности и такта: умение прислушаться, дать выговориться, а значит, способность жить в контексте (и это-то при наличии феерического собственного дарования!). Утраченное, что и говорить, ценнейшее свойство. Почти как атавизм. А ведь именно эти качества являются доминирующими в профессии аккомпаниатора – обеспечить максимальный комфорт поющему коллеге, отвечая за «самочувствие» сцены и зала.

Одну из композиций-обработок, вошедших в его авторский диск, исполнил заслуженный артист Азербайджана Мурад Адыгезалзаде. Он сделал это блистательно, чем заслужил дорогого стоящую похвалу мэтра. Это когда кончил играть, а пока играл, мэтр стоял рядом, одобрительно поглаживая его по плечу.

А потом был снова Он. Ну, а зрители, они вязли в его обволакивающем обаянии – мы как-то и подзабыли, что артист должен быть обаятельным. А древний «Лачин» в его трактовке словно оплакивал свою будущую незавидную судьбу. Вздрагиваю, оторопеваю – в который уже раз: неужели можно предвидеть такое? Положительный ответ напрашивался сам собой – если существует песня, силу воздействия которой не истерла пыль эпох…

А зрители все несли и несли цветы – к памятнику, казалось, азербайджанской песне, стильной, элитарной, обнажающей высокую духовную организацию ее создателей и легендарных интерпретаторов. Они, эти композиторы, чувствовали стихию человеческого сердца, каждый его уголок, и, естественно, она ставила перед интерпретаторами непростые задачи – музыке этой противопоказано все внешнее, подмена душевного страдания истерикой, воплями и тому подобной атрибутикой. Здесь нужно нечто другое – духовный экстаз…

Чингиз Садыхов одним своим приездом оздоровил песенную обстановку в стране, встряхнув нас, погрязших было в современной эстрадной рутине. А еще его искусство способно внушать, что жизнь, сам дар жизни – драгоценен… Сколько же мелодических тем, сколько мотивов способен он удержать в памяти? И каких мотивов! Он из тех, про кого говорят: пленник музыки. А в тот вечер в его плен попали мы, но никто не рвался из него…

А маэстро продолжал дарить – кому детство, кому юность, кому первую любовь или рефрен песни, который так любил напевать по утрам ушедший из жизни отец…

Большинство этих мелодий было, как это тогда водилось, из кинофильмов тех лет. И снова ступор – как же серьезно относились к жанру «десятой музы», если уже и фильма-то нет, а песня – она пережила свой «повод» и звучит, как только что созданная!

Он возвращал нам Азербайджан – звонкий, поющий, бесконечно талантливый, а в памяти всплывал сонм величайших «толкователей» этих мини-шедевров – легендарных их интерпретаторов.

Песни эти имеют неоспоримое свойство: они с годами становятся лучше, что, в принципе, противоречит специфике жанра – их ведь называют «однодневками». Однако, чем больше их поют, тем больше их хочется слушать. Почему такого не происходит с песней сегодня?

А медитация продолжалась. «Harda qaldın», «Aman, ovçu» – зал живо откликался на каждое его намерение, каждый хит, к слову сказать, вечер объяснил мне, наконец, что это такое. Это когда попадаешь в десятку. Десятку души.

Пианист не просто демонстрировал пальцевую удаль (хотя как тут без нее), это было обоснование своего жизненного выбора – азербайджанской песни. Ну как ее не любить! «Да что там жизнь – я бы и две, и три ей, песне, посвятил – все мало!» – как бы говорило его блистательное искусство. Это был призыв-вопрос: являемся ли мы сегодня достойными наследниками нашей прошлой высокой духовности?

Чингиз возвращал нам родину – духовно утраченную, представляя разностилистическую палитру почерков мастеров азербайджанской песни. «Ana» Джангира Джангирова – коронный бейбутовский шедевр, этот трактат о матери. Внезапно подумалось о том, что, звучи она чаще сегодня, быть может, – кто знает, – начнут пустеть дома для престарелых… «Сегях», «Баяты Шираз», кулиевская «Песня о Баку»… Пиршество колора. Пиршество духа и души.

Песни шли нескончаемым потоком, нередко со стертым от времени авторством музыки и стиха, и это не казалось уж очень предосудительным, потому что они давно уже – всенародные! И вот он, закономерный акцент концерта – «Аршин мал алан»! Песни и арии из него в исполнении Азера Зейналова – блистательный вокал в обрамлении россыпи блистательных отыгрышей!

Чингиз играл концерт, как всегда, наизусть, и, тем не менее, на пюпитре стоял листочек – список очередности исполнения номеров. Да и как это запомнить, что за чем, – программа-то была вон какой насыщенной. Неплохо бы, чтоб он, уезжая, оставил его здесь, этот список, для нынешних наших «певунов» и тех, кто пишет им «репертуар» – тех, кого становится все больше и больше с каждым даже не днем, а часом. Листочек этот – как руководство к действию, остепеняющая оглядка. Оглядка, которую мы утеряли.

Не листочек, а клад, или – кладезь?

Чингиз Садыхов – это не легенда, что давно уже нежится в своем гулком «эхо». Вернее, легенда, но – играющая, и говорить здесь о его профессиональной форме сродни кощунству. Впрочем, думаю, это был тот самый случай, когда бы простился любой ляпсус – случайно задетая нота, не очень уклюжий пассаж, с кем не бывает… Наверняка бы простился. Но их – не было!

Он играл мелодии, божественно их гармонизуя и задиристо ритмуя. А мастерство – это когда нет плохих инструментов, или ненастроенных… Мелодии выпрыгивали из него, как из волшебного ларчика, мелодии, которыми он переполнен – до краев… Повествовательная неторопливость итальянских песен – вечных, как Рим. Или как мир – впрочем, все это уже не имело значения…

А под конец он…спел. Под свой собственный аккомпанемент, со своей, родной до боли, шепелявинкой. Спел песню, которую, по его словам, так любил Гейдар Алиев.

«Alagöz»… «Где бы мы ни встречались, если вдруг в кустах оказывался рояль, он просил меня сыграть ее». Чингиз пел – душевно, по-бакински, как-то не по-вокальному. Пел чисто, в том числе в смысле семантики души, без иноземно-кощунственного акцента. «Gözəlim sənsən»… Голос иногда местами срывался – не потому, что был плохо распет, просто слова там такие, что… «Köynəyi sarı... gəl mənə sarı… tikanı yox eylə... yaramı sarı… я ранен, приди, перевяжи рану души…» А я вспомнила его слова, сказанные в телеинтервью: «*Баку – это как вечный шрам на сердце. Незаживающий…И эту рану уже – не залечить*».

Элегический налет, царящий в тот вечер… Наверное, выскажу парадоксальную (крамольную?) мысль – но то был урок патриотизма. Да-да, он продемонстрировал не на словах, а на деле, что такое настоящий – не квасной – патриотизм – без криков на митингах и биения себя в грудь. Бакинский интеллигент – в чем только не упрекали его. Каких ярлыков не навешивали! И «русскоязычный» он, и «американский невозвращенец», и «диссидент». Побольше бы таких диссидентов, за которых – не стыдно. Соотечественника, к сожалению сегодня больше знают по рынкам и криминальным новостям… Есть люди, после встречи с которыми приходит – а может, возвращается, новое понимание мира. Это как после посещения египетских пирамид. Выходит, пока мы тут американизируемся – в худшем значении этого слова, макдональдизируя не только кухню, но и святое – песню, – он сохранил в себе азербайджанца. И кто из нас после этого – диссидент?

Чингиз играл, без напряжения и вздувшихся от ора жил на шее, убеждая, что можно быть патриотом, просто блаженствуя за роялем, перебирая любимые песни, причем делать это так, что слеза наворачивается, – и не только у азербайджанцев. Являя островок песенности, уцелевший в шлягерно-маршрутной стихии – нелепой и вечной, как бесталанность…

Последняя часть вечера, названная Аидой Гусейновой «заключительными аккордами бакинского концерта Чингиза Садыхова», явилась, по ее словам, «американским аналогом азербайджанской музыки». Почему? «Да потому, что «вновь – 60-70-е годы, с их искренней интонацией и роскошным мелодизмом». Звучали мелодии из Фрэнка Синатры, отрывки из оперы Гершвина «Порги и Бесс», в том числе знаменитая колыбельная («Рапсодия в блюзовом стиле») и «Женщина, которую я люблю» – хиты мирового ареала.

А еще он благодарил зал за то, что его не забыли, и напоследок преподнес традиционный куплет, посвященный жене, музе жизни – Джейран-ханым…

Чингиз САДЫХОВ, народный артист Азербайджана:

«Баку – это вечная полоса на сердце».

Когда-то я училась в 16-й музыкальной школе, директором которой в то время являлся Чингиз Садыхов. Откровенно говоря, имя мне это тогда мало о чем говорило. Ну, концертмейстер, человек, который дает возможность высказаться другим, сам при этом оставаясь в тени. Человек-огранка. И невдомек было мне, пятиклашке, что все обстояло едва ли не с точностью до наоборот, и что уже те самые встречи, которыми его одарила судьба, – они, в свою очередь, ведь тоже составили феерическую огранку судьбы его собственной! И что уже одной из них с лихвой достаточно (даже шапочного знакомства, не говоря уже об активном сотрудничестве), чтобы обеспечить себе пожизненный безоговорочный авторитет, получить бессрочный лимит престижности и социальной значимости. Рашид Бейбутов и Тофик Кулиев, Кара Караев и Муслим Магомаев, Фикрет Амиров и Шовкет Алекперова, Райкин и Утесов, Огнивцев и Атлантов…

Сегодня я с щемящей тоской вспоминаю, как он музицировал в зале школы – наедине с собой. Впрочем, что я говорю, он, конечно же, был не один – то было особенное общение с корифеями песни, а мелодии, что лились из-под его пальцев, усладой обволакивали школьное помещение. Мы же, дети, «пришпорив» ход ненавистных гамм и этюдов, жадно вслушивались в эти звуки из актового зала под непротестующие улыбки учителей – они нас понимали, что само по себе случалось нечасто. Школа замирала в ожидании очередного директорского импровизационного виража – такого интимного общения пианиста с автором я больше никогда не встречала. Особенно запомнилась шедеврально-бейбутовская «Ana»; Чингиз Садыхов ворожил на рояле, сам того не желая парализуя учебный процесс, а мы «воочию» слышали рашидовские обертоны, его «поющие» паузы, придыхания... Казалось бы – что тут такого, ну, играет директор себе, отдыхает. Теперь понимаю: вот так, «отдыхая», он ненавязчиво, без назидания и муштры, на собственном примере обозначал ту высоту исполнительства, к которой должен стремиться каждый профессионал. Так он, Садыхов, «дезорганизуя», учил. То был мастер-класс. Из тех, что не забываются…

Н.Ф. *Чингиз-муаллим, вы не преподавали. А реально ли это – обучить искусству деликатного сопровождения, изначально включающего в себя способность прислушаться к другому? Учитывать его интересы, нередко с ходу вживаться в его всегда непредсказуемую трактовку – вы ведь имели дело исключительно с гениями? С этим знанием нужно родиться или...*

– Я не хочу говорить сейчас о себе, буду говорить вообще. Аккомпаниатором надо родиться, этому научиться нельзя. Это либо есть, либо нет. Это от Бога. Объясню, почему. Настоящий аккомпаниатор – человек со-пе-ре-жи-ва-ю-щий. Тот, кто, аккомпанируя, не отвлекается на ноты, на пальцы и прочее, все его внимание – исключительно на вокалисте. Видите ли, человеческое горло – это все-таки не инструмент, не механика. И с ним может случиться все, что хотите, вернее, не хотите: певец вдруг может не взять верхнюю ноту или взять неправильное дыхание, может просто быть не в форме или в горло может попасть какая-то мокрота – черт его знает, миллион таких вещей бывает! И неопытный аккомпаниатор – не тот, который вместе с ним переживает, не тот, который «несет» его, – он может точно так же дать маху, сделав оплошность солиста достоянием публики. Опытный же сделает так, что она ничего не заметит… Что касается преподавания, я работал в консерватории на концертмейстерской кафедре, только начинал, отъезд прервал эти намерения. Жаль! Хотя – ну как этому обучишь?

– *Выходит, человек за роялем – это некий тыл…*

– В том-то и дело – это железный тыл, поэтому-то все эти вокалисты, которые со мной работали, всегда мне говорили: мы с тобой как за каменной стеной. Иными словами, можем делать все, что хотим. А я их держу, я их не выпускаю. Искусство аккомпаниатора – очень трудная профессия. Это понимают максимум 3-4 человека в зале. Я неизменно вижу только профиль – правый профиль выступающего, и этого уже достаточно, чтобы безошибочно определить – возьмет ли он ту или иную верхнюю ноту или воздержится на сей раз. Высокопрофессиональный аккомпаниатор может средней руки певца поднять на недосягаемый уровень, а талантливого – угробить. Поэтому вокалисты выбирают того, кто может им помочь. Я всегда аккомпанирую наизусть, без нот, – все в голове и пальцах. Вот на концерте в филармонии от меня тарист почему-то «убежал» (*смеется*). Я терпел, терпел, догонял его, догонял… Потом я понял, что это бесполезно. Остановился и играл так, как бы формально, вернее, почти не играл. Знаете, это бывает, человек настолько разошелся эмоционально, что перестал чувствовать партнера. Но вот когда я работал с Рашидом – у нас все с ним было настолько отточено, настолько отрепетировано, причем я говорю не только о музыкальной части выступления. Мы знали наверняка, кто

из какой кулисы выходит, кто как подходит к роялю, кто как кланяется… То есть – все абсолютно, до мельчайших нюансов! Это и есть закон сцены. Культура сцены. К величайшему сожалению, сегодня очень многие этой культуры не знают. Элементарно утратили.

– Вы все больше именно с вокалистами имели дело?

– Как-то так получилось. Может, оттого, что я специализировался именно на азербайджанской музыке, а ее, в основном, поют. А может, они сами меня выбирали – не знаю. Так или иначе, все ведущие вокалисты Азербайджана, какие только были на белом свете, – все они присутствовали в моей биографии. Я работал и с Бюльбюлем, и с Рашидом, и с Муслимом, и с Франгиз Ахмедовой, и с Шовкет Алекперовой, и с Лютфияром Имановым, и с сестрами Касимовыми...

– Расскажите о вашем сотрудничестве с Бюльбюлем.

– С Бюльбюлем я работал мало. Получилось так, что когда я приехал из московской аспирантуры, в 1953 году, заболел его постоянный аккомпаниатор, был такой – Козлов…

– «Не та Володя»?

– Вот-вот, та самая, знаменитая реплика. Кстати, это было на открытии Мингячевирской ГЭС, куда приехал Бюльбюль. Я тоже там был, должен был аккомпанировать другим. На нашей эстраде был такой старый-старый Володя Фельдман, больше тапер, чем аккомпаниатор. А Козлов заболел и не приехал, о чем Бюльбюль не знал, и когда днем мы пошли репетировать в зал, он неожиданно за пианино увидел Фельдмана. Бюльбюль повернулся: «А где Володья?» Ему говорят: «Вот Володя». «Дарагой, эта не та Володья». И вот это осталось с того времени, да. А у Володи Козлова был страшный диабет, он каждый день вкалывал инсулин. В тот день он то ли забыл это сделать, то ли еще почему, но с ним случился приступ. Ему было очень плохо, а Бюльбюлю надо было ехать на гастроли по всей Средней Азии – Туркмения, Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан. Такое вот турне предстояло, по пяти республикам. Он мне позвонил и говорит: «Чангиз бала (так он меня называл), mənim konsertlərim var, gedərsən mənnən? Sən yaxşı azərbaycan musigisini çalırsan».

– А сколько вам в ту пору было лет?

– Сейчас я вам скажу – я 29-го года рождения, это был 53-й, значит, мне было 24. Ну, вот мы и поехали. А я к тому времени окончил аспирантуру в Москве у Александра Борисовича Гольденвейзера и рьяно готовился к карьере солиста – пианиста-классика. Ну, а азербайджанскую музыку играл для себя, в компаниях, как это обычно водится…

– Можно сказать, что встреча с Бюльбюлем стала неким поворотным пунктом, точкой иного отсчета.

– Безусловно. И вот когда я поехал с ним на гастроли, вдруг понял, что это – мое! Это то, что я могу делать лучше многих, это то, что мне ближе всего к сердцу, и это то, чему я могу отдать все, что умею. Солистов-пианистов по всему миру – как собак нерезаных, понимаете? А вот то, что делаю я, у нас в Азербайджане никто не делает, и, не исключено, вообще никто не делает.

– Если можно, об этом поподробнее.

– В каком смысле «никто не делает?» Объясню. Дело в том, что я первым понял, что пора национальную азербайджанскую музыку выводить на европейский уровень – речь идет о народной музыке. Классическая азербайджанская музыка в лице К.Караева, Дж. Гаджиева, Ф. Амирова и других выведена на международную арену. А вот наша народная музыка – не выведена. Почему? Да потому, что на нее смотрят как на экзотику. Это как если бы ансамбль танца племени юмбы-мумбы приехал и станцевал свой народный танец – это вот и есть экзотика, которую посмотрели и… забыли. То же самое азербайджанская музыка – это как приправа к европейской кухне, не более того. А я стараюсь азербайджанскую музыку играть в европейской манере: с их гармониями, подголосками, то есть с тем, что они привыкли слышать. Но в то же время основа – азербайджанская,

понимаете? Основа наша, а все остальное – в привычном для них обрамлении. И им это дико нравится! Вы себе не представляете, как американцы слушают, когда я играю азербайджанскую музыку! Женщины плачут прямо в зале – честное слово, вот свидетель живой (*показывает на супругу, Джейран-ханым*). Получается симбиоз азербайджанской музыки с европейским, что ли, уклоном.

– А вот между тем, как вы играли тогда с Бюльбюлем, и тем, что делаете сейчас, – разница большая?

– Большая, очень большая. Тогда я на многое выходил по наитию, осознание же значимости того, что я делаю, как и профессионализм, пришли с годами. Ну вот, мы поездили с ним по республикам, и после этого я понял, что именно этим мне и надо заниматься. Потом я год проработал просто так, для зарабатывания денег, на эстраде, после чего меня «спаровали» с Рашидом. Причем, не спрашивая у меня ни о чем, просто позвонили и сказали: приходи в филармонию. Я пришел, мне говорят: в общем, так, ты будешь работать с Рашидом. И все, возражения не принимаются. Мы полгода с ним репетировали, – пол-го-да не давали ни одного концерта, – с утра до вечера. Он был невероятно капризным и непреклонно-железным в отношении всего того, что касается сценической культуры. Эту самую сценическую культуру мы вырабатывали со страшной силой! Причем, это касалось абсолютно всего – и его пения, и моего аккомпанемента, все было настолько железно, что разбуди нас ночью, это было бы то же самое, как если бы мы три дня репетировали и вышли на сцену! В этом я, конечно, преклонялся перед Рашидом, как и перед его голосом – фантастически пластичным, с чудо-тембром… Мягкий баритон, переходящий в высокий бас, – такой тембровой фактуры ну, ни у кого нет! Лиризм этого голоса проникал человеку в самые потайные уголки души. Он так и остался непревзойденным – до сих пор. Так вот, семь лет я с ним работал – с 56-го до 62-го.

– А потом был …

– Муслим, с которым я начинал в 64-м году и – до самого 71-го. Это была эпоха Магомаева, такой популярности мир не знал и вряд ли узнает! Мне смешно сегодня видеть потуги иных певунов, эту их вызывающую эпатажность – да им такая слава и не снилась! И этот вот триумф Муслима я наблюдал изо дня в день. Помню, секретари местных обкомов партии часами простаивали у дверей его гостиничных номеров в ожидании, когда же Его величество Магомаев проснется! Все это было! А я все эти годы был с ним, Муслим так и говорил, что мы с Джейран ему как отец и мать. Знаете, я практически никого ни с кем не «разбавлял» – лишь изредка играл Лютфияру Иманову, с которым мы ездили по Союзу, девочкам – сестрам Касимовым. А в 1971 году меня вызвал Закир Нариманович Багиров, тогдашний министр культуры, человек, к которому я относился с огромнейшей симпатией – я до сих пор не встречал более интеллигентного человека, чем он! Вызвал и сказал: хватит ездить по миру, хватит аккомпанировать – иди и учи детей. И отправил меня директором в ту самую 16-ю музыкальную школу, которую вы кончили и о которой так тепло упомянули. И я 10 лет, вплоть до 81-го года, проработал на этом поприще. Вот Аида Гусейнова, которая так здорово вела мой здешний филармонический концерт, была ученицей той школы – она была прекрасной пианисткой, скажу я вам. Я провел тогда конкурс всех музыкальных школ города Баку и Сумгайыта, причем, по полной программе, как говорится – были там три первые премии, три вторые, три третьи…

– Я помню эти ваши конкурсы – они стали обязательной составляющей учебного процесса. И сборник бетховенских сонат с надписью, сделанной вашей рукой, где после моего имени значится: «Ученице 5-го класса, победителю внутришкольного конкурса»… Поверьте, храню эти ноты, как святыню.

– Вы меня растрогали, честное слово… Так вот, Аида взяла тогда первую премию, но когда она закончила школу, чего мне стоило уговорить ее отца и мать, чтобы они разрешили ей продолжить музыкальное образование! Они упорно хотели, чтобы она пошла

по стопам отца – я уже не помню, кем он был по специальности… Я уговорил их тогда – она пошла в бюльбюлевскую школу, оттуда в консерваторию, которую с блеском окончила. Мы с ней встретились через много лет в Америке, она проходила стажировку в Индиане. А хормейстер музыкального отделения тамошнего университета каждый год давала концерты хора студентов из серии «Музыка народов мира». И в тот год она остановила свой выбор на азербайджанских песнях, приступив к их разучиванию. На что Аида сказала, что в Калифорнии живет человек, который лучше всех знает азербайджанскую народную музыку.

Меня вызывают в Индиану, где я целую неделю занимаюсь с хором – показываю, как правильно произносить слова, рассказываю о специфике нашей музыки и т.д. А потом мы выдали недюжинный концерт, – помню, они пели «Pəncərədən daş gəlir, ay, bəri bax, bəri bax», – вы не представляете, какой это был успех! Тогда же я дал сольный концерт азербайджанской музыки, немножко американской музыки им поиграл. Они мне на большой программе – педагоги, профессора – расписались, это были пожелания в мой адрес, очень-очень теплые; все это у меня есть, Джейран запрятала… Так вот я это к чему: прошло столько времени – и теперь я увидел профессора нашей консерватории, кандидата наук Аиду Гусейнову. И вас. Великолепные девочки…

– Итак, в 81-м году вы уходите из школы с тем, чтобы…

– … с моим другом Ильдрымом Касимовым организовать «Азконцерт». Он больше вел финансовую линию, поэтому и стал генеральным директором этого объединения, его директором-распорядителем, а я был художественным руководителем – целых 10 лет, с 81-го по 90-й. Правда, где-то в середине я уехал на три года в Йемен, после чего вернулся обратно; и все это время место худрука держали для меня, никого так и не взяв.

– Мы приближаемся к неприятной для всех нас эпохе в истории современного Азербайджана, когда пришлось расстаться с лучшими его представителями. Молох или маховик времени. Вы не понаслышке знаете, каково это – быть изгнанником на своей земле.

– (*Вздыхает*). Это был 90-й год, когда Полад Бюльбюльоглу, тогдашний министр культуры страны, полтора дня уговаривал меня у себя в кабинете стать директором и художественным руководителем Театра песни им. Рашида Бейбутова. Я отказывался, никак не хотел, но в конце концов он меня уговорил. Я проработал там всего три месяца. Что я сделал? Я не тронул ни одного номера, которые были сделаны Рашидом, – просто скомпоновал из этих номеров концерт. А они пять лет после смерти Рашида не работали, сидели на шее у Министерства культуры. Театр не работал, но зарплату люди получали, не давая ни одного концерта! И вот он меня, наконец, уговорил, я стал проводить репетиции, пошли концерты. За три месяца они перевыполнили квартальную норму, получили премию за это перевыполнение, я их повез в Агдам, где они дали два концерта нашим войскам, приехали обратно… Это было во времена Народного фронта. Я не хочу вдаваться сейчас в те подробности, печальные для меня, но, в общем… Я проводил собрание коллектива, в это время ворвались в зал 120 человек. Они сказали, что я убил Рашида, что я плохой человек и что меня надо убить. Один стоял вот так, с ножом наготове (*показывает*)… Из толпы ко мне подошла женщина со словами: «Вы хотите живым уйти отсюда?» Я говорю: «Да». «Напишите заявление, что вы уходите из театра по собственному желанию». Я написал заявление, и на этом все закончилось.

– История эта настолько ужасна в своей кощунственной нелепости, что… Но вот ведь как бывает: те, кто изгонял, давно преданы забвению, история так никогда и не узнает их имен (а может, надо бы дознаться), а вы концертируете, собираете аншлаги – мне рассказывали, что зал, где вы играете, всегда забит, что называется, под завязку. Иными словами, символизируете собой азербайджанскую песню повсюду! Вас изгнали, и вы ушли в объятия мира. Такой вот подарок мы ему сделали. Что за родина у нас такая? То прогоняет, то зовет обратно… Как к ней относиться?

– Belədi də, вернее, beləyik də. Но правильно говорят: на родину, как на мать, не обижаются. И потому я сегодня здесь. А тогда… Полтора года я не работал, потом к власти пришел Гейдар Алиевич, сразу Фархад меня пригласил в консерваторию, где я отработал всего три года – 92, 93, 94-й – а в 94-м я уехал в Америку. Вот приблизительно краткий перечень этапов моей служебной карьеры в Азербайджане.

– Да, но вы еще работали и с другими певцами.

– Кроме азербайджанских певцов, это были Атлантов, Огнивцев, я аккомпанировал Гоар Гаспарян, – да кому хотите! Менжилкиев – был такой потрясающий бас в Киргизии… Между прочим, это немножко звучит смешно, но я отработал 24 концерта в Баку с Райкиным Аркадием Исааковичем.

– Как это?

– А дело было так. Театр Райкина в то время активно разъезжал по Союзу, причем за три дня до каждого концерта его дирижер (Семенов была его фамилия) приезжал, набирал оркестр, который сидел в яме и играл, – весь спектакль шел непременно под живую музыку. А наши гениальные, так сказать, администраторы бакинские под его гастроли отвели филармонию, у которой ямы, как известно, нет. То есть, оркестр посадить некуда. А на сцену не посадишь – сцена целиком и полностью нужна Аркадию Исааковичу.

– И вы, значит, отдувались за весь оркестр.

– Я отдувался за оркестр. Это потом. А до этого, завидев такой оборот дела, Семенов собирался отменять гастроли, потому что был уверен, что один пианист такое не потянет. На что ему ответили, что пианист пианисту рознь – послушай его, и все будет нормально. И я действительно отработал все 24 концерта. Ежедневных!

– А что вы играли?

– Ну, сперва Семенов мне показал ноты, объяснил, что играть, а потом я сказал ему, что мне ноты не нужны, и играл то, что надо… Был у меня еще смешнее случай. Однажды мне из Москвы позвонил фантастически в ту пору популярный киноартист Марк Бернес – помните «Два бойца», «Темная ночь», «Шаланды, полные кефали»?… Так вот, он звонит мне: Чина, ты в Баку? Я говорю: да. Понимаешь, говорит, Додика Ашкенази не выпускают из Москвы – это было, когда Володя Ашкенази, великий пианист современности, лауреат конкурса Чайковского, – уехал на гастроли в Лондон и остался в Англии. Так вот, из-за этого самого отъезда отца его, Додика Ашкенази, выдающегося эстрадного аккомпаниатора, не выпускали из Москвы – думали как-то Володьку притянуть обратно. А у Марка по линии пропаганды кино намечалось 30 концертов в Баку. Вот он и попросил меня: «Я приеду, ты мне саккомпанируешь».

– И вы, конечно, согласились.

– С радостью согласился! Ну вот, он приехал, значит, а концерты его были скроены таким образом: показывали куски фильмов, в которых он участвовал, потом он рассказывал про то, как снимался тот или иной эпизод, а в конце исполнял четыре-пять песен, которые он пел в этих фильмах. Мы выдавали с ним по три концерта в день! (*Смеется.*) И таким вот образом за 10 дней мы сыграли 30 концертов.

С удовольствием вспоминаю те времена. Так что поле деятельности мое было очень разнообразным. Я, например, аккомпанировал цирковым артистам. Мы выехали, помню, в Индию на гастроли, нас было 16 человек в группе, я аккомпанировал всему концерту и в конце – Рашиду. Там были и акробаты, и артисты балета Большого театра – был, например, такой Шамиль Ягудин – великолепнейший балерун! Были цирковые эквилибристы – наверху там чего-то такое делали, был фокусник, была эстрадная певица… Понимаете? И всем им я аккомпанировал.

– А оркестра не было?

– Да какой оркестр? Все под рояль шло. Мы за 40 дней дали 80 концертов – работали по два концерта в день.

– Вот откуда эта потрясающая ваша форма исполнительская…

– Форма оттого, что все время в деле. Человек должен уметь найти повод для воспарения, неважно при этом, чем занимаясь – солируя или аккомпанируя.

Меня, например, сейчас в Америке приглашают играть американскую музыку, причем музыку 50-60-х годов. Ту, которую пели в свое время Фрэнк Синатра, Нат Кинг Кол мой любимый… Гениальный был музыкант, его звали вообще-то Нат Кол, но когда он умер, собрались все видные джазовые вокалисты, весь джазовый мир и постановили называть его Нат Кинг Кол…

– У нас ведь тоже есть своя аналогия – Бюльбюль.

– Совершенно верно. Нат Кинг Кол – это номер один в джазовом мире в Америке, это как пианист-феномен Оскар Питерсон… И вот я им играю американскую музыку, а они удивляются – откуда вы ее знаете, нашу музыку тех годов?

Между тем, все очень просто – я им не рассказывал этого, конечно, а вам скажу… После войны, в 46-м году, американцы по радио для Советского Союза передавали один час программы политической и один час – музыкальной. Политическую программу тщательно забивали, чтоб никто не слышал, что они говорят, а музыкальной повезло куда больше – вот откуда эта наша осведомленность, мы слушали все это в Баку.

– Хотите сказать, что слухом брали музыку – без нот?

– Конечно. А зачем мне ноты? Я послушал один раз, мне этого достаточно (*смеется*).

– Невероятно – по радио, с помехами…

– Ну, во-первых, не было никаких помех, запись шла чистейшая, а во-вторых, ввиду того, что музыка не безгранична, то иногда повторялись какие-то вещи. И, понятно, те, которые нам особенно нравились, мы запоминали.

– И вот, значит, вы сегодня там ублажаете слух заморских меломанов, а мы здесь сидим и… Мысль о том, что вот вы скоро уедете и оставите нас один на один с «образцами» шлягерно-маршрутного песнопения, нелепыми и вечными, как бесталанность, не покидала меня на протяжении всего концерта. И отогнать ее становилось трудней с каждой новой песней.

– Ну, что поделаешь… А ублажаю я слух не всем, вот, например, в Америке есть дома для престарелых. Не знаю, здесь есть или нет, точно знаю, что в Москве есть – дом для выдающихся престарелых артистов, мы даже там однажды выступали.

– Ну, при всех случаях, думаю, это несопоставимые дома – здесь и там, в Штатах, я имею в виду качественность жизненного пребывания в них.

– Разумеется, там это поставлено на масштабно-государственную ногу, и, тем не менее, даже среди них есть неправдоподобно богатые дома для престарелых. Там живут только миллионеры, те из них, которые не хотят жить с сыновьями или дочерьми. Многим из них перевалило за 80 лет, они добровольно в этом доме снимают, нет, покупают квартиру, где и живут в свое удовольствие. Живут очень насыщенно в смысле общения, не говоря уже о том, что у них там на каждого человека два врача и четыре медсестры! Все это стоит немыслимых денег, например, одна такая квартира, состоящая из спальни и гостиной, со всеми удобствами, стоит миллион-миллион двести. Ну а трехкомнатная – та и вовсе обходится миллионов в пять! Они, представьте, платят, денег у них полно, и их обслуживают – потрясающе! У них свой ресторан, они уже с вчера обдумывают, что бы заказать на завтра, и т.д. и т.п. И вот однажды меня пригласили именно в такой дом поиграть им американскую музыку тех годов. Я пришел и стал играть. А у меня есть пара счастливых – на полном серьезе счастливых – моментов в моей творческой деятельности, и один из них – то, что я не боюсь сцены. Было и есть много великих артистов, которые страшно боятся сцены. И без каких-то пилюль и всего такого на сцену не выходят. Гилельс, например.

– Он так и говорил о себе: «Я самый трусливый исполнитель».

– И он был далеко не одинок. У меня есть друг, он живет в Чикаго, лауреат двух международных конкурсов – Шопена и Энеску, зовут его Дмитрий Паперно, так он, прежде чем выйти на сцену, непременно глотал бокал успокоительного, без этого – ну, никак. А я выхожу на сцену как к себе домой, вижу публику до 8-9-го ряда, вижу, как она реагирует. Я могу за кулисами играть в шахматы, потом, прервав партию, выйти на сцену, сыграть все, что надо, после чего спокойно доиграть в шахматы – запомнив ходы и думая о том, чтобы, не дай Бог, не проиграть. Я хочу сказать, что это одно из моих счастий.

– А второе?

– Второе – это мой секрет. Это уже присущее только мне. Ну ладно, открою его вам. Я всегда играю только то, что способно меня взволновать, что переворачивает все внутри. И точно знаю – только та музыка, исполняя которую ты получаешь наслаждение, способна взволновать зрителя. Я переживаю на сцене, когда играю, переживаю в смысле – проникаюсь музыкой всем своим существом. Я должен получить удовольствие – вот если я этого удовольствия не получаю, я не играю. Со мной было пару раз, когда я просто вставал и уходил со сцены – чувствовал, что не то, не идет. Сперва то, что я играю, должно пройти через меня, через мое сердце, и только потом пойти в зал. Понимаете? Иначе я не могу. И только такую музыку я играю людям. Пытался, было, играть не «ту» музыку – не получается. Честное слово – не получается.

– Я вам верю. Вы и поете так – сердцем.

– А чем же мне еще петь – у меня ведь голоса никакого нет(*смеется*). Я душой пою. А если петь на голосе, как это многие делают… Или же – поют автоматом. Я знаю певцов с очень хорошим, например, драматическим тенором, которые всегда поют автоматом.

– Вернемся в Америку.

– Вернемся. Стал я, значит, им играть. Играю и обращаю внимание на интересную деталь: какая-то женщина сидит, и у нее льются слезы, кто-то мне подпевает, а какой-то мужчина уставился в одну точку и молчит. Он не хлопает, не выражает своего отношения к услышанному – он словно в забытьи… Вы знаете, меня это захватило. Думаю, черт его знает, что происходит. Здесь-то я к этому привык, а там… И вот когда кончил играть, – а я английский очень плохо знаю, объясниться еще могу, но когда мне что-то говорят, ни черта не понимаю.

– Неужели за 12 лет так и не натурализовались?

– Да зачем мне «натурализовываться»? Если вы имеете в виду мою неспособность овладеть языком, то мне и не нужно было утруждать этим себя – у меня личный переводчик всегда рядом (*показывает на жену*), она педагог английского языка, кандидат наук, 30 лет преподавала этот язык в институте иностранных языков в Баку. Джейран всегда рядом, и потом, между нами, – я еще лентяй, вдобавок ко всему.

– Вы всегда об этом говорили. Помню, как сказали отцу: «Фаик, я фантастический лентяй!» Я была ребенком, но в память врезалось. Ну и что же было после концерта?

– Так вот, истек час моего концерта – по договоренности это должен был быть всего час. Вы не представляете, какой мощный посыл из аудитории я все это время ощущал! Когда я кончил играть, они поднялись, стали подходить ко мне – самой молодой из них было 80 лет, не меньше – они меня гладили по щеке вот так вот (*проводит рукой по лицу*), и что-то говорили по-английски. Я тут же Джейран подозвал, говорю: «A bala, nə deyirlər, bir bax, de görüm,mən də başa düşüm». И оказалось, что они вспоминали свою молодость, свои какие-то приятные дни, вспоминали именно сквозь призму той музыки, которую я им играл… За что меня так трогательно и благодарили. Меня охватил какой-то невероятно пронзительный озноб… Это было ошеломляюще!

– Это действительно невообразимо – приехать туда из далекого, неведомого им Азербайджана, чтоб вернуть им их воспоминания! Чужаку, по сути…

– Именно об этом они и говорили. После той, первой встречи меня часто стали туда приглашать, потом пошли приглашения от других подобных домов. Я становился все популярнее, а потом я стал отказываться от приглашений.

– *Почему?*

– A bala, 77 yaşım var, ondan 72 ilini я просидел за роялем – хватит, да! Устал я. Сил человеческих нет!

– *Не надо так говорить. Sizə yaraşmır.*

– (*Долго, заразительно смеется*). Клянусь, устал.

– *Так или иначе, а молодое поколение выросло без вас. Мы упомянули имя Гилельса, но именно о нем сказал когда-то Артур Рубинштейн: «Если этот паренек приедет когда-нибудь в Штаты, мне тут нечего будет делать». А вы – можете сегодня высказать подобное относительно себя?*

– Вы имеете в виду аккомпаниатора? Отвечу честно: таких не вижу. Понимаете, эта профессия теснейшим образом связана с душевно-психологическим устройством человека, и наглому и хамоватому аккомпаниатором никогда не стать. Нужно уметь видеть себя в контексте другого и постараться помочь ему – незаметно ни для кого – стать лучше. А сегодня (время, что ли, такое?) на такие «подвиги» никто не способен. Куда охотнее выпячивают себя. И потому преемников что-то не видать.

– *А вот у вас ее нет – той грани, за которой заканчивается культурное естество и начинается имидж, потому как первое у вас не кончается, а второе, кажется, и не начиналось.*

– Я не умею кривить душой – что думаю, то и говорю. Может, в этом дело? И потом, в музыке всегда ведь видно, когда перед тобой – Божье откровение! И дутые звезды так и остаются дутыми. Я вам скажу такую вещь. В Азербайджане была плеяда великих композиторов, я не боюсь этого слова – гениальных композиторов. Это Фикрет Амиров, это Джангир Джангиров, это Сеид Рустамов, – я беру песенников, – это Тофик Кулиев, это Рауф Гаджиев, это Васиф Адыгезалов, это Эмин Сабитоглу… В азербайджанской классической музыке были великие Узеир Гаджибеков, старший Магомаев, те, которых я перечислил вначале… И они подняли азербайджанскую музыку на недосягаемую высоту! Я вам должен сказать, что наша музыка – как классическая, так и народная – в Союзе была одной из первых. А потом они один за другим стали покидать этот бренный мир, и властвовать на сцене стала Зейнаб Ханларова. В 2002 году Гейдар Алиевич пригласил меня и Джейран на юбилей Муслима Магомаева – ему исполнялось 60 лет. Скажу, что Гейдар Алиевич всегда ко мне очень хорошо относился, с самого начала у нас с ним возник контакт. Он, как мало кто, понимал в искусстве, умел ценить стоящее – вообще о Гейдаре Алиеве можно говорить очень много. Расскажу вам только одну деталь. Он был с визитом в Соединенных Штатах Америки, после которого «Чикаго трибюн» напечатала статью – она у меня там, в Сан-Франциско. Автор ее пишет, что в Америку за все послевоенное время приезжало огромное количество президентов, премьер-министров, королей и т.д., и т.п. Но ни одного из них в США не принимали так, как принимали Гейдара Алиевича Алиева. Он был единственным, кого принимали на уровне английской королевы!

– *А уровень английской королевы – самый высокий в мире, как известно.*

– Показатель авторитета, а? Все, больше я о Гейдаре Алиевиче не хочу ничего говорить, иначе рискую опоздать на самолет – я ведь ночью улетаю… Так вот, он меня пригласил на тот юбилей, я приехал. Десять дней я был здесь, присматривался, естественно, прислушивался к тому, что поют и как поют. И все удивлялся! Это-то при наличии песенного богатства, оставленного корифеями! Да, все они умерли, но это не значит, что умерла их музыка!

– *«Музыка – ресторан, певцы – ресторан, композиторы – ресторан», – помню, именно так вы отозвались в свой прошлый приезд о состоянии нашей культуры.*

– Все правильно, был один сплошной ресторан! В отличие от моего нынешнего приезда, всего два интервью я дал тогда. Меня спросили: как вы относитесь сейчас к нашим молодым певцам и нашим молодым композиторам. Очень плохо, – сказал я, – отношусь, как к тем, так и к другим, потому что в Азербайджане не осталось хорошей музыки, все превратилось в ресторан. И пишут, и поют – в формате ресторана-тойханы. Ничего приличного в этом нет, чем я страшно огорчен. Страшно огорчен состоянием искусства моего народа, моей республики.

Прошло пять лет. Я вновь приехал и, должен вам сказать, с ходу уловил ту позитивную разницу, те изменения, которые произошли за это время – настолько они очевидны. Уже не говорю о грандиозных мугамных проектах, реставрации старинных пластинок с записями корифеев этого древнего искусства – они приведены в порядок, перенесены на современные носители и сейчас распространяются по всему миру. Композиторы наконец стали писать именно азербайджанскую музыку. Я склоняю голову перед человеком, который стоит за всеми этими большими делами – Мехрибан-ханым, усилиями которой все эти перемены произошли. Это первое. Второе – то, что разделили консерваторию на классическую и народную, я считаю это правильным шагом. Это мое сугубо личное мнение, возможно, я ошибаюсь.

– А если говорить об эстраде? «Безголосое чудо пластической хирургии» – так называют многих наших певцов. Что такое эстрада сегодня? Любому человеку – без чувства ритма, без слуха, без голоса – можно сделать фонограмму, и он станет звездой. Существует даже выражение – «поющие кошельки». Да, вокалист без голоса – явление действительно удручающее. Но, с другой стороны, гений голосовых связок еще не есть эстрадный певец. Ведь так?

– В том-то и дело. Мне, например, очень нравится один певец, он не молодой, но у него очень приятный мелодический голос, весьма славное впечатление оставил. Он не поет дешевку – возможно, он это делает на свадьбах, в ресторане, мне однажды об этом сказали. Может быть, я не знаю. И это понятно, надо содержать семью, надо кормить детей…

– Свадебный певец – разве это унизительно? Паваротти пел на званых обедах, Карузо – тоже.

– Все так. Тем более, я ни разу не слышал, чтоб он по телевидению или в концерте пел малодостойные песни. И – самое главное – он умеет петь. Вы знаете, однажды прославленного дирижера Стоковского спросили об одном певце – знаменитом певце того времени – и попросили его сравнить с другим великим певцом того же времени. На что Стоковский сказал: «Я никогда не отношусь к певцам с этой точки зрения – кто лучше, кто хуже. Никогда не разделял певцов и вообще считаю, что в мире есть две категории вокалистов, всего две: это люди, имеющие великолепные голоса, но не умеющие петь, и люди, имеющие средний голос, но прекрасно им владеющие». Так вот, этот человек, о котором я говорю, умеет петь, имея не очень большой голос. Вы еще не догадались, о ком идет речь?

– Перебираю в голове, иду методом исключения. Поющих мужчин-эстрадников у нас, по счастью, меньше, чем женщин: Эйюб Ягубов?

– Угадали. Он вам нравится?

– У него есть душа и культура пения.

– Причем культура эта врожденная, как говорится, орадан гялир (*показывает наверх*). В общем, какие-то перемены я уже начал чувствовать, и мне кажется, что эти изменения к лучшему, и они должны сказаться.

– Иншаллах.

– Продолжая тему перемен… В этот свой приезд я побывал в Шемахе, Ахсу, Евлахе, Гяндже. То, что я увидел в этом регионе, меня прямо-таки сразило! Евлах, который

был скопищем комаров, – туда, помню, артисты старались не попадать… Евлах стал европейским городом! А Гянджа! Я мэру города сказал, что если вы будете так продолжать, то, по-моему, лет через 10 столица Азербайджана переедет в Гянджу! У них там в центре стоит поющий фонтан, и, как вы думаете, какую музыку играют, когда фонтан «поет»?

– «Лунную сонату», что ли?

– Нет, не «Лунную», – вальсы Штрауса и Шопена! Я ему говорю, мэру, – слушай, Гянджа и Шопен! Ты понимаешь, что происходит – кричу я ему! Гянджа и Штраус! Это все делает Ильхам Гейдарович, он на регионы сейчас стал обращать очень большое внимание. Сколько школ он пооткрывал, сколько больниц! И каких школ – оснащенных по последнему слову техники! Сам видел. Это все правильно, мне очень нравится все, что он делает. Здорово работает, он все делает правильно. И я нисколько не сомневаюсь, что вот такое же преображение со временем придет и в область искусства. Не сомневаюсь ни одной секунды, потому что не может быть отрыва, понимаете? Если что-то двигается вперед, то за ним должно двигаться и все остальное. И я горжусь, что именно он, Ильхам Алиев, является президентом моей страны.

– Музыку сейчас делать все проще и проще, со всеми этими секвенсорами, сэмплерами… Можно купить ее по частям: уже готовый ритм, басовую партию, какую-нибудь мелочевку из старого буги-вуги, что угодно прицепить одно к другому. А вот песню компьютер пока написать не может.

– И никогда не сможет. Меня часто спрашивают: «Почему вы не пишете музыку»?

– И я собиралась спросить…

– Да? Так я вам отвечу. Я всегда говорю, что знаю такое количество чужой музыки, что если начну что-то писать, это «что-то» на что-то будет похоже, потому что все уже забито насмерть. Я пропитан всей этой музыкой, и когда начинаю что-то импровизировать… А вообще по своей натуре я импровизатор, и когда меня приглашают на радио или телевидение записать какую-то музыку, я пишу только с одного дубля. Потому что второй дубль я уже играю по-другому. Поэтому стараюсь не делать ошибок и записываюсь только с одного дубля. Это моя композиция, и ее до меня не было. И каждое новое исполнение – всегда неповторимо. А ваш компьютер – он слишком однозначен и безвариантен. Вот в чем дело. Поэтому творчество – удел исключительно человека.

– Обычно мы спрашиваем у гостей нашего города: как вам Баку? И они, как это водится, заливаются на предмет «похорошел так, что я его не узнал»… Сегодня, когда город переживает не лучшие, с точки зрения эстетики, свои капремонтные времена (то, что ввысь – недостроено, то, что вглубь – недорыто), стесняешься лезть с этим вопросом. Потому спрошу так: Баку не очень удручил?

– Удручил, но не в смысле того, что недостроен или недоремонтирован… Не в этом дело. Удручает другое: вы знаете, пропал запах города Баку, пропало его очарование, пропало… Может, это во мне говорит ностальгия по юности, не знаю. Но того Баку, в котором я родился и жил 65 лет – в этом возрасте я уехал – больше нет! Нет того очарования Баку, с его потрясающей архитектурой, какую не встретишь ни в одном другом городе, с его Коммунистической улицей, Баксоветом, Исмаиллие, Академией наук, бывшей Телефонной… Я уже не говорю про Ичери Шехер, с его трогательно кривыми улочками – это ведь наследие старины, понимаете? И вдруг – эти небоскребы! А бала, строй, да! Строишь эти небоскребы, ну, строй их во втором микрорайоне, третьем, четвертом, строй в Ахмедлах, Гюнешлах… Строй, да, кто тебе что говорит. Строй, поселяй туда людей, улучшай их жилищные условия. Но не порть вид города! (*Срываясь на крик*). Не порть вид того Баку, который был непревзойденным по своей неповторимой специфике градостроительной! Ведь архитектура принадлежит не градостроителям, она принадлежит народу! Вот это меня угнетает!

– Надо обладать какой-то изощренной логикой, чтобы уразуметь подобное. Вряд ли

Тофику Кулиеву, живи он в наши дни, пришло бы в голову посвящать песню Баку – в сегодняшнем его виде.

– Видите ли…В английском языке есть такое выражение: *make money*. Я все сказал.

– Вы так играли, словно и не было обрыва длиной в энное количество лет – как хорошо, что он не превратился в пропасть! Невероятный он, песенный Азербайджан. Нет, не нынешний, а тот, который вы «привезли».

– Молодые должны знать, что была такая божественная музыка. Разве можно забыть «Sarı gəlin», разве можно забыть «Aman ovçu». Разве можно забыть «Sənə də qalmaz», этот немеркнущий авторский шедевр?!

– Это действительно редкий пример симбиоза музыки и текста. Скольким поколениям женщин эта песня была (и будет!) адресована, с ее печальным лейтмотивом, предупреждением-укоринкой: ну не будь же так капризна, все пройдет… и твой майский цвет… Знаете, песню на вашем сольнике закончили трое – Чингиз Садыхов, Азер Зейналов и… Агабек Султанов, неожиданно запевший вслух, не в силах больше сдерживаться… Он сидел рядом со мной и все кричал: «Браво, Чингиз!» Кстати, он же и сообщил мне, что песня эта написана на слова Расула Рзы. Почему я об этом не знала…

– А знаете, когда Тофик написал эту песню? В 1957 году, когда Рашид организовал Государственный эстрадный оркестр Азербайджана, для которого многие наши композиторы писали репертуар. И не только наши – из Москвы тогда приехали эстрадные поэты с тем, чтобы писать тексты для этих песен. Так вот, Тофик специально для Рашида написал эту песню – «Sənə də qalmaz». А я был тогда музыкальным руководителем оркестра. Я очень благодарен ему за нее и вообще считаю, что первым сделал то, что я делаю сейчас, он, Тофик Кулиев. Играть азербайджанскую музыку так, как я это делаю, я учился у Тофика Кулиева. И считаю, что все композиторы Средней Азии, Грузии, Армении и Азербайджана – ВСЕ! – должны были вместе собраться и Тофику при жизни поставить золотой памятник, потому что это был первый композитор на нашем Востоке, который народную музыку поднял до европейского уровня. Тофик – великий песенник Азербайджана. Один уже его «Üzüyümün qaşı» с его немыслимой музыкальной поэтикой может побить не одну оперу или балет в смысле попадания, вдохновения, я не знаю, умения объять мир и сделать это гениально лаконично! Я уже не говорю о великолепном исполнении Рашида!

– Знаете, о чем я сейчас подумала? Таланты всегда единичны, так исстари повелось, у нас же так получилось, что они «скопились» все в одно время. Tək-tük olur da bunlar əslində – yüz ildən bir, iki yüz ildən bir… Почему сегодня такого не происходит?

– Да-да, а они пришли в одно время. И – ушли. И все. И нет. А почему сегодня их нет – трудно сказать. Мышление было другое, понимаете, отношение было другое, менталитет был другой совершенно. Əlicanablıq var idi – вот! А сейчас – üç badam bir qoz.

– Бакинцы – из тех, что мы продолжаем оплакивать, хотя они и ходят с нами под одним небом, с их безукоризненным профессионализмом, умением делать работу играючи, с безудержной общительностью, готовностью рассмешить и рассмеяться и всегда неожиданными вывертами. Вот мы сейчас говорим с вами, вроде, на серьезные темы, а ощущение такое, будто внутри вас прыгают легионы веселых чертей – и это-то при вашем грандиозном «послужном списке»! Мало их сегодня, людей с таким «диагнозом». Это когда, с одной стороны, многогранность, охватывающая культурный пласт со дня самого его «рождения» и до наших дней, а с другой, – принципиальное до хлесткости бича остроумное отношение ко всему вокруг – ваше, садыховское отношение. Жаль, что так получилось. И лучшие – не здесь…

– Джек Лондон сказал: «Остроумие – это внезапное сочетание мыслей, которые до этого не были ни в каких соотношениях». И вот это самое остроумие, свойственное бакинцам той поры, эта безудержная радость жизни, это умение подтрунить над собой, а

ведь именно эта способность к самокритике, утраченная, к сожалению, сегодня, и делает, по сути, человека человеком. И, конечно, непредсказуемость, способность к экспромту, – очень интересно было находиться в кругу таких людей, творческими рожденных! Баку всегда был самым многонациональным городом бывшего Советского Союза. В Баку никогда никто никого не спрашивал: какой ты национальности. Ты хороший человек? Мое сердце открыто. Ты плохой человек – будь здоров, расти большой на радость маме, и больше чтоб я тебя не видел. Вот и все! А то, что ты еврей, грузин, армянин, русский, азербайджанец, – это не важно! Это никого не трогает. Была одна нация – бакинец, все, других наций не было. Я говорю о своей молодости. И когда мы выходили на наш «Бродвей», трехквартальный Бродвей – всего-навсего: от улицы Карганова до проспекта Кирова по Торговой – всего три подъезда! – вот это и был наш Бродвей. И вот когда мы, молодежь, выходили на него, все друг друга знали, «а, привет-привет, ты что делаешь вечером?» Наперебой, бывало, приглашали – идем ко мне домой, или – пошли в кино, говорят, хороший фильм идет… То есть каждый знал, что один он вечером не останется.

– *То было братство.*

– Братство бакинской молодежи! И когда спрашивали: «A bala, sən onu haradan tanıyırsan?», тот так и говорил: «По городу». И вот это выражение – «я его знаю по городу» – было только в Баку, больше нигде. В общем, «по городу» друг друга знали все. Если раз увидел, значит, друг. Всё! Если же ты с ним пошел в кино или ресторан – один раз, – он твой брат, məhlə uşağı.

– *В Сан-Франциско такого, понятно, не увидишь…*

– (*С горечью*). Ну что вы, о чем вы говорите! Дефицит общения на самом деле – сущее испытание.

– *Ну, вы не очень переживайте – то, о чем вы рассказали, давно утрачено, так что особенно не убивайтесь. Мы отвлеклись, однако… Каждая судьба имеет некие опорные точки – первый учитель, счастливый случай, первый успех или просто встреча – обо всем этом вы уже рассказали. А если говорить об американской составляющей вашего бытия – много было таких?*

– Мои опорные точки – это россыпь имен, которые украсили не только век ушедший, но и продолжают это делать сегодня. Если же говорить об Америке, то такой опорой стал для меня Ягуб Зуруфчу, всем известный. Я ему благодарен за то, что он ввел меня в иранскую диаспору. Азербайджанская диаспора Сан-Франциско представлена, в основном, иранской ветвью, очень сильная иранская диаспора в Калифорнии – 25 тысяч человек! А нас – мало. И при этом, что интересно, если приезжают артисты – они из Баку! Сестры Касимовы, Азер Зейналов, мастера мугама – таристы, кеманчисты… Так вот, американцы, завидев мой успех в иранской диаспоре, стали подходить ко мне и спрашивать: а какую еще музыку я играю? На что я тогда ответил, что играю всё! Азербайджанскую музыку, американскую, итальянскую – ну, всё. Они очень удивились, помню свой первый там концерт и первого плачущего зрителя – это была женщина, она проплакала всё мое выступление. Я подошел потом к ней и спросил, что это с ней было, на что она сказала: «Я впервые слышу музыку, которая может сотрясти всего тебя, сдвинуть с места сердце». Понимаете, я играю не так, как это делают наши гармонисты, – я все перевожу на тишайшее пиано. Так начинается момент откровения.

– *История с плачущей женщиной доказывает еще и то, что профессионал – он и в Америке профессионал. А конкурентоспособность – ключ к выживанию. А еще я подумала о том, что кроме достойных исполнителей нужны еще и «достойные» уши – я о тех, кому это исполнение адресовано. То есть можно выдавать шедевры и при этом…*

– Вопрос о публике, как я понял. А вы знаете, что она у нас всегда была одной из самых «трудных» в мире? Я имею в виду продвинутость бакинского зрителя, его пугающую не очень добросовестных гастролеров взыскательность. Само здание нашей филар-

монии заставляет людей быть более подтянутыми и более благородными, даже при том, что акустика после ремонта стала хуже, к сожалению... Вот лет 40 назад на концерты в филармонию приходили мужчины во фраках, а женщины – в вечерних платьях, понимаете, это были те, кто жил искусством в буквальном смысле – от концерта до концерта. Вот что такое настоящие ценители, настоящие интеллигенты! Я вам другое скажу – за время учебы в аспирантуре московской консерватории я сблизился с очень многими музыкантами: скрипачами, пианистами того времени, которые потом стали лауреатами международных конкурсов, великими исполнителями – дружба моя с ними не прерывается по сей день. И вот они мне говорили интересную вещь: знаешь, Чингиз, когда у нас в гастрольном графике значится Баку, мы всегда просим администратора поставить этот город подальше – не в начале гастролей, а подальше. Почему? Потому что для того, чтобы представить в Баку программу, мы должны обыграть ее в других городах. И если мы ее не обыграем, и она будет чуть-чуть сырой, бакинская публика это сразу заметит. И поэтому перед приездом в ваш город мы непременно обкатываем в 3-4 городах свою программу, чтобы она уже «села» – вот тогда мы можем позволить себе показать ее бакинцам.

– Критерий, однако, взыскательности.

– Именно! Нигде в мире зал так бурно аплодисментами не выказывал свою радость узнавания музыки с первых же аккордов – все гастролеры говорили об этом.

– Чингиз-муаллим, вы человек уникальной судьбы, в которой не было «проходных» вех, да и как они могли быть, когда партнеры по сцене – сплошь исполины! Вы из тех счастливчиков, кто знает о прикосновении к человеческому гению не понаслышке. И все же – казусы на сцене случались?

– Конечно, не без них. Все бывает в нашей практике – случается, например, певец забывает текст. Я это ловлю за секунду до «оказии» – ну, не знаю, как чувствую – и подсказываю нужное слово. А бывало и наоборот. С Шовкет, например, у меня был такой случай. Мы вышли с ней на сцену, она должна была спеть три или четыре песни. Первой шла «Getmə, getmə» Сеида Рустамова.

– Шедевральная песня!

– О! А слова там какие великолепные – помните, в припеве: «Yenə sürmə çəkmisən evlər yıxan gözünə»... Так вот мы вышли, а у меня было паршивое настроение – вот бывает такое, знаете, из разряда «çırtma vursan, qan çixar» – вот какое у меня было состояние! Пришел на концерт весь взвинченный, весь не в себе, с женой поругался, что ли, не помню сейчас... Начал Шовкет аккомпанировать, и вдруг я о ней забыл! Я стал играть для себя – переживал сам с собой, отдался своим тяжким думам. Правда, профессионализм сказывался, и я ей, по крайней мере, не мешал. Не старался для этого особо – я автоматически ей не мешал, понимаете? Внешне все было нормально, но внутренне она для меня не существовала в этот момент.

– Ну и чем все кончилось?

– Кончилось потрясающе. Она спела, поклонилась и ушла за кулисы. Я пошел за ней, она обернулась: «Чина, sən neylədin!!!» Я говорю: «Шока, nə olub?» «Ты так мне играл, что я не поняла, что спела...» Никогда мне не забыть и не простить себе этот проступок! Она была удивительно благородным человеком, ну необыкновенной женщиной!

– Помню, как вы ее называли – «гардашым».

– (*Смеется*). Так и было – она была сомышленником, настоящим братом по искусству! Второй такой певицы в Азербайджане в ближайшие сто лет не предвидится – это я вам гарантирую! Вообще в Азербайджане было три вокалиста – никогда больше не повторимых – это Бюльбюль, Рашид и Шовкет.

– А Муслим?

– Великий певец, но я сейчас говорю о народно-азербайджанских, а Муслим – он был все-таки певцом Советского Союза. Я с ним работал семь лет, объездил в свое время

всю страну – не осталось в ней ни одного уголка, где бы мы не концертировали. Нет такого города – от Прибалтики до Северного полюса! За границей были, правда, всего дважды – в Венгрии и на «Экспо-67» в Монреале. Муслим – это отдельная строка, это глыба советской эстрады, европейская ее «версия». А я сейчас говорю о фолк-музыке. Муслим Магомаев – это волнорез, разделивший советскую эстраду на до себя и после. Ведь что было до него? Была Шульженко, были Утесов, Хиль, Мулерман – все это была именно советская эстрада, даже не русская. Это было – за родину, за Сталина, как вам сказать…

– *Своего рода «соцреализм» эстрадный.*

– Ай sağ ol, вот-вот. И если бы не Магомаев, внесший в советскую эстраду элементы западной, то есть, сегодняшней эстрады, все это так и продолжалось бы опять в том же духе. Муслим сделал так, что после него уже появились такие, как Долина, Понаровская, mən nə bilim, та же Алла Пугачева и так далее, и так далее. Именно с Муслимом связано начало эры раскрепощенности на советской эстраде, все пошло по другим рельсам, понимаете? И в этом – огромное значение Муслима Магомаева. Но если говорить об азербайджанских певцах, азербайджанской музыке, то он сюда почти никакого отношения не имеет. «Вдоль по Питерской», сами понимаете…

– *Понимаю. А Бюльбюль, Рашид и Шовкет, значит…*

– При этом Бюльбюль и Рашид – кардинально различаются по своей творческой направленности. Да, и тот, и другой дошли до колоссальных высот в искусстве, но каждый в своей отрасли – Бюльбюль воплотил классический курс азербайджанской музыки, тогда как Рашид – эстрадной. А вот Шовкет феноменально представила нашу народную музыку. Вот они, три столпа!

– *Чингиз-муаллим, вы ведь аккомпанировали и начинающим певцам. Вспомнился Акиф Исламзаде, например.*

– Акиф только-только начинал выступать, он попросил меня подыграть ему «Sarı gəlin» и «Aman ovçu». Наш дуэт пришелся по вкусу Гейдару Алиеву, помню, мы ему очень понравились. А Акиф мне так и сказал: «Вы стольким знаменитостям аккомпанировали, может, сыграете со мной – и я стану известным…»

– *«Концертмейстер от Бога», «Гений сопровождения» – именно так отзываются о вас. Чингиз Садыхов – это человек, для которого не существует проблемы «транспорта» (музыканты понимают, о чем я говорю), то есть, проблем неудобных тональностей с кучей бемолей-диезов. Обычно их боятся, тональностей с чудовищным количеством этих самых знаков. Это я вам как бывший пианист говорю.*

– Это правда, я ничего не боюсь. Тональностей в музыке, как вам хорошо известно, – семь диезов, семь бемолей – 14, да? То есть14 мажорных и столько же минорных – итого 28. Для меня не существует разницы между ними в том плане, что, если я прихожу, и певец говорит – Чина, вот эта вещь идет в соль мажоре, но у меня голос сегодня не звучит, транспонируй мне на полтона ниже, сыграй в фа-диез мажоре, я говорю: пожалуйста, – и тут же, в темпе, и никаких разговоров.

– *Это уже не абсолютный слух, а абсолютнейший!*

– Так говорят, не знаю. Я могу, играя вещь в одной тональности, в середине через нон-аккорд перейти в другую тональность и продолжать в ней играть. Тебе удобно в ре–миноре – пой, неудобно, пой ниже или выше – без разницы. Я вам расскажу одну историю, которая произошла в моей последней поездке с Рашидом по Ирану. В Исфагане, куда мы приехали после Тегерана, первое, что я сделал, прибежал на то место, где мы должны были работать. Вижу, стоит великолепный «Стейнвей», настроенный, новый, очень удобный под пальцами – я был счастлив! Знаете, всегда говорю, что мы, пианисты, самые горемычные люди на свете, потому что скрипач, виолончелист или там тромбонист – все они играют на своем инструменте. Мы же играем на том, что нам дают – ино-

гда это бывает такое, что его и инструментом-то не назовешь. И когда попадается хороший рояль – мы счастливы, в противном же случае у нас прибавляется седины на висках.

И вот там, в Исфагане, увидев прекрасный инструмент, я подумал: «Ай Аллах, Saa gurban olum, все в полном порядке!» Вечером приходит Рашид, а у него камертон был, знаете, дудочка такая, и он взял на ней ЛЯ. Подошел к роялю, попробовал, и выяснилось, что у настройщика камертон был на полтона ниже – это было не ля, а ля-бемоль, и поэтому он весь строй настроил на полтона ниже – представляете себе? То есть ты берешь ля, а звучит соль-диез. Рашид меня подзывает. Говорит: в чем дело? Рашид Меджидович, говорю, хорошо настроен… «Но это на полтона ниже». Я говорю – ну и что? Вам же удобнее будет петь на полтона ниже, так что все великолепно. Но он был непреклонен. А мы поем 16 вещей в первом отделении и 16 во втором. И мне пришлось 32 азербайджанских и русских произведения, в том числе и классических, потому что он их пел, транспонировать на полтона выше – вы, как пианист, хорошо знаете, что это такое – в соль-диез миноре играть, причем с фиоритурами и прочим.

– И вы сыграли – с ходу, без репетиции, в темпе – все 32 произведения?!

– Сыграл. А что оставалось делать? «Мое горлышко привыкло именно к этой тональности», сказал он мне. Вот так вот. Вокалисты вообще не любят изменять своим привычкам…

– Но ведь это был риск и для него тоже – а вдруг бы вы не смогли? Вот что значит – тыл! Чингиз-муаллим, с кем бы вы ни выступали, ваш дуэт – это всегда блистательный тандем. А тандем – это единство противоположностей? Или здесь непременно должен быть синхрон?

– У кого как. Скажу только, что тандем, если он случается, – это и есть настоящее искусство. Вот, например, Нани Брегвадзе и ее пианистка, – помните, Медея – не помню ее фамилию? Вот что такое настоящий тандем! Или Образцова и ее Важа! Правда, это такая редкость… А Рашид позже, работая с другими, говорил им: «Ну что вы тут играете! Вот с Чингизом когда мы работали, он смотрел на меня, как на любимую женщину!»(*Смеется*).

– Сегодня, как бы это помягче выразиться, нелады между музыкантами не могут не удручать. А как они тогда выглядели – звездные войны? Или не было таких?

– Тогда было уважение. Сейчас этого уважения нет. Даже если кто-то кого-то не любил, даже если кто-то кому-то завидовал, даже если кто-то кого-то ненавидел – была культура общения. И поэтому недолюбливание, даже если оно и имело место, не перерастало в те самые звездные войны, которые бушуют сегодня, к величайшему моему сожалению.

– «Памятники не эмигрируют», – сказал в недавнем интервью всемирно прославленный писатель, ваш, кстати, тезка Чингиз Абдуллаев словами Евтушенко. А что же вы…

– Я очень люблю Чингиза, как приехал, позвонил ему. К сожалению, его здесь нет, он в отъезде. Я очень хотел с ним встретиться, но – не получилось. Ну, ничего. Я, честно говоря, влюблен в творчество Чингиза Абдуллаева, в его этого героя, Дронго, – все его книги у меня дома лежат, в Сан-Франциско! Все! И я вам должен сказать, что он его описывает каким-то совершенно фантастическим аналитиком. И это при том, что Дронго ведь – вымышленное лицо. Значит, сам Чингиз – потрясающий аналитик! Если бы он не был таким аналитиком, он бы не мог своего героя наделить вот такими способностями. Чингиз – глобально мыслящий человек.

– Вернемся к Чингизу Садыхову. Большая личность, где бы она ни находилась, непременно обрастает средой. Мне вновь вспомнился Рубинштейн: где бы ни стоял его рояль – в Брюсселе, Вене, Париже, даже гостиничном люксе – там и был центр русского фортепианного исполнительства. Параллель с вами напрашивается сама собой.

– Обязывающая параллель, черт возьми. Центр не центр, во всяком случае, получается такая вот штука – в любом обществе, где я появляюсь, тут же начинается: «А, Чингиз-муаллим, сыграй что-нибудь», «пожалуйста, для нас», «мы очень просим», и все в таком духе. То есть мне трудно появляться в обществе – так было в Азербайджане, так продолжается в Америке. Я всегда говорю – мне бесплатно поесть не дают (*заразительно смеется*). Это можете не писать, а впрочем, как угодно…

– *А каково это – приехать на родину, где нет своего дома? Жизнь в бакинском отеле, согласитесь…*

– Знаете, я не думал об этом. Баку – это и есть дом. Самый желанный, куда всегда рвешься всей душой. Я так и не освоил инглиш, не освоил чужой стиль жизни… Не «натурализовался», как вы выразились. Не получилось. Детям легче, не говоря уже о внуках. Вот мои все четыре внука – они уже американцы, по-английски чешут так, как я по-русски не умею. А я… Поверьте, порой такая тоска берет, единственное спасение – рояль, к нему я кидаюсь в такие минуты, забываясь. Начинаю играть час, другой… Вроде, легчает. Как на родине побывал.

– *Практически каждый свой «сольник» вы завершаете куплетом – посвящением супруге. Что это – дань…*

– Дань. Я вам скажу, что это такое. К величайшему сожалению, американцы – многие американцы, я не говорю все – понятия не имеют, что такое Азербайджан. Они даже не знают о существовании такой страны, понимаете? И поэтому мы с Джейран договорились, что прежде чем я начинаю играть там азербайджанскую музыку, она делает такое вступление – что такое Азербайджан. Рассказывает про город Баку, о композиторах наших, о том, какую музыку писали… Ведь что интересно, они понятия не имеют, что такое Азербайджан, но при этом знают Кара Караева! Это невероятно, я никак не могу к этому привыкнуть – удивляюсь всякий раз. Они знают симфонический мугам «Шур» Фикрета Амирова, а вот что такое Азербайджан, и где он находится, – не знают! (*Телефонный звонок – Франгиз Ализаде*). Фирочка! Как здорово, что ты меня здесь нашла! Приходи сегодня, умоляю! Буду ждать. (*Отключает мобильный телефон*).

– *Она мне преподавала современную музыку в консерватории, я пишу о ней.*

– Она единственный человек сейчас, который сегодня может представлять азербайджанскую классическую музыку. Во всем мире! Но что уж обидней всего, так это то, что многие там так и думают, что все они… армянские композиторы. Вот что нестерпимо! И грустно.

– *Могу себе представить. Но, думается, прыткость, бессовестность, клевета – как долго на этом можно продержаться? Талант, порядочность и достоинство – вот что противостоит. И победит. Очень хочется в это верить. В продолжение семейной темы – в свое время я училась с вашими дочками, они ведь тоже выбрали музыкантскую стезю. Значит, кто-то продолжает семейную традицию?*

– Да, и в этом еще одно мое счастье – обе они занимаются именно своей специальностью, не изменив ей. Ну что я могу сказать… Уехал я в Америку не потому, что мне хотелось уехать за границу. За 56 лет своей творческий деятельности я объездил полмира – начиная от Индии и кончая Канадой, был в 32 странах, так что «заграница» для меня – то же самое, что поехать в Тбилиси или Москву. Не это меня влекло. Главное для меня было вывезти моих детей, потому что мы с Джейран вдвоем в Баку всегда бы устроились, жили прекрасно и ни о чем бы не думали. А детям было бы очень трудно. Мы с Джейран уехали в Америку, чтобы вытащить детей туда, и вот я с гордостью могу сказать, что обе мои дочки – музыканты, как вы знаете, старшая – пианистка, младшая – скрипачка, она лауреат Закавказского конкурса…

– *Они у вас еще и красивые…*

– Да, очень красивые, я всегда говорю: «Фирма плохих не делает»… Обе они ра-

ботают по специальности в музыкальном колледже города Сан-Хосе – это в 40 минутах от Сан-Франциско, преподают, имеют множество учеников, обе очень хорошо устроены. Америка – такая страна, где без машины жить нельзя, а особенно в семье, если все работают, то у каждого должна быть своя машина. Так вот у моей старшей дочери три машины, у младшей – четыре… Все, вроде, хорошо, лучше и быть не может – это с одной стороны. Но с другой… Ностальгия по родине – по городу, по родственникам, по близким, по тому, как ты здесь родился и вырос, по тому, как гулял по Торговой с друзьями, по тому, как ты учился, влюбился, женился, как у тебя родились дети… Все это связано с этим городом, моим Азербайджаном, моей землей. Иногда бывает так тоскливо – вы даже себе не представляете…

– Представляем. Благополучный импозантный мужчина, прибывший из Сан-Франциско, – именно такое впечатление вы производили на первых минутах концерта. Но только на первых – по мере его разгара постепенно открывались детали совершенно иного сюжета, и становилось ясно, что вы – наш! Голос ведь дрогнул в песне – «yaralıyam»… Выходит, правду говорят: «Любая эмигрантская диаспора – это всегда печаль».

– Истинная правда. Порой так скручивает, что… Сядешь за рояль – у меня там стоит пианино дома, начнешь играть азербайджанскую музыку, свою, родную… Вы знаете, как бы хорошо ни было, как бы прекрасно ни было – эта вот полоса, которая есть на сердце (*показывает рукой*), она – не заживает… Безумно скучаю по Баку, по своей родине, своему народу – они всегда в моем сердце. Может, я не показываю этого каждую минуту, но, поверьте, – я этим жив! Скажу словами амировской песни: «Mən sizi araram»!

– Имейте вы шанс пустить время вспять… Вам 18 лет, вы музыкант. Вы – концертмейстер?

– (*После долгой паузы)*. Не знаю. Если мне 18 лет, то не знаю, если мне где-нибудь в районе 25-30 – знаю.

– Концертмейстер?

– Он.

– «Браво, Чингиз!»

– А напоследок я хочу сказать, что мне было очень приятно беседовать с вами, ну и – все то, что вы написали обо мне в газете об этом концерте, фактически обо мне, было настолько восторженно и настолько, честно говоря, много, что я немножко даже смутился, когда читал. Я вам очень благодарен за то внимание, которое вы оказали мне и моему искусству. Вы мне очень близкий человек, как родственница. Спасибо вам большое.

Послесловие автора

Более 10 лет прошло после встречи моей с уникальным музыкантом. С тем, кого великий Муслим Магомаев называл «гением азербайджанского пианизма».

Сегодня, когда его не стало, откровения его как бы звучат при ином освещении – пронзительнее, что ли, и роднее, как и мелодии, что лились из-под его пальцев…

Никогда не перерабатываю свои старые материалы. Это равносильно их убийству. Подновлять эмоцию того, уже далекого дня, по меньшей мере, глупо.

А тогда… Помню, как он отреагировал на те мои публикации, как позвонил из Сан-Франциско, утопив в комплиментах. С жаром, ему свойственным. По-другому и не умел. Ничего не умел. Ни играть, ни исповедоваться…

ГЮЛЯ МЕХТИЕВА

Феерический город

1

Я помню, как возвратилась в город:
Вокруг ни души, бело-черный пейзаж пуст.
Собирались прозрачные тени в прибежище Духа,
И каждая водружала знамя того, кого сопровождала.
По ступенькам поднимались они
В безымянный замок,
Невидимые в рассветной дымке.
Беззвучные шаги не нарушали
Спокойствия утра,
И мир был так зыбок и неясен,
Смутен и расплывчат...
Но понемногу стали заметны детали,
Проглянули штрихи, тона,
И вырисовалась дорога.

2

Как глаза закрою,
Вижу вас, солнечные блики, на траве,
Ощущаю простынь хрустящую свежесть.
В день завтрашний обращено то, что чувствую.
Вижу отдельные постройки на талой земле,
Повороты и улочки, смотрящие вдаль.
Различаю такие непохожие, но все-таки
Пребывающие под знаком единства деревья.

Город детства встречаю на заре.
Тень его восходит к Крепости.
Как будто не было прожито полвека
В его стенах –
Так непривычно всё, что вижу,
Не устали со временем глаза,
жадно воспринимают новое...

3

Меня всегда удивлял этот город,
С его скошенными домами
И плоскими крышами,
С открывающимися вовнутрь дверями...

Было так много всего
В смутном ощущении
Вседозволенности и всепрощения.
Отмечали праздники духа его обитатели,
Изображая на стенах домов
Небывалых существ.
Горланили дети,
Сопровождая процессии со странными куклами –
Символами жизни и смерти.
И плотно закрывались
крепостные ворота в вечерний час,
Чтоб не допустить в этот мир посторонних.

4

Деревянные балконы, увитые виноградной лозой,
Дающей прохладу в жаркий день,
Высаженные прямо у моря кактусы,
Доверие утра к Городу –
И еще многое, о чем хочется рассказать...
Но замирают звуки, изо рта вылетающие.
Длиной дорогой иду к истоку –
К школьному двору, куда привела меня мама,
Вооружившись очками с большими диоптриями.
Звуки классической музыки, пробивающиеся
Сквозь закрытые шторы,
Детский гомон.
Через годы выстраивают взрослые свой мир,
Взяв в него из детства всю любовь.
В тишине замирают мгновения...

5

Здесь все было тихо,
Пока не подул хазри.
Бакинский норд нёс прохладные надежды,
Вторгающиеся в жизнь города
Вместе с потоками воздуха.
Поднятая им пыль обжигала деревья,
Обволакивала прохожих
И продолжала свое шествие навстречу городу.
Насколько хватало глаз,
Тянулась узкая выбеленная дорога,
По обеим сторонам которой
Росли смоковницы
с причудливыми пятипалыми листами...
Это вторжение разбудило сонный город, который
Всегда немного отставал от ветра в движении.

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

По совести и закону

Уже при первых встречах капитан милиции Гусейнов показался Олегу человеком замкнутым и жестким. Он был среднего роста, но широченные плечи и мощный торс впечатляли настолько, что их обладатель казался более высоким. Движения его были нарочито медлительными, тщательно выверенными и четкими. Говорил он густым басом, никогда не повышая голоса и редко меняя интонацию. На всегда невозмутимом, бронзовом от загара лице, ярко контрастировавшем с иссиня-белой сединой волос аккуратной прически, от правого виска по щеке и до самого подбородка пролегала рваная извилистая линия шрама, придававшего ему довольно суровый и даже устрашающий вид. Уже потом Олег отметил для себя, что, когда Гусейнов начинал нервничать, эта ниточка становилась матовой. Глаза капитана смотрели из-под густых бровей с легким прищуром, задумчиво и устало-отстраненно, как бы давая понять, что уже ничто на свете не может их удивить.

Приказом начальника Кировского районного отдела внутренних дел на основании действующего положения, регламентирующего работу с молодыми сотрудниками, капитан Гусейнов, как один из опытнейших работников, был назначен наставником вновь прибывшему лейтенанту Олегу Аскерову, и по сему случаю им предстояло обсудить программу воспитательно обучающих действий на календарный год, имеющих целью максимально ускорить процесс профессионального становления последнего. Оба они прекрасно осознавали, что персональное наставничество носит довольно формальный и заорганизованный характер, и спущенные сверху заумные, далекие от жизни методички были тому еще одним очевидным свидетельством, а предлагаемые в них воспитательные мероприятия вызывали только скептические улыбки. В отделении уголовного розыска по штату числились всего шесть человек, и молодой инспектор с первого дня, без всяких на то указаний, был окружен опекой и истинно дружеской поддержкой старших коллег, за плечами каждого из которых было не менее полутора-двух десятков лет оперативной работы.

Гусейнов небрежно полистал методичку, покрутил в руках копию приказа, биографическую справку-объективку на лейтенанта. Читать там было нечего: школа, университет, армия. Служба в органах внутренних дел едва началась. Только потом, по истечении времени, дотошными кадровиками будут скрупулезно заноситься в личное дело офицера изменения, происходящие в семейном положении, отметки о перемещениях по должности и месту службы, наложенные взыскания и объявленные поощрения, записи о присвоении званий, наградах и ранениях.

– Вот что, – прервал, наконец, затянувшееся молчание капитан, устремив долгий, неподвижный, испытывающий взгляд на подшефного, – вы только что успешно завершили курсы первоначальной подготовки в Омской высшей школе МВД. Цели и задачи, стоящие перед уголовным розыском, вы осмыслили. Как говорится, теоретически подкованы, теперь предстоит опробовать эти подковы на практике, то бишь в

деле, и по ходу набираться опыта. Так ведь? – и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Коллектив у нас дружный, а как иначе, без спайки, взаимодействия и самоотдачи в нашей службе нельзя. Можешь положиться на каждого. Ты у нас уже две недели и, думаю, имел возможность присмотреться к людям, прочувствовать атмосферу. Не стесняйся обращаться за помощью к любому из нас, в том числе и ко мне. Если смогу быть полезен и понадобятся мои знания и опыт, будь уверен, я в твоем полном распоряжении. Напоследок хочу дать тебе совет: профессионализм – это важный козырь, но он всегда должен находиться в неразрывной связи с совестью и законом. Поэтому поступай всегда по совести, строго основываясь на законе.

На этом первое занятие было завершено, а последующие уроки профессионального мастерства проходили вне какого-либо расписания, непосредственно в процессе работы, полной различных неожиданностей, стрессовых ситуаций, неприятных и непростых испытаний. Дежурства, экстренные вызовы на места происшествий, нескончаемая череда оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступлений, розыск и задержание преступников, бессонные ночи, погони, засады накрепко сплелись в единое целое и монотонно перетекали изо дня в день. Дни пролетали стремительно, все сильнее затягивая в как бы головокружительную гонку по спирали или по кругу трека с перманентным увеличением и так уже запредельной скорости. Этот жесткий служебный ритм захватывал настолько, что порой начинало казаться, будто вся остальная жизнь существовала только в качестве его фона.

Тогда, именно в первый год службы, под влиянием скопившейся усталости, систематического недосыпания и не спадающего напряжения моральных и физических сил, давлением жизненных неурядиц и неудач Аскерова не раз посещала предательская мысль сбросить скорость, внимательно, неспешно присмотреться к окружающему миру, прислушаться к происходящему вокруг и, не исключено, уйти с дистанции, оставив позади эту странную, изматывающую душу работу. А потом начать новую жизнь. Иметь нормированный рабочий день, обеденные перерывы, загодя планировать свое свободное время, загородный отдых, отпуск, проводить выходные и праздничные дни в кругу близких, а не вскакивать по ночам по тревоге, не заступать на бесконечные дежурства, связанные с постоянными объявлениями вариантов усиленного несения службы, а тем паче казарменного положения.

Но недовольство собой, внутренний ропот как-то угасали сами собой в этом бешеном, захватывающем спурте, и все оставалось по-прежнему. Он и сам не мог разобраться, почему. То ли уже окончательно втянулся в этот беспокойный ритм, своеобразную службу, изобиловавшую опасностями, постоянным риском и валом адреналина, а может, просто не отпускала инерция.

С наставником они быстро сдружились, у него было чему поучиться как в плане профессионализма, так и житейской мудрости. Из рассказов старших товарищей Олег постепенно узнавал о капитане много интересного и поучительного. О нем все отзывались очень уважительно, ценя его человеческие качества и самоотдачу в работе.

Гусейнов прошел дорогами войны тысячи километров от предгорий Кавказа до Берлина. На фронт он попал рядовым курсантом Бакинского пехотного училища. Боевое крещение получил совсем еще мальчишкой в тяжелейших оборонительных сражениях, которые советские войска вели против превосходящих сил гитлеровцев. После первых же боев его в числе лучших курсантов, прибывших с пополнением, включили в состав заградительного отряда стрелковой дивизии. Это был резерв командира соединения, и его бросали на самые уязвимые участки обороны отражать

прорывы танковых подразделений фашистов, сопровождаемых пехотой. В бою под Моздоком он был ранен, но вскоре вернулся в строй и продолжал сражаться уже в составе роты противотанковых ружей, зарекомендовав себя умелым, отважным бойцом, никогда не терявшимся и сохранявшим самообладание даже в крайне сложных ситуациях. В тяжелейших кровопролитных схватках рос его боевой опыт, как и число уничтоженных танков врага. Не случайно вскоре его назначили командиром взвода ПТР, и прямо на передовой, непосредственно в окопах, ему были вручены первые офицерские погоны. А впереди была Курская битва, где его бронебойщики, проявив мужество и стойкость, внесли свой вклад в разгром огромной группировки фашистов, сорвав несколько массированных танковых атак. Потом освобождали земли Украины, Белоруссии. Ратный путь молодого офицера был отмечен несколькими боевыми наградами. В 1944 году его, как опытного, отважного офицера, хорошо зарекомендовавшего себя в сложнейших ситуациях, направили для дальнейшего прохождения службы командиром взвода в штрафную роту.

Штрафников бросали на самые сложные, наиболее укрепленные участки оборонительных позиций гитлеровских войск для прорывов или, как обычно говорили, «пробоев», и они шли в отчаянные атаки под шквалом встречного губительного огня, ценою огромных потерь взламывали оборону противника, открывая путь основным силам наших наступающих войск. Народ во взводе был непростой, с нелегким прошлым, трудными, изломанными судьбами, среди которых было немало бывших уголовников, освобожденных из мест лишения свободы по амнистии и призванных в армию, но совершивших повторные преступления, а также военнослужащие, допустившие серьезные нарушения дисциплины и устава. Каждый бой мог принести им прощение в виде искупления вины, будь то смерть на поле брани или ранение.

Молодой командир относился к ним по совести и справедливости, в строгом соответствии законам военного времени. Несмотря на возраст, а многие из подчиненных годились ему в отцы, его уважали за мужество, решительность, стойкость и умение смотреть в лицо опасности. Он рисковал жизнью наряду с ними и вел их за собой в атаку, не будучи штрафником. Офицеры штрафных рот славились отчаянной смелостью, и не случайно каждый их фронтовой день засчитывался за шесть.

Победу Гусейнов встретил в Берлине. На видавшей виды гимнастерке старшего лейтенанта было одиннадцать боевых орденов и медалей и четыре нашивки за ранения, два из которых тяжелые. А выслуга лет ненамного уступала его возрасту.

Демобилизовавшись, он вернулся в родной Баку, планировал работать на судостроительном заводе, мечтал стать инженером, но судьба распорядилась иначе. Его, как бывалого офицера-фронтовика, направили на службу в органы внутренних дел, и пришлось сменить армейскую форму на мундир солдата правопорядка. Армейская выучка, самодисциплина, богатый фронтовой опыт, аналитический ум помогли ему быстро войти в курс дела, и на протяжении всей своей службы он входил в число лучших сотрудников. В конце сороковых-начале пятидесятых годов его неоднократно внедряли в бандитские группы для их последующего разоблачения и ликвидации. На его счету было множество раскрытых тяжких уголовных посягательств, предотвращенных правонарушений, сотни задержанных особо опасных преступников.

Олег работал уже второй год, период наставничества над ним остался далеко позади, но отношения со старшим товарищем только крепли. Лейтенант не переставал удивляться его работоспособности, интуиции, оперскому чутью принимать выверенные решения в экстремальных ситуациях, а главное, умению слушать и

понимать людей, сопереживать им, напрочь игнорировать пустые условности во взаимоотношениях в обществе, нередко посягающие на истинные человеческие ценности в желании их подменить. Честность, добросовестность, принципиальность, ответственность были для Гусейнова неизменным жизненным вектором.

В 1975 году, к Дню Победы, ветерану Великой Отечественной войны было присвоено звание майора милиции, и Олег был очень рад за него. А спустя несколько месяцев Гусейнов стал готовиться к отставке. С годами все чаще давали о себе знать старые раны, особенно простреленные ноги, труднее становилось ходить.

В РОВД, по сложившейся доброй традиции, готовились в торжественной обстановке проводить ветерана, отдавшего службе несколько десятков лет жизни и внесшего свой весомый вклад в дело охраны общественного порядка.

График дежурств на каждый месяц составлялся в конце предшествующего месяца, и случилось так, что дежурство Гусейнова совпало с днем получения приказа об его увольнении. Его хотели подменить, чтобы избежать этой досадной накладки, но он категорически отказался: «Я на дежурство уже заступил и сдам его, как положено, завтра своему сменщику!»

Следующим в графике был Олег. Утром они встретились в дежурной части РОВД, перекинулись несколькими словами об оперативной обстановке, обсудили ряд рабочих вопросов, и лейтенант заступил на дежурство. Гусейнов же заторопился домой, чтобы переодеться и успеть к совещанию личного состава, посвященного его проводам, назначенному на двенадцать часов.

Олег по обыкновению принялся изучать суточное донесение, но в этот момент поступило сообщение об убийстве. Следственно-оперативная группа, не задерживаясь, собралась у машины, загудел мотор, и они собирались уже выезжать, когда вдруг перед ними возникла фигура Гусейнова.

– В чем дело, Олег? – спросил он.

– Убийство, товарищ майор.

– Я с вами, – без дальнейших расспросов сказал, как отрезал, майор и уселся на заднее сиденье.

На месте выяснилось, что неизвестный напал на мужчину средних лет, собиравшегося выехать из гаража. Преступник пытался завладеть автомобилем, но, встретив сопротивление хозяина, застрелил его. На шум выстрела прибежали соседи. Убийца хотел уехать на автомобиле, но мотор заглох, и тогда он, угрожая оружием, бросился бежать в сторону маслиновой рощи.

Выслушав сбивчивые рассказы взволнованных очевидцев, Гусейнов приказал Олегу, не теряя времени, организовать преследование вместе с младшим инспектором-кинологом и служебно-розыскной собакой. Для осмотра места происшествия оставались следователь и эксперт-криминалист. А сам майор, неожиданно для всех, вместе с водителем заскочили в УАЗ и, резко развернувшись, уехали.

Овчарка сразу взяла свежий след, и немолодой инспектор- кинолог явно не поспевал за ней. Олег, на ходу перехватив у него длинный поводок, прибавил скорость, и собака, чувствуя свободу и близость убегающего преступника, неудержимо рванулась вперед. Они пробежали еще километра полтора по густо засаженной оливковыми деревьями роще. Кинолог безнадежно отстал, и Олег стал опасаться, что собака сбилась и ведет по ложному следу, уж больно резво она неслась. Они миновали небольшой овраг, откуда начинался не крутой, но затяжной подъем. Побежали по нему, и в этот момент прогремели два выстрела, а над головой просвистели пули. Лейте-

нант залег, перевел дыхание, достал пистолет, снял предохранитель и случайно, на долю секунды, ослабил руку на поводке. Этой оплошности было достаточно, чтобы возбужденная азартом погони овчарка вырвалась, стремительно помчалась вверх и исчезла в кустах, откуда прозвучали три выстрела, и раздалось жалобное повизгивание. Олег на одном дыхании добежал до кустов и увидел убегавшего зигзагами преступника. Расстояние между ними увеличивалось. Вот он, согнувшись и помогая себе руками, преодолел последние метры подъема. Лейтенант из последних сил предпринял изнурительный рывок. Убийца скрылся из виду, и надо было во что бы то ни стало догнать его и обезвредить. Тяжело дыша, он достиг, наконец, вершины и опешил от неожиданности, увидев перед собой своего наставника, а неподалеку, у милицейской машины, задержанного преступника под охраной водителя.

– Как вы догадались, товарищ майор, что он побежит именно в этом направлении? – вырвалось у лейтенанта.

– Это просто. Он же понимал, что рощу скоро оцепят, а это самый кратчайший путь к карьеру, а за ним автотрасса, – ответил майор. – А что там у вас стряслось, слышишь, как собака скулит?

– Джек ранен.

– Тогда быстрее беги назад, несите его сюда!

Олег застал расстроенного кинолога с раненой собакой на руках. Лейтенант сбросил куртку и расстелил на траве. Помогая друг другу, они быстро преодолели подъем. Бережно уложив овчарку на заднее сиденье, кинолог, выругавшись, яростно подскочил к преступнику и замахнулся на него, но, поймав на себе негодующий взгляд майора, съежился, как от удара, и повернул назад.

Лицо Гусейнова оставалось спокойным, но шрам на лице стал матовым, и Олег знал, что это плохой знак. Выполняя указание майора, они усадили задержанного в специально оборудованный отсек за задним сиденьем, тогда как Гусейнов с видом, не предвещавшим ничего хорошего, отойдя в сторону, закурил. Лейтенант подошел к нему, желая разрядить ситуацию. Ему было жалко старшего сержанта, потерянно сидевшего в УАЗике и что-то нашептывавшего Джеку.

– Все готово, товарищ майор, можем ехать, – подчеркнуто бодро доложил Олег и, не дожидаясь ответа, негромко добавил, – простите его, ведь по совести он поступил правильно. Джек для него не просто собака, а друг. Да и я перед ним виноват, поводок-то был у меня, а я не удержал. Торопились очень, боялись, уйдет. Я ведь не знал, что вы преступнику уже путь отрезали.

– Не переживай, вы сделали все правильно, плотно и настойчиво его преследовали, не давали времени на размышления и передышку, вымотали основательно. Я едва успел, прибыл сюда минут за пять до вашего финиша. Обезоружить его ничего не стоило, сказались усталость и эффект неожиданности. А Джек, я думаю, скоро поправится и вернется на службу, – сказал майор, сделав еще одну глубокую затяжку и затушив сигарету. – Вот и закончилась моя служба, лейтенант. У тебя все впереди, и, поверь мне, еще будет немало серьезных поводов задуматься как о совести, так и о законе, их никогда нельзя разделять и поддаваться эмоциям.

С этими словами он дружески подтолкнул своего воспитанника к машине.

Торжественное собрание в Кировском районном отделе внутренних дел началось несколько позже назначенного времени. Все собравшиеся сотрудники знали, что виновник торжества опоздал по объективной причине, но такова уж специфика милицейской службы.

Шиховский пляж

Правду говорят люди о сильно изменившейся за последние десятилетия погоде. Джафар хорошо помнил, как в шестидесятые годы вместе с одноклассниками уже в марте – начале апреля убегали с последних уроков на шиховский пляж. Яркое весеннее солнце радовало душу, и охватывало непреодолимое желание побыстрее окунуться в еще довольно прохладное, но такое желанное море. Прозрачная, чистая вода, мягкое песчаное дно, деловито снующие у берега серебристые стайки рыбок, величественное парение чаек оказывали умиротворяющее воздействие.

Забыв обо всем на свете, мальчишки подолгу плавали, вдоволь ныряли с эстакады, с прибрежных скал, а потом бросались навзничь на горячий песок и блаженно замирали. Возвращались с пляжа в приподнятом настроении, обгорелые и счастливые, полные радостных впечатлений. По дороге домой нетерпеливо договаривались о будущих поездках. К официальному началу купального сезона, а открывался он 1 мая, Джафар с друзьями могли похвастаться устойчивым бронзовым загаром. Они чувствовали здесь себя полноправными аборигенами, ловя на себе завистливые взгляды сверстников и немного снисходительно поглядывая на белотелых, осторожно ступающих по горячему песку новичков-отдыхающих.

День ото дня пляж становился все более многолюдным и многоликим. Часов с семи, а иногда и пораньше, первыми сюда прибывали пенсионеры, бабушки с внуками, молодые мамаши с малышами. Чуть позже пляж уже напоминал детский сад на выезде. Неугомонный радостный ребячий гомон заполнял все пространство как на суше, так и в воде. Под неослабным присмотром взрослых детишки, резвясь, бегали по песочку, купались, загорали, а в промежутке с аппетитом поглощали фрукты, пили чай с бутербродами, ели мороженое. После двух-трех часов пребывания ранние купальщики, пока солнце еще оставалось по-утреннему мягким, начинали собираться домой, чтобы не обгореть. На некоторое время на пляже становилось тише и менее многолюдно. В период с двенадцати и примерно до трех часов под полуденными горячими лучами солнца пляж замирал, и только его завсегдатаи, к которым относились и Джафар с друзьями, продолжали плавать и загорать как ни в чем не бывало. А затем, примерно к пяти часам, народ начинал интенсивно прибывать, и ближе к вечеру яблоку негде было упасть. Приезжали целыми семьями, дружными бакинскими дворами, малыши, молодежь, люди среднего и преклонного возраста. Отдыхали активно, помимо плавания, играли в бадминтон, шахматы, настольный теннис. На футбольных и волейбольных полях начинались захватывающие матчи. Почитатели спортивной гимнастики собирались на специально оборудованных площадках с турниками, брусьями, кольцами. Любители борьбы устраивали схватки прямо на песке, заменявшем импровизированный ковер. Настроение у всех было приподнятое, праздничное, и, казалось, здесь собрались давние знакомые. Люди самозабвенно отдыхали, наслаждались общением, мир казался им таким же добрым и улыбчивым, как лица окружающих. Обстановка приподнятости, общей открытости располагала к беседам, шуткам, знакомствам. По праву, это была территория взаимопонимания, доброжелательности, общей радости и счастья, готовности любить окружающий мир.

Естественно, что полнейший аншлаг наблюдался в субботу и воскресенье. Тогда место в тени, под навесом или деревьями найти было нелегко. Но люди с готовностью теснились как могли, дружелюбно подшучивая над теми, кто, не успев еще как следует искупаться, уже обгорал до красноты. Им наперебой заботливо со-

ветовали, как обойтись в этом случае минимальными потерями.

Любимый бакинцами шиховский пляж. О нем с детства знал каждый горожанин, поскольку он был самым доступным во всех отношениях. Пляж находился в пятнадцати минутах езды от самого центра. С площади Азнефть один за другим шли маршрутные автобусы и троллейбусы. Проезд всего за пять, а на экспрессе десять копеек. Неплохо работал общепит с общедоступными свежими пятикопеечными бубликами, булочками и минеральной водой по десять копеек. Джафару как-то довелось прочитать в вечерней газете «Баку», что в нерабочие дни шиховский пляж посещают обычно свыше десяти тысяч отдыхающих. На каникулах в школьные и студенческие годы Джафар порой проводил здесь целые дни, общался с друзьями, много плавал, играл в футбол, волейбол и обязательно брал с собой что-нибудь почитать. Он причислял себя к завсегдатаям пляжа.

У них сложилась веселая, дружная, бесшабашная компания молодых парней и девушек, спортсменов, студентов разных вузов, выделявшихся своим неизменным превосходством над соперником на спортивных площадках. Ну, конечно же, еще и загаром, свидетельствовавшим о том, что его обладатель с завидным постоянством посещает пляж. То есть проводит здесь все свободное от учебы, работы и тренировок время. Знаменита была эта группа еще и своими заплывами далеко за полосу прибоя, что вызывало большой интерес и любопытство у отдыхающих и беспокойство службы спасателей. При этом пловцы проявляли своеобразную дисциплинированность. Правила поведения на воде, во избежание конфликтов со спасателями, они не нарушали, так как дальние заплывы совершали далеко за пределами охраняемой пляжной зоны, как они между собой говорили, на чистой воде вольного моря.

Обычно заплыв продолжался около часа, удалялись примерно на пятьсот-семьсот метров от берега. Плавали разными стилями, отдыхали на спине и возвращались на берег в районе скал в каком-то особенно приподнятом настроении. Спасатели, в подавляющем большинстве бывшие спортсмены, хорошо их знали лично. В заплывы не вмешивались, терпеливо наблюдали со своих вышек в бинокль и облегченно вздыхали, видя их выходящими на берег. Сюда же посмотреть на пловцов частенько подходили многочисленные отдыхающие, восхищенные красивыми, но крайне рискованными, на их взгляд, заплывами.

Как давно это было, сколько лет, а вернее десятилетий минуло, неожиданно для себя ужаснулся Джафар. Все разительно изменилось, к сожалению, существенно похолодало не только на море… Видимо, оттого и на пляж совсем не тянет.

Джафар тоскливо смотрел с балкона во двор, тесно заставленный машинами и переполненными мусорными баками. В последнее время он все реже выходил из дома, охваченный чувством подавленности, буквально витавшим в воздухе, поэтому удивился своему неожиданному желанию прогуляться по городу.

В центре стояла нестерпимая жара. Пространство между кичливыми, разномастными высотками, создавая мрачное ощущение, напоминало каньон. Натужно гудел моторами городской транспорт, сбившийся в пробки и взрывавшийся пронзительными звуковыми сигналами и криками раздраженных, озлобленных друг на друга водителей, невольных товарищей по несчастью. Они показались Джафару владельцами железных мустангов, насчитывавших сотни лошадиных сил, количество которых было показателем значимости городских мустангеров.

Преодолев подземный переход, Джафар, недоуменно поглядывая по сторонам, медленно побрел по бульвару, сменившему свою патриархальную, расслабленную

тишину и тенистость аллей на громыхание одиозных развлекательных аттракционов и нескончаемую массу примитивных торговых точек разного калибра, с одинаково заоблачными ценами.

Он давно здесь не был и неприятно удивился увиденному. Непроизвольно ускорив шаг, Джафар дошел до Азнефти, где ведомый каким-то неосознанным решением неожиданно для себя вошел в автобус, следовавший через Шихово в поселок Локбатан. Он не мог объяснить, зачем ему вдруг понадобилось это сделать, почему это пришло ему в голову. Но думать об этом, копаться в собственных неосознанных чувствах ему не хотелось. В дороге сидел молча, в напряженном ожидании своей остановки. Когда, наконец, автобус прибыл на место, он был единственным, кто из него вышел. Ступив на землю и пройдя, как в тумане, несколько шагов, Джафар внимательно осмотрелся и немного растерялся от того, что окружающая обстановка оказалась совершенно незнакомой. Обступившие его глухие стены, за которыми возвышались вычурные строения, напрочь дезориентировали. Море вообще не было видно. Проплутав какое-то время, он неожиданно натолкнулся на шлагбаум и увидел, наконец, блеснувшее под лучами заходящего солнца море. Облегченно вздохнув, Джафар устремился в ту сторону. Но тут за спиной выстрелом прозвучал грубый окрик, и он в недоумении оглянулся.

– Куда идешь? Там пляжная зона.

Хамовитая манера обращения резанула, как скальпелем, но он сдержался, желая пройти дальше, избежав конфликта. Невозмутимо посмотрев на окрикнувшего его верзилу, он как можно спокойнее, укоризненно ответил:

– Я иду на пляж. Вон, впереди море.

– Тогда плати деньги. Ты что, не знаешь, что пляж платный?

Только сейчас Джафар вспомнил, что как-то слышал разговоры о платных пляжах, но не поверил. Даже на фоне творящегося беспредела, именуемого рыночными отношениями, у него в голове никак не укладывалась даже гипотетическая возможность торговать солнечными лучами и морской водой.

– Я не собираюсь купаться, – как можно спокойнее произнес он. – Пройду, посмотрю на море, подышу воздухом и вернусь назад.

Охранник посмотрел на него с нескрываемой злобой и, наслаждаясь ощущением собственной власти, презрительно процедил:

– Я сказал, нельзя, иди отсюда. Бесплатно дышать будешь в другом месте.

Высказывать свое справедливое негодование этому скоту не имело никакого смысла. Опыт последних лет подсказывал Джафару, что лучше не ввязываться в конфликт, хотя очень хотелось одернуть наглеца. Бессмысленно взывать к совести тех, у кого ее нет. Этому небритому, развязному типу ничего не стоило начать драку, не глядя ни на возраст, ни на седины. Это продукт новой эпохи стяжательства и агрессивности. Он никогда бы не понял, что десятки лет назад здесь все было по-другому.

Джафар молча вернулся к автобусной остановке, его охватила нервная дрожь. Чтобы успокоиться, решил пройтись пешком в сторону города пару остановок и лишь потом сесть в автобус. Поглощенный своими невеселыми мыслями, он преодолел какое-то расстояние и, вдруг справа, между строениями, мелькнула до боли знакомая узкая полоска моря. Джафар мгновенно узнал этот береговой участок со скалами, откуда они совершали свои заплывы. Значит, их еще не приватизировали, с горькой иронией подумал он, и ноги сами понесли в их сторону. Так, к неописуемой радости, он оказался на хорошо знакомой с детства кромке скалистого берега.

У него даже перехватило дыхание, и он, словно оцепенев, неотрывно вглядывался в морскую даль. Представив далеко ушедшее прошлое, валом нахлынули воспоминания. Подумал, что без малейшего сожаления, не задумываясь, отдал бы оставшиеся годы жизни, чтобы хотя бы на несколько минут вернуться в то время. Увидеть глаза и улыбки друзей, ощутить ту уверенность в завтрашнем дне, с которой они тогда жили. Под влиянием приятных воспоминаний вкралась озорная мысль, а что, если искупаться, тем более, что вода к вечеру всегда теплая. О нырянии со скалы не могло быть и речи. Он стал подыскивать удобный спуск к воде, когда неожиданно до него донесся чей-то голос:

– Идите сюда. Тут в расщелине между скалами удобный спуск к воде.

Джафар оглянулся, в непосредственной близости от него, как он только его раньше не заметил, на камнях расположился мужчина примерно его лет, круглолицый, в очках и с короткой бородкой. Он махал рукой и приветливо улыбался.

– Спасибо, – ответил Джафар и, подойдя к нему, представился.

Незнакомец встал, с готовностью протянул руку для рукопожатия и назвал себя – Михаил. Это был человек среднего роста, с внимательным взглядом и учтивыми манерами. Сняв тенниску и брюки, Джафар осторожно, чтобы не поскользнуться на скользкой поверхности скалы, осторожно вошел в воду. Проплыв с десяток метров, повернул обратно и с трудом выбрался обратно на скалу. Новый знакомый, как и он, видимо, попал на пляж случайно. Об этом свидетельствовали лежавшие рядом с дорожной сумкой аккуратно уложенные костюм, сорочка и галстук.

– Ну, как водичка? – спросил Михаил.

– Прохладная, – односложно ответил Джафар, успевший пожалеть, что не воспротивился соблазну искупаться. Не учел, что теперь придется идти домой в мокрых трусах. Этого не хотелось, а перспектива долгого ожидания, пока они высохнут, тоже не радовала. Он вздохнул и досадливо покачал головой.

– Вы чем-то расстроены? – нарушил молчание Михаил. – Отвлекитесь от своих мыслей, и давайте вместе перекусим.

Не дожидаясь ответа, он извлек из сумки пакет, расстелил на камнях полиэтиленовую салфетку, сноровисто, по-хозяйски разложил на нее половинку батона, помидоры, огурцы, пару вареных яиц, тонко нарезанные кусочки колбасы и сыра. Импровизированную сервировку завершил синим пол-литровым термосом.

Джафар попытался отнекиваться, но потом посчитал, что его упорство может обидеть человека и, поблагодарив, уселся рядом.

– Вы немного обгорели, – участливо произнес он, встретившись глазами с Михаилом.

– Да, – охотно ответил тот. – Есть чуток, не смог удержаться, слишком заманчиво было желание искупаться и позагорать. Мне эти места памятны с детства. Жалко, что все вокруг обезобразили заборами. Что называется, приватизировали. Я когда сюда ехал, совершенно не планировал купаться. Хотелось посмотреть на море, побродить по берегу и по нему же выйти к скалам. Но дело оказалось невыполнимым. Стены, охранники, шлагбаумы, рычание сторожевых собак сразу развеяли мой романтичный настрой. Такое невозможно даже представить себе. Сюда вышел совершенно случайно, проплутав какое-то время в полной прострации. В прежние времена обычно на шиховском пляже было очень много народа. Мы с ребятами всегда договаривались встретиться именно на скалах. Здесь у нас была своеобразная точка сбора. И уже отсюда расходились кто куда. Одни рыбачили, другие купались, третьи

просто бродили по пляжу, подключались к спортивным турнирам. В городе, бывало, встречались на Торговой или у кинотеатра «Низами». Раньше часто шутили, что Баку маленький, оттого все друг друга знали. Я вчера приехал, посетил могилы родителей. Сегодня, только вышел в город, сразу потянуло сюда, – продолжил словоохотливый Михаил. – Захотелось побыть наедине со своими мыслями. На воде, как известно, следы не остаются, но, глядя на нее, многое приходит на память. Здесь я ощутил себя как-то необычно, почувствовал дыхание прошлых лет, а вернее той, уже безвозвратно ушедшей жизни. – Михаил замолчал и после длительных раздумий продолжил. – Мои воспоминания навеяли такую грусть, что мне вдруг очень захотелось, чтобы кто-то пришел, ибо исподволь меня охватило какое-то жуткое отчаяние, одиночество. Не представляете, как обрадовался вашему внезапному появлению.

Сочувственно улыбнувшись, Джафар дружески дотронулся до собеседника.

– Мне тоже по душе наша встреча.

Михаил растроганно посмотрел ему в глаза.

– Я с ностальгией вспоминаю наш город, из которого уехал более тридцати лет назад. Свою девяносто первую школу, политехнический институт, завод, на котором начинал трудовую деятельность. Вспомнил родной двор, одноклассников, спортивную секцию в «Динамо», посещение концертов в «Зеленом театре», шахматный клуб на бульваре, библиотеку имени Ахундова, где готовились к экзаменам, выпускной вечер и гуляние по ночному городу, а потом пляж.

Он говорил, а перед глазами Джафара, как в кино, проходили кадры из жизни Михаила, и они были поразительно похожи на его собственную. «Мы наверняка должны были не раз встретиться, – подумал он. – Возможно, в автобусе, библиотеке, на Торговой, в драмтеатре, на стадионе, да бог его знает, где еще. В конце концов, на пляже. Молодежь тогда любила проводить свободное время в центре города, пойти в кино, неторопливо прогуляться по бульвару. Квартирные телефоны были тогда не у всех, но обходились легко. Назначали встречи у институтов, кинотеатров, на перекрестках центральных улиц. При необходимости, без осложнений находили друг друга, благо, обязательность и пунктуальность очень ценились».

– Знаете, – прервал затянувшееся молчание Михаил. – Когда я бывал на пляже, то обычно приходил сюда. Во-первых, вода рядом, ныряй прямо со скалы, а во-вторых, не так шумно. Здесь обычно располагалась группа спортсменов. Крепкие, веселые ребята, человек двадцать. Мне нравилось наблюдать, как они, бывало, заплывали далеко от берега. Сам я с детства – очкарик, плохо плавал и всегда смотрел на них с некоторой завистью. Они плавали разными стилями и чувствовали себя в воде очень уверенно. Я не решался подойти познакомиться, поскольку был младше лет на пять. Поверьте, не знаю, почему, но, придя сюда, я сразу про них вспомнил. Веселые, дружелюбные, загорелые парни и девушки, полные сил и позитивной энергии. Мне нравились их взаимоотношения, открытость, чувство юмора. Они казались мне суперменами и заряжали меня оптимизмом. Я невольно слышал их разговоры, увлекательные дискуссии на различные темы, восхищался их эрудицией. Среди ребят были как гуманитарии, так и технари. У них все получалось необыкновенно легко и весело. Однажды я стал свидетелем их торжественного заплыва, посвященного проводам в армию одного из них. Все это выглядело очень забавно и смешно. Вот бы вернуть это время хоть на пару минут. – Михаил мечтательно вздохнул. – Как бы хотелось их увидеть. Кстати, после выпускного вечера и традиционной прогулки по городу мы ранним утром приехали на шиховский пляж.

За беседой новые знакомые слегка перекусили, поочередно выпили из термосной крышки чаю. Затем уселись загорать, подставив спины под лучи заходящего солнца. Сидели молча, как в детстве тесно прижав колени к груди и положив на них подбородок. Прошло достаточно много времени, прежде чем Джафар спросил:

– Когда вы собираетесь домой?

– Завтра, утренним рейсом.

– Тогда, наверное, пора по домам? Пойдем потихоньку.

– Нет, – ответил Михаил. – Я рассчитался с гостиницей, планируя переночевать здесь. До вашего прихода как-то взгрустнулось, даже пожалел о своем решении, но теперь убедился, что оно было правильным. Признаюсь, на душе тяжело. Вряд ли когда-либо доведется здесь побывать. Годы идут, безвозвратно удаляется прошлое. Время безжалостно унесло с собой мир, в котором мы росли. Забываются и его прежние обитатели с их житейскими радостями, достижениями, печалями, трудовыми буднями и проблемами. Переобувшимися на ходу псевдодемократами были жестоко извращены, казалось, незыблемые духовные ценности, над которыми сейчас откровенно глумятся андроиды, взращенные на коррупционных схемах.

В словах Михаила послышались такие грустные нотки, что у Джафара на глаза навернулись слезы.

– Вот что, Михаил, – проговорил он, собравшись с мыслями. – Пожалуйста, поедем ко мне, поужинаем. Моя жена будет рада принять такого гостя. А утром я вас провожу в аэропорт.

– Спасибо большое. Мне очень приятно ваше приглашение, но я уже в предвкушении ночи воспоминаний. Прошу вас, не настаивайте и поймите меня правильно. Я много лет во сне и наяву мечтал вернуться сюда, посидеть на берегу и встретить рассвет.

Джафар понимающе улыбнулся. Они просидели дотемна, делясь сокровенными мыслями и обмениваясь воспоминаниями, как старые, добрые знакомые, встретившиеся после длительной разлуки. Распростились за полночь с ощущением какой-то особенной духовной близости. Добравшись домой, Джафар, несмотря на усталость, так и не смог уснуть. Его обуяло беспокойство за Михаила, как он там, на пустынном берегу, один ночью. Перед глазами вставало притихшее, тронутое легкой зыбью море. В ясном свете луны виделся силуэт сидевшего на скале человека, переживавшего заново давно прошедшие годы совершенно иной жизни, от которой у него только и остался этот клочок суши, омываемый морем.

Утром Джафар встретил Михаила у входа в аэропорт. Тот не удивился его приходу. Они обнялись, не в силах говорить. Прощаясь, оба с трудом сдерживали слезы, но были глубоко благодарны судьбе, подарившей им мимолетную, случайную встречу, которая, несомненно, останется в их памяти до последнего дня жизни.

Когда приходят клоуны

Промозглый, осенний вечер менее всего располагал к вечерней прогулке, но в полной мере соответствовал более, чем пасмурному настроению Акшина. Поэтому, прежде чем отправиться домой, он решил немного пройтись. Съежившись от сыпавшихся в лицо холодных дождевых брызг, он поднял воротник куртки и, надвинув на лоб берет, аккуратно обходя лужи, направился в сторону центра, с его яркими фонарями и светящимися витринами. Ему необходимо было развеяться, успокоиться. По мере возможности, отвлечься от беспокоивших его мыслей, гнетущего ощущения

неумолимо надвигающихся неприятностей, в которые втянулся по собственной вине.

Суть состояла в том, что еще при первом прослушивании и собеседовании с будущей ученицей у него сложилось впечатление бесперспективности предстоящих занятий. Но, видимо, подвела самонадеянность. После некоторых колебаний он согласился рискнуть. Повлияло также и предложение родителей девушки платить почти двойную ставку. Репетиторством, являвшимся существенным дополнением к зарплате в симфоническом оркестре, он занимался давно и имел заслуженную репутацию опытного педагога, неизменно успешно подтягивавшего абитуриента к критериям, предъявляемым консерваторией. Он начал курс с энтузиазмом, делая, казалось бы, невозможное, но усилия были тщетны. Понимание их безнадежности крепло день ото дня, не отпуская ни на минуту, в процессе уроков. Поступление в консерваторию по классу скрипки родители девушки, недалекие, но с аристократическими претензиями, рассматривали как удачную инвестицию в повышении статуса семьи в глазах окружающих. Терзаемый угрызениями совести, Акшин ходил на занятия, как на каторгу, дивясь и недоумевая, как могли в музыкальной школе ставить этой девочке положительные оценки при отсутствии не только задатков таланта, но даже средних способностей. Ругая себя за нерешительность, мягкотелость и непоследовательность, более того, за беспринципность, он неоднократно давал себе слово поговорить с родителями начистоту и положить конец контрпродуктивному, бессмысленному делу. Но каждый раз почему-то не хватало решимости. Шло время, и он понимал, что оно работает против него. Надо отдать должное, ученица, в свою очередь, очень старалась, готовилась, ловила каждое его слово. Тем обиднее было сознавать тщетность их общих усилий. Ему казалось, что где-то в глубине души это чувствовала и девочка, но, вероятно, надеялась на чудо и его опыт. Долго так продолжаться не могло, недовольство собой росло. В этот раз он пришел на занятие с деньгами, полученными за два предыдущих месяца. Хотел их вернуть, извиниться, что вынужден прервать работу по состоянию здоровья, и попрощаться. Дома он настроил себя на это, но осуществить задуманное не смог, не собрался с духом.

Неизвестно, сколько бы времени Акшин еще бродил под холодным, моросящим дождем, кляня себя за нерешительность и изводя бесконечными построениями сценариев интеллигентного финала неприятной истории, если бы не случайная встреча с давним приятелем Фуадом, а попросту Фатиком. Тот, как, впрочем, и всегда, выглядел очень импозантно и пребывал в приподнятом настроении. Радостно поприветствовав Акшина, он, ни о чем не расспрашивая и не давая опомниться, сразу вручил ему один из своих двух массивных пакетов и подхватил под руку.

– Как хорошо, что я тебя встретил. С лета не виделись, пойдем отметим это событие у моего друга. Это рядом, в следующем доме. Там и поговорим. Давай быстрей, мы уже опаздываем. Он художник и мой компаньон, человек творческий, нашего разлива. Приятнейший в общении, чудаковатый, тебе понравится.

Нерешительные попытки Акшина уклониться от приглашения Фатик беспечно игнорировал, увлекая его за собой, и тому пришлось не без некоторых колебаний подчиниться. Дверь им открыл мужчина примерно их возраста, с интеллигентным лицом. Приветливо улыбаясь, он поздоровался и пропустил их вперед. Оставив в прихожей куртки и головные уборы, они вошли в мастерскую, в которой царила богемная обстановка. Повсюду лежали холсты, кисти, тюбики с краской, стояли два мольберта разного размера, с холстами на подрамниках, висели картины, исполненные маслом и акварелью. У Акшина чуть не закружилась голова от обилия находя-

щихся в работе всевозможных карандашных эскизов, рисунков, графических набросков, портретов, пейзажей, натюрмортов. Не будучи глубоким ценителем живописи, он, тем не менее, интересовался ею, преклоняясь перед художниками, и атмосфера мастерской настолько очаровала его, что заставила забыть о своих треволнениях. Он с удовольствием разглядывал картины, сюжеты некоторых из них были узнаваемы, их приходилось видеть у книжного пассажа, где в течение целого ряда лет художники ежедневно выставляли свои творения на всеобщее обозрение и продажу. Тем временем Фатик, чувствовавший себя здесь, как дома, не теряя времени, сноровисто и со знанием дела разложил на журнальный столик принесенные с собой напитки и разнообразную закуску. Надо отдать должное, импровизированный стол получился на славу и выглядел довольно привлекательно.

– Что вы, соколы мои, пригорюнились, мы не на поминках, а на встрече друзей. Не вижу оптимизма в глазах и радостных улыбок, – бодро произнес он. – Кто бы знал, как меня утомила вечно ноющая творческая интеллигенция с ее нравственными переживаниями, амбивалентностью, повышенной чувствительностью, глобальными мыслями о человеческом бытие, смысле жизни и сострадании к ближнему. Все глупость, не уподобляйтесь рохлям и не грузите себя поиском истины, которой нет в природе. Все чушь. В два счета докажу вам свою правоту, основанную на собственном опыте и наблюдениях. Фатик говорил все это в обычной для себя шутливой манере, ироническим тоном, не оставлявшим ни малейшего шанса на какие-либо возражения. Он разлил по рюмкам коньяк, предложив выпить за удачу. Опустошив рюмку, с улыбкой обратился к Акшину. – Ну, добрый молодец, скажи, какая твоя кручина? Что мешает предаваться радостям жизни? Что тебя гложет? Поделись и облегчи мечущуюся душу. Быть может, в криминальной схватке отжал чей-то объект или не знаешь, как без потерь обналичить праведно нажитые тяжким трудом миллионы манатов, перевести их в доллары и спрятать в офшоре? Возможно, прихватив ненароком пару-тройку чужих предприятий, ведешь непримиримую борьбу с конкурентами, а может, просто задумал драпануть за рубеж от жестоко обманутых пайщиков? Не переживай, мы войдем в твое положение, сейчас нас уже трудно чем-либо удивить.

– Да о чем ты говоришь, какие там миллионы, объекты, обманутые пайщики, – отмахнулся Акшин и в двух словах, без особой охоты, поделился своими проблемами.

– Ну, вот, – торжествующе воскликнул Фатик. И его лицо расплылось в широкой улыбке. – Ты интроверт, сделавший из мухи слона и распустивший нюни. Теперь с наслаждением страдаешь за свои и чужие глупости.

– Почему вдруг глупости? – задетый его тоном возразил Акшин.

– Да потому, что глупости, все надо называть своими именами. Хочешь, я с успехом заменю тебя, и все пройдет на высшем уровне. Но уверен, это тебе не поможет. Ты найдешь другую причину винить себя и продолжать мучиться оттого, что мир не совершенен. Юсиф такой же, – кивнул Фатик в сторону художника. – Скука с вами зеленая. Давайте-ка по второй. – С удовольствием выпив коньяк, он продолжил. – Судя по оплате, отец твоей ученицы крупный коммерсант или чиновник. Позволь узнать, на какой ниве он изволит самоотверженно трудиться? – услышав ответ, Фатик разразился насмешливой тирадой. – Ну, ты и чудак. Страдалец ты мой законченный. Она не поступит! Она не поступит! – передразнил он Акшина. – Ну, что я говорил, – обратился он к молчаливому художнику. – Ты ответь, не стыдно ему? Фортуна улыбается ему во весь рот, а он канючит, проявляет недовольство. Даю голову на отсечение, эта девочка запросто поступит и без твоих уроков. Деньги и положение отца – самый

весомый аргумент. Никто не посмеет обвинить ее в бездарности. Прекрати ныть, продолжай как ни в чем не бывало ходить на уроки, отдыхать и непрестанно хвалить ее за талант. Полученные деньги трать без зазрения совести и воспринимай, как разумную компенсацию за потерю времени. Ради тебя я бы взял на себя это тяжкое бремя, но боюсь, что Фортуна, дама капризная, у нее характер изменчивый, обидится и повернется к тебе спиной. – Наполнив себе третью рюмку, Фатик выпил ее содержимое и продолжил с долей астеизма свою полную сарказма речь. – Вас, друзья мои, мучает комплекс неполноценности, неосознанной вины и ответственности интеллигенции за состояние дел в современном обществе. Все мура, традиционные предрассудки субтильных интеллектуалов. От них необходимо безоговорочно избавляться. Акшин, мы вместе учились в музшколе, в которой я, по настоянию родителей, промучился семь лет. Волею судьбы пришлось мне с грехом пополам закончить и художественное училище, кстати, в одной группе с тобой, Юсиф. Сами понимаете, могу с полным основанием говорить, что оба эти направления искусства я успешно освоил в той или иной степени. Но, разочаровавшись в них, проливая горючие слезы, безжалостно закопал свой бесспорный талант. Поступив в финансовый институт и блистательно вылетев из него, я окончательно понял, что жить и относиться ко всему надо проще. Решил не связывать себя каким-то одним конкретным занятием. На этом поприще многое пришлось перепробовать эмпирическим путем. Начинал с распространения гербалайфа и разъяснений его пользы, потом поставлял корм для домашних животных, занимался всеми видами дизайна, в том числе ландшафтного, изобретал всевозможные услуги, торговал всем, что позволяло законодательство. За это время я многое перевидал и сделал для себя главный вывод, что руку надо держать на пульсе и чувствовать ритм времени. В основе всего идея, своего рода квинтэссенция взаимозависимости спроса и предложения в условиях рыночной экономики. – Опрокинув очередную рюмку, Фатик обратился к Юсифу. – Ты, бесспорно, талантливый художник, но прозябал на улице со своими картинами, стеснялся, краснел, когда с тобой торговались, и уступал их за смешные деньги, радуясь малейшему заработку. А ведь трудился, как на барщине, еле сводил концы с концами. Мне понадобилось приложить минимум усилий, провести маркетинг, и все изменилось. Бык был схвачен за рога, и твои работы пошли на поток. Сейчас у тебя нет отбоя от выгодных заказов. Обзавелся квартирой, собственной мастерской. Хронически недовольная жена словно переродилась, довольна жизнью. Прежде не хотевшие знаться родственники с ее стороны бегают вокруг тебя, как в хороводе. А ты все также сумрачный, сидишь с потерянным видом, напоминаешь царевну-несмеяну. Распрямись, ощути себя хозяином положения и дай понять это другим. Э, да что с вас, непонятых гениев, взять. Очнитесь, прочувствуйте до конца, в какое время вы живете. Вы думаете, я лишен честолюбия и не хочу оставить свой след в мировом искусстве. Ничуть не бывало. Как только у меня появится свободное время, создам шедевр не хуже Малевича и нарисую белый треугольник. Дам почву для глубоко научной полемики мудрых искусствоведов.

Он хотел еще что-то добавить, но неожиданно отвлекся, основательно занявшись приготовлением себе нескольких бутербродов. Воспользовавшись случайной паузой в разговоре, Акшин встал и остановился возле одной из картин. Художник не замедлил присоединиться к нему.

– Не желаете ли взглянуть на полностью завершенные работы, они в соседней комнате, – предложил он. Стены второй, небольшой комнатки до самого потолка были увешаны портретами.

– О, тут целая портретная галерея, – изумился Акшин. Со всех сторон на него смотрели спесивые, надменные мужчины в штатской одеже, костюмах, фраках, смокингах и в униформе с погонами, аксельбантами, многочисленными наградами на груди. Под стать им были и дамы, обвешанные роскошными драгоценностями, претенциозно одетые, с высокомерными взглядами. – Элита, – произнес после некоторого раздумья Акшин, обернувшись к художнику. Тот уловил его злую иронию и в тон ему ответил:

– Еще какая, доморощенная, самопальная. Когда они чванливо позируют, я чувствую то же самое, что и вы, слушая скрипичные перлы своей бездарной ученицы. Сколько в них отвратительного жеманства, высокомерия, экзальтированности. И, самое противное, это завышенная самооценка, взращенная на огромных деньгах, крайнем невежестве и духовном убожестве. Я благодарен Фатику, подсказавшему мне эту идею и по сути раскрутившему ее. Несомненно, занятие довольно выгодное, но полностью выхолащивающее мысли о творчестве. До этого я довольно продолжительное время рисовал виды старого города, лошадей у берега моря, горные водопады, речки с оленями на берегу. По качеству обычная мазня, но разбирали. Новые хозяева жизни возводят огромные виллы, обзаводятся квартирами площадью с футбольное поле. Стен много, и их надо чем-то драпировать. Фатик предложил оставить в покое прежние, как он выразился, лубочные картинки и перейти к портретам, которые котируются выше и стоят гораздо дороже. Согласитесь, приятно вчерашнему мелкому предпринимателю или функционеру, круто взлетевшему вверх по социальной лестнице, лицезреть свое вельможное изображение на холсте в массивной, резной, золоченой багетной раме. Это же прямое свидетельство, что жизнь состоялась. Они раздуваются от удовольствия, жаждут величия, упиваются своей значимостью. Противно до рвоты, но, как любит повторять наш общий друг, кто платит деньги, тот заказывает музыку. Я человек не конфликтный, но, когда совсем невмоготу, позволяю себе слегка подтрунить. Представляете, предложил одному деятелю пририсовать еще одну звезду на погоны, все равно ведь получит. И что вы думаете? Согласился без зазрения совести.

Завязавшуюся беседу прервал подошедший Фатик. Опустошив в гордом одиночестве бутылку коньяка и вкусно закусив, он чувствовал себя на подъеме.

– Все еще продолжаете увлеченно полемизировать о смысле жизни? Негодуете по поводу сбившейся системы координат человеческого измерения? Лучше вслушайтесь в ритм современной жизни. В воздухе витают меркантильность, расчет, статусность. Задумайтесь, как прибыльный шоу-бизнес безжалостно вытесняет истинное искусство, и не нам с вами идти против течения. Надо трезво воспринимать все это и спокойно заниматься тем, что приносит деньги. Могу вас успокоить, в этом направлении у меня масса идей. К примеру, я задумал новый проект, кстати, исходя из страстных пожеланий публики. Думаю, нам стоит приступить к изготовлению родовых гербов для нуворишей, сочинять и дарить им развесистые генеалогические древа. Акшин, я надеюсь, ты тоже поучаствуешь в этой работе? Займемся поиском в глубине веков родовитых предков нынешней неповторимой элиты. Заверяю вас, преинтереснейшее занятие – облагораживать ближних своих. Естественно, как водится, любой каприз за их деньги. Я предвижу твои возражения, Юсиф, и они напрямую связаны с твоей закомплексованностью. Ты ехидно спросишь: откуда мы найдем нужные сведения, информацию о предках клиентов? Я отвечу, не задумываясь: в полете нашей творческой фантазии! Смелее вглядывайся в минувшие столетия и без оглядки изображай предка твоего клиента, к примеру, рядом с адмиралом Нельсоном на мостике боевого корабля или обменивающегося рукопожатием с Наполеоном во время битвы под Аустерлицем,

консультирующего Бальзака на раннем этапе его творчества, запросто музицирующим с Моцартом. В конечном итоге, если потребуется, одень в доспехи римского военачальника. Ты себя недооцениваешь, Юсиф. Посмотри, какая у тебя прекрасная галерея портретов. Ты уверенно идешь по стопам Ганса Макарта или, по меньшей мере, Константина Маковского, получивших известность благодаря портретам знати. Можно даже сравнить тебя с Джорджем Доу и его портретной галереей героев 1812 года. Как ты находишь, Акшин, – с лукавой улыбкой спросил Фатик.

– Вот еще, сравнил, – с неудовольствием возразил Юсиф. – Они выдающиеся художники, а в моем активе лошадки, резвящиеся у моря и ряженые.

– Ну и что, – невозмутимо перебил его Фатик. – В очередной раз повторяю: надо быть реалистом. Ты пойми, в жизни, как на арене. Выходит красавец-атлет, покоряет всех своей силой, мужеством, ловкостью, способностью совершать то, что другим не под силу, одно слово, герой. Его провожают овациями, восторженными аплодисментами. Потом наступает пауза, и выходят клоуны. Их место на арене в отсутствие героев… Ты рисуешь то, что имеешь.

Акшин с Юсифом переглянулись. Последняя фраза приятеля произвела неожиданно сильное впечатление. Проникшись ее смыслом, они, как по команде повернулись в сторону Фатика, а тот, тем временем нетвердыми шагами дойдя до кресла, уселся в него и мирно задремал.

Бескомпромиссный борец

Маленькая, щуплая, бедно одетая старушка, видимо, очень волновалась, говорила сбивчиво и торопливо, но он с первых же ее слов понял, о чем идет речь, и, осторожно пригубливая горячий чай, снисходительно посматривал в ее сторону. Посетительница, с трудом скрывая свое неподдельное возмущение, рассказала о том, как в их микрорайоне, во дворе многоэтажных домов, приступили к строительству громоздкого торгового объекта и в связи с этим собираются вырубить большое количество деревьев. Она просила его, как высокое должностное лицо, вмешаться и пресечь это варварство, напомнив, что городские власти неоднократно заявляли о своем намерении решительно и бескомпромиссно бороться с незаконным уничтожением, самовольной вырубкой зеленых насаждений.

– Не волнуйтесь, – успокоил он ее, – мы наладили должный контроль на местах и нетерпимо относимся к малейшим нарушениям. Никогда не допустим самоуправства. Деревья – наше общее богатство, и покушаться на него никому не позволено. По названному вами адресу никакой вырубки не планируется. Я в курсе дела. Там всего с десяток старых, больных, полусгнивших деревьев. Они свое уже отжили, и их уберут.

– Как десяток? – всплеснула руками старушка, и губы ее задрожали. – Что вы такое говорите? Там не менее сотни деревьев, и ни одного старого, полусгнившего: тополя, сосны, дубки, инжир, тутовник, вечнозеленый кустарник. Мы всем двором, целыми семьями сажали, десятилетиями ухаживали. Посмотрите, какую красоту создали, настоящий парк, – она указала рукой на лежащие фотографии.

Он, лениво взяв их, недоверчиво посмотрел одну за одной всю пачку. Его квадратное, одутловатое лицо побагровело, он еще раз уже более внимательно их перебрал и, подняв глаза на собеседницу, не сдержавшись, со всего маха, зло ударил по столу кулаком.

– Обманули, подлецы, никому нельзя верить на слово! Забыли о совести, только про свой карман думают. Вот и доверяй людям после этого. Невозможно работать, одно жулье. Ну, я им устрою! Это им дорого обойдется! Спасибо вам, что сообщили мне, поверьте, все они будут наказаны.

Не обращая абсолютно никакого внимания на посетительницу, он стал лихорадочно просматривать небрежно разбросанные на письменном столе деловые бумаги, разыскивая листок с записью, сделанной во время беседы с владельцем строящегося объекта. Наконец, найдя его, мстительно хмыкнул, увидев, что там стояла цифра десять, а напротив другая – трехзначная. Отложив листок в сторону, он закурил, затем, схватив мобильный телефон, несколько раз подряд набрал номер, но, не дозвонившись, поручил секретарше срочно вызвать кого-то из подчиненных. Тот практически мгновенно предстал перед ним с напуганным лицом, и хозяин кабинета, перейдя на крик, приказал немедленно ехать по указанному адресу и пересчитать каждое дерево во дворе.

– Если ошибешься хоть на одно, выгоню с работы! – разъяренно бросил он ему вслед. Старушка с благодарностью глядела на него. Бурная реакция чиновника такого ранга на происходящее ее приятно удивила и обрадовала. Прощаясь, она сердечно поблагодарила его за бескомпромиссность к нарушениям и внимание к обращениям людей. – А как же иначе, – напыщенно ответил он. – Пока я курирую этот важный участок, так и будет, не сомневайтесь. Борьба с нарушителями будет столь же бескомпромиссной.

Старушка ушла и через час с удовольствием, в подробностях делилась впечатлениями с соседками о своем удачном визите на прием к ответственному лицу и о его принципиальной реакции.

– Вот видите, а вы говорили, жаловаться бессмысленно, все делается в сговоре с продажными чиновниками, и все куплено, – не уставала повторять воодушевленная старушка. – Я еще раз убедилась, свои права надо и можно отстаивать законными методами. Представьте себе, этот руководитель даже поблагодарил меня за мою социальную активность и своевременный сигнал. Будьте уверены, наш двор в безопасности, успокойте всех соседей. Теперь уже наверняка никто не посмеет безобразничать.

Тем временем хозяин кабинета не находил себе места, со жгучим нетерпением ожидая возвращения своего подчиненного, и когда тот только успел показаться на пороге, громко воскликнул:

– Ну, что? Почему так долго возился?

– Ваше указание выполнено. Там сто семь деревьев, – ответил тот почтительно, растянув губы в улыбке. – Я пересчитал и каждое сфотографировал.

– Так, – хлопнул по столу ладонью хозяин кабинета, – обмануть меня решили. – Он протянул листочек бумаги с номером телефона и угрожающе произнес. – Сейчас же позвони от моего имени по этому номеру и предупреди, что у нас есть схема посадки деревьев в этом дворе, и если срубят хоть одно, самое маленькое, им несдобровать, мы составим протокол и передадим, куда следует, их призовут к судебной ответственности. Они узнают, с кем имеют дело. – Смерив недовольным взглядом подчиненного, он наставительно сказал. – Иди и запомни, надо уметь работать с населением, знать ситуацию на местах и правильно реагировать на жалобы и заявления.

На следующий день, после утомительного, трехчасового ожидания в приемной к хозяину кабинета был допущен владелец строящегося торгового объекта. Робко

ступая, он вошел на полусогнутых ногах, с виноватым выражением лица и сразу пустился в длительные, невнятные объяснения своего сложного материального положения, жалостливо бубнил о трудностях бизнеса и униженно, буквально слезно, просил извинения за невольно причиненное беспокойство, ссылаясь на своих недобросовестных помощников, неправильно посчитавших деревья. Хозяин кабинета, не считая нужным сдерживаться, дал полную волю своему сильнейшему негодованию. Он рвал и метал, осыпая просителя градом оскорблений и упреков.

– Ты, ишак, думаешь, я тебе поверил, когда ты врал, что во дворе всего десять деревьев и сунул мне мелочь. Я просто проверил, что ты за человек, и можно ли с тобой иметь дело? Вот, у меня записано, что там сто семь деревьев, и я это отлично знал. У меня составлена схема и имеются фотографии. Я хотел проверить степень твоего крысятничества и непорядочности. Ты меня решил кинуть, теперь я подожду, попробуй тронь хоть одно дерево, сразу попадешь в тюрьму, и никакой стройки. Зеленые насаждения – это общее достояние. Давай, иди отсюда!

Посетитель съежился, втянул лысую голову в плечи, взмахнул руками, жалобно сморщился и плачущим голосом попросил войти в его бедственное положение, опасливо протянув конверт с деньгами. Небрежно подвинув к себе конверт, хозяин кабинета, послюнявив пальцы, пересчитал купюры и с оскорбленным видом вернул его обратно.

– Ну, ты, наглец, не стыдно тебе, а штраф за обман? Давай еще столько же или уходи! Когда ты меня обманул,я дал себе слово, что накажу тебя и заставлю за каждое дерево заплатить вдвойне. Не нужно торговаться, никаких компромиссов быть не может. – Достав сигарету и щелкнув зажигалкой, хозяин кабинета глубокомысленно произнес, глядя в потолок. – Тебе должно быть известно, что зеленые насаждения – это огромное богатство города, в них вложен труд тысяч людей, а ты ради наживы лезешь сюда со своей жалкой торговой точкой, нарушаешь экологию и покой граждан.

Посетитель, слушая его речь, тупо уставившись, перед собой что-то подсчитывал и шевелил толстыми, пересохшими губами, затем сглотнул слюну и обреченно полез во внутренний карман пиджака, понимая, что без денег компромисса не достичь, и деревья продолжат жить на радость людям.

…Когда через какое-то время несказанно огорченная, обманутая старушка после долгих мытарств, наконец, пробилась к нему на прием и, глядя в глаза, спросила:

– Как же так? Вы же обещали?

Он ничтоже сумняшеся, натужно сопя, привстал, перегнулся через письменный стол и, понизив голос, заговорщицки хрипло прошептал:

– Я, как и обещал, боролся бескомпромиссно, изо всех сил, но вы же знаете, в каком мире мы живем, дело решилось через мою голову.

Он грузно опустился на стул и, многозначительно подняв указательный палец вверх, страдальчески сморщился.

Старушка расстроенно вздохнула, испытывая неловкость перед этим человеком, горячо поддержавшим ее, вступившим в бескомпромиссную борьбу за спасение деревьев и наверняка поэтому пережившем серьезные неприятности. Сочувственно посмотрев на него, она извинилась за причиненное беспокойство и, попрощавшись, не поднимая головы, вышла из кабинета.

«Отрывок из задуманного» – так обозначил предложенный редакции материал известный прозаик Надир Агасиев. Именно из задуманного – не из написанного. Объяснение здесь простое: задумок у него множество и все очень любопытные – он умеет увидеть обычное, казалось бы, явление в ракурсе, в каком остальные его не видят, подметить то, чего другие не замечают, и уложить это – не в сюжет даже, а в некий литературный пазл, который ему – это ощущаешь при чтении его прозы – было увлекательно складывать, а читателю, соответственно, интересно рассматривать. Проза его действительно складывается как бы из зеркальных осколков, в которых отражается реальность, переплетенная с фантазией – воспоминания автора из минувшего, их философское осмысление, то, что было, и чего не было, но могло бы – или не могло бы – быть в его жизни. Но для того, чтобы все это сложилось и уложилось в задуманный автором пазл, задуманное должно стать продуманным, и лишь потом лечь на бумагу. Агасиев – автор вдумчивый, он не торопится поскорее выплеснуть на бумагу и обнародовать свои мысли и чувства. Но когда это все же, наконец, происходит, читатель может насладиться настоящей, крепко сбитой прозой, не клишированной не банальной, а очень своеобразной – агасиевской.

«Отрывок из задуманного» публикуется в ноябрьском номере «Литературного Азербайджана» не случайно: в ноябре у Надира Агасиева юбилей – ему исполняется 70 лет. Знаменательная и славная дата! Время, когда за плечами огромный жизненный багаж и, значит, есть чем поделиться с читателями. Тем более, что у Надира Агасиева это здорово получается.

Коллектив редакции журнала «Литературный Азербайджан» поздравляет нашего автора и коллегу с 70-летним юбилеем и желает ему здоровья и еще многих лет в литературе, творческих успехов и новых литературных пазлов, которые мы с нетерпением будем ждать.

НАДИР АГАСИЕВ

Отрывок из Задуманного

Он тот, кто ведет нас во мраке суши и моря,
и кто посылает ветры радостной вестью
пред своим милосердием.

Коран в переводе Крачковского
Сура 27. Муравьи

Идея эта зародилась во мне тридцать лет и три года назад от дружеского участливого упрека. Мы втроем: А.Г., И.Д. и я сидели в кафе у самого моря, на нашей бакинской «Венеции». Официант сервировал стол.

«Что ж ты, милый мой, такой переполненный-то ходишь?» – спросил А.Г. Ответа от меня не требовалось, просто надо было прислушаться.

Я действительно был переполнен, не мог пересилить себя, заставить что-то сесть писать. Хотя я писал, писал везде – в метро, в автобусе, дома, лежа на диване, писал не «в стол», а «в себя», в голову светлую свою, писал и каждую минуту мог быть со всем своим «написанным», с которым,считал, вовсе необязательно с кем-то делиться.

«Откуда вы знаете, А.Г.?»

«А это видно, – ответил он. – Надо, милый ты мой, сесть писать, опустошаться!»

Рецепт был правильный. И я тогда озорно подумал: вот бы взять и «сдуться», выплеснуть все из себя, суметь совместить несовместимое: рассказы, пьесы; слить во единое целое коронованных особ, мотористов катеров, дизелистов, девушек, что мне нравились, вельмож, короля, что был придуман еще в студенческие годы, – всё в кучу и чтобы получилось цельное произведение. Идея мне понравилась, зажила во мне. Жила ровно тридцать три года.

А.Г. и раньше упрекал меня, писал между сессиями, что если я не хочу писать, могу этого и не делать. Мне была понятна его досада. На одном из семинаров в институте он сообщил, что я был первый, кого он решил взять на свой семинар прозы. Хотя мне было и лестно, но думаю, так уж получилось, что работы мои, присланные на конкурс в Литературный институт, попались ему в числе первых.

А я писать всегда хотел, даже еще в четвертом классе. На обложке тетради написал печатными буквами: «Мои первые книжки». Была раньше такая книжная серия. Я завел тетрадь, но не решался записывать, стал писать «в себя» свои рассказы. Мой одноклассник Лева, увидев эту тетрадь, стащил ее, любопытен был. Ну что можно было прочитать в чистой тетради, когда все пока еще было записано в голове?

– А я видел вчера во сне Бога, – сказал я и был не понят. Оказалось, не к месту. А.Г и И.Д. переглянулись, простили мне откровение. Официант уже принес шашлыки, люля-кебаб. – Бог – это свет, – завершил я начатое.

«... новопреставленных завели в темный кинозал, где должны были они увидеть Бога. Зал был мне знаком потолком, оклеенным для акустики яичными клетками, как и кинозал Дворца культуры в поселке Кара Чухур. Отец Генки, моего друга детства, маляр высокого класса, делал ремонт кинозала, покрасил стены, оклеил потолок яичными клетками, и одна из клеток над четвертым местом в восемнадцатом ряду была приклеена перевернутой. Генка всегда садился под этой «клеткой наоборот», наверное, чтобы как-то скрыть оплошность отца. Я говорил ему, может, это люк, люк в небеса.

«Бог – это свет!» – говорили всё с возрастающей громкостью новопреставленные. Действительно, появился свет, он лился из перевернутой яичной клетки на потолке как поток света из кинопроектора на белый экран. Чем громче звучало: «Бог – это свет!», тем ярче проявлялся он на экране. Я слышал свой голос в хоре новопреставленных, хотя точно знал, что меня среди них нет, а если я незримо там и присутствую, то еще вернусь. Ну хотя бы потому, что мне необходимо попасть в Кара Чухур, войти в кинозал дворца, посмотреть на потолок, найти «неправильную» яичную клетку...»

Подтверждением моего сна был тонкий луч света, который, найдя прореху в осенних облаках, через осеннюю, пожелтевшую листву на деревьях, минуя наш стол, на миг озарил лицо пожилой дамы в шляпе, явно не местной, сидящей в «бакинской гондоле» – плоскодонке с мотором – на канале Венеции. Подняв голову, женщина заулыбалась, увидев в этом свете А.Г., кажется, даже узнала его.

Не приняли мое откровение, да и ладно. А.Г. был ярко освещен, для меня в литературе он был величиной большой. Женщина в «гондоле» смотрела на него, а он смотрел на меня.

– Что ж ты, милый мой, такой без тараканов? – спросил А.Г., когда мы ушли с Венеции и сидели с ним, уже вдвоем, в дегустационном винном подвале.Так уж по-

лучалось, что всех своих гостей мне удавалось затащить в дегустационный подвал на улице Зевина.

А я и не знал, что я без тараканов, считал себя человеком ушлым и вполне хитрющим. Но коль А.Г. говорит!..

Я пообещал себе напустить в себя тараканов.

Не приживались они. Теперь, через тридцать три года, я знаю, почему.

...Летом приехал сын с внуком, мы поехали на дачу к дочери, в Загульбу, Загульбу, которую помнили и любили с детства, я со своего, сын с дочерью – со своего. Дача, которую снимала семья дочери, была устроена так, что от самого входа начинался навес с виноградником, сразу за ним шла веранда из прозрачного пластика.

Сидишь на веранде, смотришь на море впереди, и тебя так и тянет пойти напрямик к нему, если забыть о 20-миллиметровом прозрачном пластике. И вот всякие там насекомые, жуки, может, даже и тараканы летучие, пролетая под виноградником, залетали на веранду, а дальше – к морю, ударялись о прозрачный пластик. Лежали лапками кверху, пока внуки мои, спасая несчастных, не подставляли к их шевелящимся лапкам свои тонкие пальчики и не выпускали на свободу. Я смотрел на жуков, думал, что также и те тараканы, что я загонял в себя, оказавшись во мне, теряли свою сущность тараканью, переворачивались лапками кверху в надежде на спасение.

...Завершали мы с А.Г. день у меня дома. Я пригласил его «на долму», просто сказал, что недавно женился, и жена моя приготовила свою первую в жизни долму. Поедем? «Была не была!» – согласился А.Г., вывернул наизнанку куртку, теперь она была другого цвета, надел ее – как вошел в другую жизнь. Мы вышли из дегустационного подвала.

Долма оказалась совершенной, а толстый шмат сала, что я привез из Москвы, – презент подруги юности Ларисы, вообще оказался для А.Г. ностальгическим.

– Выходит, ты, милый мой, поменял литературу на счастливую семейную жизнь, – завершая день общения со мной, вынес свой вердикт А.Г. – Обмен не самый плохой.

А я не собирался ничего обменивать; мне хотелось и первого, и второго, и третьего. Третье – это, типа, компот, бонус, признание, не всеобщее, конечно, а чтоб хотя бы невзлюбившая меня учительница русского языка в школе, услышав обо мне, призналась, что была неправа. Пошла бы, горько заплакав... но вряд ли ненавидящие особи способны плакать. Я было подумал назвать ее так, как А.Г. на семинаре назвал свою обидевшую его учительницу, словом средней едкости, но не было у меня такого статуса, который любую бы брань делал безобидной.

А.Г. уехал, во мне появился еще один связанный с ним пазл. Я подумал: жаль, не успел поделиться с А.Г. мыслью, что литература – это, в какой-то мере, пазлы, которые надо умело соединить. Пазлы не соединялись во мне, пока я не обнаружил несколько ключевых. Одним из них явился ветер. Все сокрушающий ветер, который мы с моими друзьями-нефтяниками пережили, находясь в море, в самом его эпицентре. Ветер, который посылается перед милосердием...